

Индекс П8643

2
2019

РОССИЯ XXI 2019 2

РОССИЯ XXI

2.2019 март-апрель

Теория и практика политических игр

Леонтий Бызов

Динамика идейно-политических предпочтений за 25 лет.
Три этапа трансформации общественного сознания»
(продолжение) _____ **6**

Страницы истории

Наталья Черникова

Парадоксы модернизации. Идея законности
в политической культуре пореформенной России _____ **24**

Игорь Татаринов

Особенности формирования украино-российской
границы в 1917–1919 гг. _____ **42**

Роман Гильминтинов

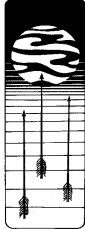
Радикальный индуктивизм Истпрофов в контексте
раннесоветской историографии _____ **64**

Ярлыки и мифы

Валерий Солдатенко

Христиан Раковский в революционных событиях
в Украине (1918–1923 гг.): поиск современных
научных акцентов _____ **86**

Пути духовных исканий

Андрей Ранчин

Образы Игоря и Кончака в «Слове о полку Игореве»: структура текста и исторические факты _____ **110**

Актуальный архив

Салават Исхаков

«...Призрачно независимый Азербайджан...»: информация М.-Э.Расулзаде для ЦК РКП(б) _____ **130**

Редакционная почта

Ксения Барабанова

Петербургские врачи глазами пациентов во время эпидемии холеры в 1831 году _____ **154**

Contents in English look at the page 176

РОССИЯ XXI

Редакционный совет

Председатель – **Дегоев В.В.**, доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Гриневский О.А., почетный доктор социологии Саутгемптонского Университета (Великобритания), чрезвычайный и полномочный посол в отставке;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного университета, главный специалист «Центра документальных публикаций» РГАСПИ;

Киянская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ; ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

Милюков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета, директор Института международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ

Журнал «Россия XXI» включен
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Каравашкин А.В.;
Ковалев М.В.;
Любин В.П.;
Петрова И.Н.;
Фельдман Д.М.;
Хайлова Н.Б.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, истории, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Направляемые в редакцию статьи должны соответствовать тематике журнала (**см. рубрикатор на сайте**), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Содержание статьи должно содержать разделы, касающиеся предмета и метода исследования, состояния объекта исследования на текущий момент и научной новизны работы. В конце статьи необходимо сделать выводы.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи.

Аннотацию на русском и английском языках (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова на русском и английском языках.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Постагыйный (нумерованный) библиографический список, оформленный в соответствии с требованиями ВАК РФ.

В начале списка помещаются архивные материалы, затем публикации (по алфавиту).

Для книг указываются *издательства (типографии* – для дореволюционной поры) и *листаж*, для статей – *страницы в издании*.

Для электронных изданий обязательна *дата обращения*.

В тексте и в постраничных примечаниях (после содержательной части) ссылка дается в квадратных скобках:

Объем статьи, включая библиографический список, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в нескольких номерах журнала.

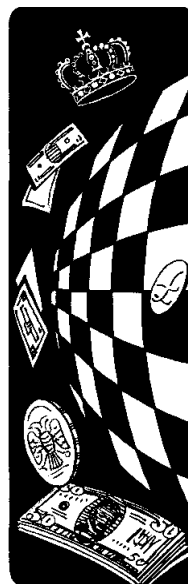
Статья представляется в редакцию на электронном носителе (MS Word).

Общество всегда находится в заговоре против человека. Конформизм считается добродетелью, уверенность в себе – грехом. Общество любит не человека и жизнь, а имена и обычаи.

Ральф Эмерсон

Большинство общественных учреждений устроено так, словно цель их – воспитывать людей, заурядно думающих и заурядно чувствующих: таким людям легче и управлять другими, и подчиняться другим.

Никола де Шамфор

Леонтий Бызов

**ДИНАМИКА ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ЗА 25 ЛЕТ
ТРИ ЭТАПА ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ**

РОССИЯ В МИРЕ

УДК
324

В статье, основанной на результатах исследований ИС РАН и ВЦИОМ, показана эволюция идейно-политических предпочтений россиян за последние четверть века. Прослеживается переход от советского типа массового сознания к западническому, к умеренно-государственническому в «нулевые». Автор выявляет перспективы дальнейшей динамики на основании вектора массового общественного запроса. В данном разделе статьи рассматриваются события и процессы, развивавшиеся с начала «нулевых» годов, по начало «десятих», до «третьего срока» В.Путина и конфликта с Украиной.

The article, based on the results of research of is RAS and VTSIOM, shows the evolution of ideological and political preferences of Russians over the past quarter century. The transition from the Soviet type of mass consciousness to the Western one to the moderate-state one to the "zero" is traced. The author reveals the prospects of further dynamics on the basis of the vector of mass public demand. This section of the article deals with the events and processes that developed from the beginning of the "zero" years, to the beginning of the "tenth", to the "third term" of V.Putin and the conflict with Ukraine.

Ключевые слова: ценности; массовое сознание; общественный запрос; консерватизм; либерализм; западничество; перемены; социальная справедливость.

Key-words: values; mass consciousness; public inquiry; conservatism; liberalism; Westernism; changes; social justice.

E-mail: Leontiy13@mail.ru

* Продолжение. Начало см.: Россия XXI. 2019-1.

**Умеренно-консервативный
(государственнический)
период реформ**

Продолжим разговор о переходе с первого, либерального, ко второму, государственническому, этапу реформ. Содержательные оценки того явления, которые сторонники были

склонны называть «путинской стабильностью», а недоброжелатели – «путинским неозастоем», весьма различаются в зависимости от видения общеисторической перспективы. Для тех, кто видит общую универсальную тенденцию формирования демократического общества и экономической модернизации, путинский «термидор» – это вынужденная остановка, для сторонников своего, особого пути – возвращение к своей «исторической самости», политической и социокультурной идентичности.

В период кульминации режима в «нулевые» возник феномен, получивший название «путинский консенсус». Движение к рынку, но не безоглядное, осторожное, с социальными гарантиями для нерыночных секторов экономики. Центристское большинство, имевшее определенные, с одной стороны, «левые» черты, в основном связанные с патерналистским представлением о государстве как главном организующем обществе субъектом, с другой, – национал-патриотические черты, связанные с актуализацией национал-государственнической проблематики и возвращением представлений о тотально враждебном к России внешнем окружении (особенно после 2004 года). В конце 90-х начался процесс социально-культурной консолидации общества после глубочайшего раскола 1990-х. Сформировался довольно внушительный по объему средний класс, носитель консолидированных ценностей. Многими, в том числе и автором этих строк, за этими процессами виделся «новорусский этногенез», рождение новорусской нации [3; 5]. Если сокращающиеся количественно ядра «западнического» и «традиционалистского» сегментов массового сознания по своей идентификационной ориентации все еще сохраняли черты резко полярных «субкультур», то возникавшие «посередине» группы – социалистической, националистической или центристской ориентации – демонстрировали общенациональный синтез. Несмотря на различные самоназвания, эти типы сознания во многом имели общие характеристики. Образовался мощный центр, в котором присутствовал синтез всех имевших место ранее идеологем. Соответственно, обществом и властью был принят негласный исторический компромисс между рыночными реформами и укреплением государства. До поры до времени государство было гарантом соблюдения данного компромисса. Власть виделась наименьшим злом как

«рыночникам», так как движение в сторону рыночной модернизации замедлилось, но не остановилось, так и «государственникам», патерналистам и национал-патриотам, так как многие сектора общественной жизни оказались выведены из-под «всесокрушающей» руки свободного рынка, а страна, выражаясь языком пропагандистских штампов, стала «подниматься с колен».

В этой ситуации власть не нуждалась в общественной любви, в харизме, устойчивая конструкция, основанная на ценностной унификации, держала ее на плаву в любом случае. «Путинская эпоха» в идеологической плоскости в период своей кульминации представляла собой смесь самых разных идейных доктрин. Эту смесь в ряде работ мы назвали «консенсусной метаидеологией» [5; 6; 7]. Как ожидали от наступающей эпохи, «главной задачей Путина станет именно искоренение нефеодалной системы "кормлений", обеспечение равных условий гражданам, регионам, предприятиям, торжество законности и порядка» [3; 6]. Однако уже тогда была очевидна институциональная недостаточность режима. «В стремлении повысить административную управляемость политическими и социальными процессами, что предполагает упрощение институциональной сферы, легко теряется устойчивость этих процессов, базирующаяся как раз на институциональной сложности и разнообразии политических и социальных субъектов» [7]. Это не мешало видеть прочность и долгосрочную безальтернативность режима.

По большинству параметров Россия времен реформ 1990-х в восприятии россиян резко контрастирует как с СССР при Брежневе, так и с современной, путинской Россией. Так, для позднего СССР характерными оказываются социальная защищенность, наличие идеалов, порядок, жизнерадостность, доверие между людьми, успехи в образовании, мощная промышленность – все характеристики исключительно позитивные. Для России эпохи реформ характерны тяжелое экономическое положение, страх, межнациональные конфликты, преступность, бандитизм, неуверенность в будущем, социальная несправедливость, бездуховность – все сплошь негативные. Для путинской России характерны возможности карьеры, гражданские и политические свободы, уважение Православной церкви, взяточничество, социальная несправедливость, авторитет в мире. Таким образом, путинская Россия – это частичное преодоление того плохого, чем отличались 90-е годы. Если посмотреть на все положительные индикаторы, то они были высоки при советской власти, сильно снизились в эпоху реформ и снова стали расти в период правления В.Путина. Но вот что касается экономических и политических сво-

ДИНАМИКА ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ЗА 25 ЛЕТ

бод, по мнению большинства, таких свобод, как в нынешнее время, не было ни в советские, ни в первые постсоветские времена¹ [1; 5].

Каждый период нашей истории чем-то по-своему отличался. Ознакомьтесь, пожалуйста, с приводимыми суждениями и скажите, каким историческим периодам России или СССР они в большей степени подходят? (табл. 1.)

	Это подходит к:			
	СССР при Л.Брежнев	России времен Б.Ельцина	Современной России	Затруднились ответить
Тяжелое экономическое положение	11,2	68,3	19,8	0,7
Страх	14,7	64,6	19,7	1,1
Социальная защищенность	62,1	9,3	27,0	1,7
Наличие идеалов	69,0	9,6	19,9	1,6
Международные конфликты	7,7	57,0	34,8	0,6
Дисциплина, порядок	66,4	8,0	23,0	2,6
Быстрое экономическое развитие	37,7	13,3	45,8	3,2
Жизнерадостность	58,0	9,4	31,3	1,3
Успехи в искусстве	55,1	8,4	35,4	1,2
Доверие между людьми	69,3	7,4	22,0	1,3
Возможности профессионального роста и карьеры	38,1	10,8	50,0	1,2
Возможность стать богатым человеком	7,6	40,3	50,9	1,3
Преступность, бандитизм	4,9	76,6	17,9	0,7
Любовь к Отечеству	57,2	8,3	34,0	0,6
Успехи в образовании	61,2	7,5	30,3	1,0
Авторитет в мире	47,8	8,2	43,4	0,7
Бюрократия	22,5	34,3	42,3	1,0
Кризис	4,3	43,7	51,2	0,8
Гражданские и политические свободы	12,2	29,3	56,5	2,1
Успехи в науке и технике	49,8	8,1	41,4	0,8
Чувство гордости	52,0	7,6	38,9	1,6

¹ *Использованы базы мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», созданные при финансовой поддержке РФФ». Опрос проводился дважды в год, 9 волн по 4000 опрошенных в период 2014–18 гг.*

Россия в мире

Неуверенность в своем будущем	5,5	59,5	34,0	1,1
Уважение Православной церкви	10,2	18,5	69,9	1,5
Мощная промышленность	62,8	7,2	27,9	2,1
Социальная несправедливость	6,8	52,6	39,4	1,3
Коррупция, взятки	5,0	44,1	50,1	0,8
Бездуховность	11,8	54,2	32,7	1,3

Таблица 1. Психологические качества, характеризующие различные исторические эпохи (ИС РАН, 2017)

90-е годы остаются в восприятии россиян годами потерь, а 2000-е – годами приобретений. Среди приобретений для общества, характерных для различных периодов истории страны, называют такие, как:

- закрытие не выдержавших конкуренцию предприятий;
- возможность зарабатывать без ограничений;
- прекращение гонений за веру;
- возможность начинать свой бизнес – **1990-е годы**;

- насыщение рынка товарами;
- появление новых рабочих мест;
- свобода передвижений, включая выезды за рубеж;
- рост авторитета России в мире;
- повышение роли религии и Церкви в обществе;
- рост обороноспособности, развитие оборонного комплекса;
- рост благосостояния граждан;
- укрепление частной собственности;
- более яркую, динамичную и интересную жизнь;
- многопартийность, свободные выборы; возможности для самовыражения и личной карьеры – все это уже в **2000-е годы**.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что большинство общественного мнения признает за эпохой В.Путина в качестве достижения не только рост благосостояния и укрепление государства, но и развитие демократических процессов. То есть именно то, в чем этой эпохе категорически отказывает общественное меньшинство. Из следующей таблицы видно, как мало было достижений в 1990-е годы и как много – в 2000-е, уже при В.Путине [1; 5] (табл.2).

ДИНАМИКА ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ЗА 25 ЛЕТ

	Для общества в 1990-е годы	Для общества в 2000-е годы
1. Возможность зарабатывать без ограничений	36,1	44,3
2. Насыщение рынка товарами	24,4	77,6
3. Новые рабочие места	13,3	57,0
4. Свобода передвижения, включая выезд за рубеж	26,5	72,1
5. Рост авторитета России в мире	13,3	64,7
6. Прекращение гонений за веру	34,3	56,1
7. Повышение роли религии и церкви в обществе	24,5	65,1
8. Закрытие предприятий, производств, не выдержавших конкуренции	60,3	41,6
9. Рост обороноспособности, развитие оборонной промышленности	9,6	74,7
10. Рост благосостояния значительной части граждан, появление среднего класса	15,1	54,8
11. Жизнь стала ярче, интереснее, динамичнее	12,2	56,9
12. Укрепление частной собственности	21,1	69,0
13. Многопартийность, свобода слова, свободные выборы	26,7	62,5
14. Конвертируемость рубля	25,4	52,5
15. Большие возможности для самовыражения и личной карьеры	15,7	62,1
16. Нормализация ситуации на Кавказе	9,3	74,7
17. Расширение доступа к высшему образованию	13,0	59,5
18. Возможность начать свой бизнес	33,6	58,3

Таблица 2. Сравнительные характеристики 1990-х и 2000-х годов в восприятии обществом (ИС РАН, 2017)

Среди потерь, напротив, понятен и предсказуем список потерь годов 1990-х. Все, за исключением молодых людей, помнят те проблемы, которые так и остались визитной карточкой той тяжелой эпохи. А вот список потерь 2000-х годов показывает, что значительная часть общества продолжает испытывать тоску по временам большей социальной справедливости, защищенности и безопасности.

Вот потери 1990-х годов:

- *отход от идей социализма;*
- *снижение уровня жизни большинства населения;*

- *утрата стабильности, чувства безопасности;*
- *падение морали;*
- *безработица;*
- *снижение обороноспособности страны;*
- *потеря уверенности в завтрашнем дне;*
- *развал промышленности;*
- *жертвы в войнах, вооруженных конфликтах.*

А список существенных потерь 2000-х годов значительно короче. Это:

- *рост цен, коммунальных платежей;*
- *зависимость страны от экспорта энергоресурсов;*
- *коррупция;*
- *деление страны на богатых и бедных;*
- *отсутствие социальной справедливости;*
- *теракты;*
- *снижение качества медицины и образования.*

Уже начиная с конца 90-х годов, симпатии общества оказались поделены между двумя спокойными, стабильными периодами российской истории – СССР времен Брежнева (36%) и Россией В.Путина (45%). Лишь 1% опрошенных выбирал период президентства Б.Ельцина. Примерно такое же отношение к этим вехам новейшей истории остается и по сегодняшний день. В своей консервативной фазе периоды реформ, разного рода потрясений и перемен остаются непопулярными.

Итак, в российском обществе посткоммунистической эпохи стали все отчетливее проявляться тенденции консерватизма, стремление к стабильности и порядку.

Рассмотрим в связи с этим оценку опрошенными знаковых событий уже последующей путинской эпохи, как первой ее фазе (до 2012 г.), так и второй (после 2012 г.) [1; 5] (табл.3).

Все опрошенные:

	С позитивом	С негативом
Избрание В.Путина в 2000 г. Президентом России	77,0	12,1
Избрание Президентом России Д.Медведева в 2008 г.	36,0	43,2
Война с Грузией в 2008 г.	16,9	70,4

ДИНАМИКА ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ЗА 25 ЛЕТ

	С позитивом	С негативом
Массовые протестные выступления 2011–2012 гг.	18,8	47,9
Избрание В.Путина в 2012 г. Президентом России	76,6	14,5
Проведение Олимпиады в Сочи в 2014 г.	79,0	12,5

Либеральное меньшинство:

Избрание В.Путина в 2000 г. Президентом России	65,7	14,9
Избрание Президентом России Д.Медведева в 2008 г.	37,2	40,3
Война с Грузией в 2008 г.	13,6	70,5
Массовые протестные выступления 2011–2012 гг.	28,1	39,3
Избрание В.Путина в 2012 г. Президентом России	61,6	23,8
Проведение Олимпиады в Сочи в 2014 г.	72	18,4

Таблица 3. Оценки знаковых событий 2000–2014 гг. в восприятии общества в целом и «либеральным меньшинством» (ИС РАН, 2017)

Мы видим, что в эпоху «путинского консенсуса» существенных расхождений в оценке ключевых событий между большинством и либеральным меньшинством нет. Именно поэтому мы и проводим резкую грань с последующим периодом 2012–2014 гг., оценки событий которого стали снова раскалывать общество.

Если говорить о политических причинах роста консервативных тенденций и о соответствующей трансформации системы политических ценностей, то следует отметить, что на смену ценностному расколу 1990-х сформировался своего рода неоконсервативный «ценностный консенсус», социокультурный феномен, когда по целому ряду ключевых вопросов общественного бытия было достигнуто временное согласие большей части общества, основанное на синтезе самых разных идеологем, ранее казавшихся взаимоисключаемыми. Как показывали социологические исследования, в качестве самой важной, актуальной россиянами выделялась такая триада ценностей, как порядок, справедливость и стабильность. Эта картина устойчиво наблюдается как минимум с начала «нулевых» и практически не претерпела изменений за минувшие почти два десятилетия. Далее с оп-

ределенным отрывом шла свобода. При этом к базовым ценностям порядка, справедливости, стабильности [6] тяготеют практически все группы, в том числе и электораты всех основных политических партий, различия между которыми с точки зрения их идеологии стали в этот период достаточно слабо выраженными [3]. Политические ценности, в том числе такие, как ценности демократии, отошли на задний план, причем нельзя сказать, что общество их полностью отрицает, скорее просто не придает большого значения. Теоретически общество за демократию – за выборы, за политически свободные СМИ (цензуру, правда, хотят вводить, но не политическую, а нравственную), за свободу передвижений, против вмешательства государства в частную жизнь. Но актуальность демократических ценностей снижена, это сегодня (как и вчера, и позавчера) – ценности второго, третьего, четвертого порядка. В то же время, несмотря на видимое усиление консерватизма, общество довольно быстро модернизируется. Если социальные, политические, идеологические противоречия 90-х годов в огромной степени исходили из сохранившихся реликтов, наличия традиционных сегментов общества, в том числе «законсервированных» позднесоветским строем с его невысокой в это время социальной динамикой, то за последнее десятилетие эти сегменты практически размылись, может быть, за исключением некоторых окраинных национальных республик. Современное российское общество заметно унифицировалось, процесс скопления населения в мегаполисах, процесс унификации образа жизни, процесс адаптации к рыночным реформам идет достаточно быстро. Доля безнадежно неадаптировавшейся части населения за эти десять лет сократилась до 10–12% (по сравнению с 54% на момент дефолта 1998 года). И отнюдь не эта группа общества сегодня диктует «моду на неоконсерватизм», скорее наоборот, самые бедные и неприспособившиеся слои населения более всего стремятся к переменам, по крайней мере на словах. Современное поколение неоконсерваторов имеет совершенно другую социальную базу, чем, скажем, имели консерваторы 90-х годов, в основном голосовавшие за КПРФ, которая стала в то время носителем, ядром традиционных, частично переваренных советской системой ценностей. Сегодня носителем консервативных ценностей, ценностей порядка и стабильности, является средний класс и примыкающие к нему снизу социальные группы, стремящиеся интегрироваться в состав

ДИНАМИКА ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ЗА 25 ЛЕТ

среднего класса. Восстановление традиционного уклада жизни, многодетных семей, русского коллективизма, являющегося своего рода экспортным брэндом «русского характера», патриархального быта в целом, не имеют своих значимых социальных носителей. Современная генерация россиян – в основном жителей, представляющих городской универсальный, унифицированный образ жизни – очень далека от каких-то глубинных российских корней. Наоборот, неоконсерватизм – это альтернатива не только либеральным, но и консервативным ценностям, это процесс формирования устойчивого порядка в обществе, где традиционные ценности и институты уже не могут быть жизнеспособными.

Для объяснения данного феномена политологи чаще всего ссылаются на феномен синкретизма, слабой расчлененности массового сознания. Множественность парадигм воспринимается на уровне глубинных архетипов как болезненное состояние, раскол, предчувствие гражданской войны. Люди голосуют за «единство», даже наступая на горло собственным взглядам и симпатиям, ориентируются на власть, объединяющую общество, реализующую общенациональную субъектность. Тяга к единению, своего рода фрустрация за общественный развал предшествующей эпохи, сыграла значительную роль в дискредитации политической оппозиции в «нулевые» годы. Даже если на уровне заявлений и деклараций оппозиция вызывала согласие, общество стало отказываться ей в поддержке. Без сопротивления со стороны общества принимались меры по построению административной вертикали, которые лишали граждан части их демократических прав. Это касается и отмены прямых выборов глав субъектов федерации, и ужесточения разного рода барьеров на путях партий и отдельных политиков.

В сегодняшней России нет и вряд ли предвидятся серьезные «партии интересов», которые в соответствии с требованиями классической политологии, отражали бы и защищали интересы каких-то отдельных групп общества. А когда такие партии появляются, они скорее имитируют свои «социальные» корни и соответствующие им социально-экономические парадигмы. Часто идеологический синкретизм «списывают» на имманентно присущие россиянам глубинные национальные архетипы и, в соответствии с этим, признают «особой чертой», отличающей российскую политическую модель от европейской, что остается предметом дискуссий среди политологов и

историков. На наш взгляд, более обоснованной является точка зрения, согласно которой феномен объединения общества вокруг «партии власти» не является проявлением «вековой русской соборности» и сопряжен одновременно с безразличием, общественно-политической пассивностью, носит во многом формальный характер. «Синкретизм» массового сознания, когда на уровне подсознания каждый гражданин воспринимает себя скорее как часть целого, чем как самостоятельного субъекта, вступает в противоречие с другими данными, свидетельствующими о глубокой индивидуализации общественного бытия современных россиян, их нежелании и неспособности выстраивать социальные связи и проявлять солидаризм. Скорее речь идет о том, что «коммунисты», «либералы» и другие идеологические ярлыки утратили привлекательность для людей, одновременно с разочарованием в институте политических партий. Как видно из следующей таблицы, это произошло уже давно, как минимум начиная с 2001 года, а фактически раньше, и с тех пор ничего экстраординарного в этой сфере не происходило. Это не означает, что в стране нет левых, русских националистов, либералов – нет, они есть, и они выявляются через ответы на содержательные вопросы, а вот откликаться на соответствующие политические «ярлыки» готовы немногие. Об этом ярче всего говорит то, что более 75% опрошенных россиян на вопрос социологов не смогли или не захотели отнести себя к числу приверженцев ни одного определенного идейно-политического течения. 43% опрошенных вообще предпочитают себя не считать сторонниками каких бы то ни было идейно-политических течений, и 14% выступают за «сочетание различных идей»; 20% затруднились ответить [2]. Подобная неготовность общества к доктринальной самоидентификации в идейно-политической плоскости и его видимое равнодушие к соответствующему дискурсу безусловно контрастируют с ожесточенностью полемики в публичном пространстве. Тональность этой полемики задают радикалы, сами по себе имеющие малочисленную поддержку, а остальной, скорее, конформистской части общества эта полемика навязывается. Именно поэтому наблюдаемый сегодня общественный раскол нам представляется во многом искусственным, чем-то вроде мыльного пузыря, старательно надуваемого с целью поддержания массового сознания в состоянии мобилизации.

ДИНАМИКА ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ЗА 25 ЛЕТ

Эта картина больше напоминает ту, которая наблюдалась еще в конце «нулевых». Даже те, кто по совокупности своих взглядов и ценностей скорее примыкает к либералам, не хотят называть себя либералами. Так по своим ценностям в той или иной форме к либералам можно отнести 20–25% населения страны, а идентифицируют себя как либералов меньше 5%. Еще меньше готовы голосовать за политические партии либеральной направленности. То же самое касается и других общественных течений. При этом численность тех, кто относит себя к либералам, снижается от 7% у молодежи до 2% среди самой старшей возрастной группы (больше 60 лет), а доля сторонников коммунистов, напротив, возрастает от 3% до 11%.

Понятно, что из этого консенсуса уже в «нулевые» выпадали наиболее радикально настроенные левые и националисты различного толка, а также меньшая, но наиболее радикальная часть либералов. С этими ценностными идеологемами выражали в то время согласие в среднем более 80% населения России. Избиратель прощал «партии власти» и невнятную социальную концепцию, и противоречивую идеологию, и номенклатурное лицо ради сверхзадачи, с которой в его глазах связана путинская «партия власти», – объединить общество, восстановить государственную субъектность.

Особо следует остановиться на месте демократической идеологии в рамках «консенсусной метаидеологии» [4]. Критика демократии образца 1990-х, ставшая лейтмотивом многих политико-идеологических высказываний эпохи Путина, вполне совпадала с мнениями и оценками большинства россиян. Согласно исследованиям ВЦИОМ в тот период почти половина опрошенных (49%) считали, что полноценная демократия в России так и не состоялась. Простые люди в «демократической» России остаются безгласными и бессильными повлиять на власть, их мнение никак не влияет на принятие решений. То есть дело не в самой демократии, а в том, что ее исполнение в России оказалось выхолощенным, неполноценным. Альтернативных точек зрения, согласно которым «демократия вообще не подходит для России» и близкой к ней, – что «Россия не созрела для настоящей демократии», – придерживались, соответственно, 16% и 14%, то есть в сумме около 30%. Между тем на еще более прямой вопрос об особенностях российской демократии 80% опрошенных выражали в целом негативное к ней отношение, заключающееся в том, что «эта демократия мало влияет на нашу повседневную жизнь, все равно нами правят те, у кого больше денег и связей». По сути

речь шла о том, что в России создана не столько демократия, сколько ее фасад, с такими формальными атрибутами, как избираемые населением Президент, Государственная Дума, органы представительной власти на местах, многопартийность, но этот фасад никак не влияет или в малой степени влияет на повседневную жизнь граждан, не видящих путей защиты своих реальных интересов. Фасадная демократия является лишь ширмой, за которой скрывается весьма антидемократическая реальность нашей жизни.

Об этом лучше всего говорят данные, приводимые в следующей таблице. В ней не видно какой-то яркой динамики за минувшие 20 с лишним лет социологических наблюдений. Так, идея «державности» набирает стабильно более 40%, начиная с 1995 года. Идея сближения с Западом уже в том же 1995 году, когда началось массовое разочарование в реформах Ельцина–Гайдара, набирала всего 12%, а к 2017 году снизилась до 8%. Идея национальной уникальности стабильно набирала 7–9%, равно как и идея индивидуальной свободы, приоритета интересов личности над интересами государства. Впрочем, как отмечалось выше, реальное значение этой ценности выше, но она не входит в черты парадного автопортрета формирующейся российской нации. А вот идея создания правового государства, видимо, обнадеживавшая россиян на рубеже 90-х и «нулевых» и связывавшаяся с «ранним Путиным» (47%), за эти годы снизилась до 26%. Резко – с 2% до 15% – вырос рейтинг идеи «противостояния Западу», но большая часть этого роста пришлась еще на период конца 90-х, а вовсе не стала результатом политики «покорения Крыма». Напрашивается вывод, что наиболее значимая смена ценностей произошла еще в середине 90-х и была направлена в сторону державности и сильного государства, а в первые годы нынешнего века было найдено устойчивое состояние баланса модернистских и консервативных ценностей, снова ставшее нарушаться после 2014 года [5] (табл.4).

Динамика представлений россиян о том, какая идея могла бы объединить российское общество, 1995–2011 гг., %³

Идея	1995	2001	2011	2017
Идея единения народов России в целях ее возрождения как великой державы	41	48	42	44
Идея укрепления России как правового государства	30	47	38	26

ДИНАМИКА ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ЗА 25 ЛЕТ

Идея объединения народов для решения глобальных проблем, стоящих перед человечеством	24	24	26	23
Идея сближения с Западом, вхождения России в общеевропейский дом	12	15	7	8
Возвращение к социалистическим идеалам и ценностям	10	15	21	15
Идея объединения всех славянских народов	9	15	13	11
Идея национальной уникальности, особой исторической миссии русского народа	7	8	9	9
Идея индивидуальной свободы, приоритета интересов личности над интересами государства	6	10	8	6
Идея очищения общества через православную веру	6	8	9	4
Идея противостояния Западу, опоры на собственные силы	2	13	12	15
Другая идея	1	2	1	1
Затрудняюсь ответить	7	6	18	21

Таблица 4. Идеи, способные объединить общество, в динамике 2000–2017 гг., (ИС РАН, 2018)

Мейнстримом идеологических тенденций в период «нулевых» стал «лево-правый» характер идеологического мейнстрима массового сознания в сегодняшней России. Люди мечтали о «новом социализме», непохожем на советский опыт, говорили о равенстве возможностей как основе социальной справедливости, дорожили достижениями потребительского общества, ценили свободу зарабатывать, потреблять, перемещаться в пространстве. Но одновременно они были ценителями идей порядка и справедливости, патриотами по убеждениям и общему социальному самочувствию. И на фоне всех этих процессов нерасчлененность общественного сознания, отсутствие сформированного самосознания социальных и региональных групп общества из достоинства, предвещающего быстрое созревание эффективной политической нации, видится скорее недостатком, своего рода «болотом», в котором все позитивные инициативы, все «политически живое», тонуло и растворялось, не оставляя видимого следа. Укрепление «этатистского» начала, сужение поля индивидуальной свободы и ответственности, расширение зон регламентации и откровенных запретов угнетающе действует на

наиболее самостоятельные и активные группы. По данным Левада-центра, «если в 2004 г. о своей уверенности в завтрашнем дне среди людей наиболее работоспособного возраста (25–39 лет) заявляли 48%, то в 2008 г. – только 38%» [6]. Тем не менее на второй фазе реформ существовал баланс между умеренным политическим центром, в котором идея сильной и ответственной государственности объединяла «системных» национал-патриотов и либералов, и этот союз обеспечивал медленное продвижение по пути модернизации страны, создавал фон необходимого для этого общественного согласия. Одновременно шел процесс модернизации, хотя и не столь форсированный, как в предшествующем периоде. Росла доля тех, кто был в состоянии прожить без поддержки государства. А в крупных городах этот слой составил основу т.н. «креативного класса», ставшего инициатором запроса на политические перемены в 2011–2012 гг. Перемены состоялись, но прошли по совершенно иному сценарию, чем предполагали инициаторы протестных акций. Они привели к резкой радикализации и поляризации общества, что предопределило переход к новой фазе реформ – мобилизационной или радикально-государственной.

Завершая настоящий обзор, не могу не высказать суждение, что описываемые полтора десятилетия, с начала «нулевых» по середину «десятих», стали своего рода и «золотым веком» – никогда в своей истории россияне не жили столь благополучно! – и одновременно веком упущенных возможностей, когда ситуативное благополучие было промотано, а не вложено в будущее страны. Однако объективных оценок возможностей дано не было, и они оказались страшно переоценены. Как результат, Россия вместо медленного и долгого восстановления ресурсной базы, человеческого капитала, утраченного в ходе неблагоприятного для нее завершения XX века, решила, что она уже встала с колен и, следовательно, может диктовать *urbī et orbī* свои правила игры. Эта установка оказалась ошибочной, государство ввязалось в бесперспективную конфронтацию с большей частью окружающего мира, не имея за спиной ни устойчивой экономики, ни готового к длительной мобилизации общества. Но это уже тема следующего продолжения.

(Окончание следует)

ДИНАМИКА ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ЗА 25 ЛЕТ

Библиографический список

1. Бызов Л.Г. Взгляд в будущее и прошлое через призму современных общественных противоречий // Общественные науки и современность, 2018. №3. С.66–80.
2. Бызов Л.Г. Идеиные расколы и президентские выборы // Россия XXI. 2018. №3. С.4–22.
3. Бызов Л.Г. Контурь новорусской трансформации. М., РОСППЭН, 2013. 390 с.
4. Бызов Л.Г. Неоконсервативная волна в современной России – фаза очередного цикла или стабильное состояние? Мир России, 2010. Т.19. №1.
5. Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа / М.К.Горшков [и др.]; отв. ред. М.К.Горшков, В.В.Петухов. – М.: Весь мир, 2018. 384 с.
6. От Ельцина до Путина. Монография под редакцией Валерия Федорова. Москва: изд. и консалтинговая группа «Праксис», 2007. 224 с.
7. От плебисцита – к выборам: Как и почему россияне голосовали на выборах 2011–2012 гг. / Под редакцией Валерия Федорова. Москва: изд. и консалтинговая группа «Праксис», 2013. 496.

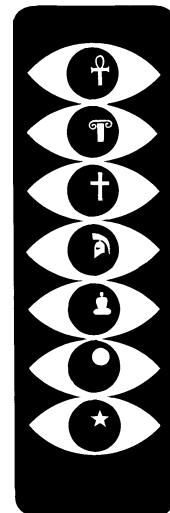
Мудрый законодатель начинает не с издания законов, а с изучения их пригодности для данного общества.

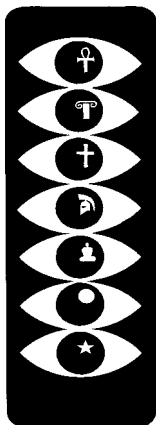
Ж-Ж. Руссо

Революционное сознание выражает себя в убеждении, что возможно новое начало.

Юрген Хабермас

Наталья Черникова

ПАРАДОКСЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

ИДЕЯ ЗАКОННОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

УДК
94(47).08:35

В статье обосновывается невозможность для власти во второй половине XIX в. опереться в своей деятельности на общественные структуры, в результате чего в пореформенной России сохранялись сильные этактистские тенденции, а двигателем процесса реформирования оставалась бюрократия. Среди ее представителей, особенно на высших ступенях чиновной лестницы, было много юристов, что способствовало проявлению правового сознания в законодательной сфере, повышенному вниманию к соблюдению юридических норм. Временами это происходило за счет сужения других функций государства, в частности – при возникавших противоречиях часто игнорировались вопросы социальной защиты. Возвращение к ним внимания бюрократов-реформаторов обуславливалось, главным образом, возможностью социальных потрясений.

The author argues that authorities couldn't rely on social forces, so strong statist tendencies continued in post-reform Russia and bureaucracy remained the engine of the reform process. There were many lawyers among statesman in the higher levels of administration, and this contributed to manifestation of legal consciousness in the legislative sphere, increased attention to issues of law and order. Sometimes this happened at the expense of narrowing of other functions of the state. In particular, social security issues were often neglected when they contravened the principle of legality. The return of attention to them by the bureaucracy occurs only under the threat of social upheaval.

Ключевые слова: законность; социальные функции; реформы; бюрократия; государственный совет.

Key words: legality; social functions; reforms; bureaucracy; State Council.

E-mail: ncher@inbox.ru.

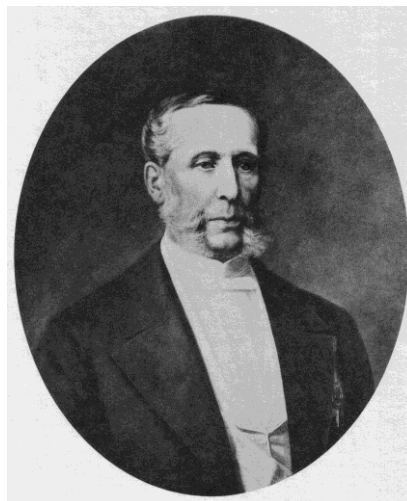
Вызванная Великими реформами Александра II трансформация российского общества повлекла за собой трансформацию системы управления (в направлении ее демократизации и роста законности). В полной мере эти перемены проявились лишь в начале XX столетия, когда существенно расширилась опора власти на общество и сформировалось то правовое поле, в котором стало возможным строгое соблюдение законов. В публицистике того времени, а затем и в исследовательских работах, оба эти достижения приписывались Первой русской революции 1905–1907 гг. Однако изменения такого рода не могут носить спонтанного характера, они вызревают подспудно и всегда имеют гораздо более глубокие корни, нежели это кажется на первый взгляд. Существенные сдвиги в направлении демократизации управления и его безусловного подчинения существующим законам можно с уверенностью проследить, по крайней мере, с последней трети XIX столетия.

Общество глазами бюрократии Проекты привлечения представителей общества в высшие правительственные учреждения в качестве «экспертов» (проекты П.А.Валуева, вел. кн. Константина Николаевича, М.Т.Лорис-Меликова) стали темой обсуждения на самом высоком уровне с 1860-х годов. Эти крупные законодательные акты так и не были осуществлены. Однако и помимо них тенденция к демократизации управления проявлялась в разнообразных формах. В стране была проведена земская реформа, возникло множество самостоятельных (главным образом – благотворительных, просветительских) организаций, развитая система периодической печати, оказывавшая определенное влияние в том числе и на решение вопросов управления. Обычной практикой при разработке различного рода законов стал сбор мнений экспертов – местных чиновников, общественных деятелей, профессионалов – о подготовленном в министерстве проекте, который впоследствии дорабатывался и изменялся. Ходатайства земств неоднократно становились причиной разработки вопросов в правительственных структурах. Все это можно рассматривать как примеры сотрудничества власти и общества, причем власть на такое сотрудничество шла охотно и добровольно.

Однако во второй половине XIX столетия ни самоуправление, ни самодеятельные организации, ни периодическая печать не достигли еще такого уровня развития, который давал бы им возможность играть ту заметную роль, которую они получили в начале XX века. Все это и определило довольно пренебрежительное отношение многих чиновников к общественному мнению. И хотя, как показывает В.Я.Гросул, начиная с эпохи Великих реформ власть, уже не только в лице отдельных своих представителей, но все более массово признавала значение общественного мнения [5, с.146, 305], до завершения этого процесса было еще далеко. По свидетельству А.В.Никитенко, Валуев любил «повторять, что он не признает общественного мнения, что его у нас нет. Он не раз повторял это мне, Гончарову, Тройницкому» [7, с.79, запись 31 марта 1867 г.]. А ведь в это время Валуев был министром внутренних дел, и, что еще более примечательно, именно его перу принадлежал проект (1863) о привлечении общества к управлению – ежегодного созыва законосовещательного «съезда государственных гласных» из представителей губернских земских собраний и крупных городов. В 1869 г. общественное мнение стало предметом обсуждения покинувшего министерский пост П.А.Валуева и его преемника А.Е.Тимашева. Сановники сошлись на том, что за-

А.Е.Тимашев

П.А.Валуев

рождающееся в России и признаваемое в правительственной среде общественное мнение слишком зависит от прессы как единственного его выразителя и руководителя. «Сословные и общественные собрания ограничены известными предметами ведения и притом в большей или меньшей степени подцензурны. Правительство, обыкновенно, не имеет повода высказываться. Одна пресса энциклопедично и бесцензурно подготавливает, внушает или сочиняет то самое общественное мнение, которое она же, впоследствии, систематически проповедует» [18, с.245]. Тимашев пошел еще дальше, предупреждая о домогательствах «наших литературных коноводов нашего общественного мнения» «сделать правительство наше ответственным перед прессою» [18, с.243].

Общество во власти

Недоверие к выражаемым в печати мнениям со стороны ведущих чиновников не носило спонтанного, эмоционального характера, а основывалось на определенных фактах.

Многие сановники империи имели опыт провинциальной службы, кроме того, по роду деятельности, они отчасти были знакомы с положением дел на местах и знали принципиальную гражданскую незрелость подавляющей части русского общества. «Нам надо заботиться не столько о перемене правительства, сколько об утверждении в умах идей законности и правды. Нам худо не столько оттого, что нами худо управляют, сколько оттого, что мы сами не умеем управлять собою. Нелепо все сваливать на правительство, которое к тому же плоть и кровь от нашей плоти и крови», – писал в дневнике А.В.Никитенко [7, с.45, запись 19 августа 1866 г.].

Недостаточный уровень подготовки большинства представителей самого общества к решению важных государственных вопросов приводил к принципиальной невозможности получить от них основанные на знании местной обстановки ответы. Земец Нижегородской губернии Веселовский, более двадцати лет проработавший в земстве, в начале 1890-х годов так описывал складывающуюся ситуацию: «Бывало, спрашивают мнения "господ" гласных уезда: "какую систему высшего образования считаем мы за лучшую: классическую или реальную?" Вот мы, бывало, и ответим: "классическую", потому что сло-

во "реальное" что-то больно мудрено, не слыхивали, ну а "классическое" как будто попонятнее: это значит, должно полагать, чтоб робят в классы гонять, чтоб на улице зря не баловались. Гласным от крестьян даже понятно... так и решали, был грех... Да и теперь в этом роде решаем еще... Не достает, чтоб о типах военно-морского судостроения или об артиллерийском деле позволяли рассуждать, на том основании, что хорошие флот и артиллерия служат-де (в конце концов) к пользам и нуждам и местного населения...» [1, л.10]. Это опасение Веселовского вскоре оправдалось. Видный экономист профессор И.Х.Озеров писал в воспоминаниях о странной извращенности некоторых политических деятелей периода Первой русской революции, пытавшихся принимать решения по важным вопросам, опираясь на мнение не специалистов, а непрофессионалов, лишь бы они были представителями общества, а не правительства. Так, на одном из совещаний лидер кадетской партии П.Н.Милюков спросил Озерова, следует ли Думе дать правительству ассигнования на постройку броненосцев с точки зрения стратегии. Озеров ответил, что этот вопрос надо адресовать военным специалистам, а не ему, но Милюков пытался именно от него добиться ответа [8, с.86].

Бюрократия как двигатель прогресса

Неготовность общественных деятелей в массе своей к решению важных государственных задач, фрондирование «передовых» представителей общества своими новообретенными правами вплоть до противостояния власти вместо сотрудничества с ней существенно затрудняли, а в кризисные периоды делали просто невозможной опору правительства на общественные структуры.

Результатом было сохранение в общественной жизни пореформенной России сильных этактистских тенденций. Еще в 1862 г. видный либеральный государствовед Б.Н.Чичерин заметил, что на протяжении нескольких десятилетий главным деятелем всех реформ, обеспечивавшим поступательное развитие России, была бюрократия, которая показала на деле «свою внутреннюю состоятельность, свою способность действовать, охранять порядок, устраивать и скреплять государство» и которая, несмотря на все свои недостатки, и в дальнейшем «неизбежно должна остаться одной из существенных опор государст-

венного порядка и внутреннего благоустройства» [16, с.170]. Прогноз Чичерина оправдался: во второй половине XIX века сохранялась тенденция раскрепощения общества «сверху», и государство (его бюрократический институт) оставалось двигателем процесса реформирования России.

Прогрессивная (модернизационная) роль бюрократии предполагала существование значительной страты государственных служащих, имевших четкие представления о путях развития страны, занимавших руководящие посты и использовавших потенциал бюрократической машины для своей преобразовательской деятельности. Формирование этого слоя, начавшееся еще в первой половине XIX в., и существенное влияние, оказанное им на разработку и проведение Великих реформ, уже получили свое освещение в историографии (в работах Р.Уортмана [14], М.М.Шевченко [17], И.В.Ружицкой [13] и др.). Для нашей темы интересно то, что в силу особенностей развития России «просвещенные бюрократы» не только до, но и долгое время после Великих реформ Александра II не имели возможности опереться ни на общественное мнение, ни на общественные институты. Единственной опорой для них становился закон, который они уважали и которому служили. В какой-то степени

Александр II

такое преклонение перед законом было даже неизбежно: со второй половины XIX столетия, и особенно – с его последней четверти, на высших ступенях чиновной лестницы оказывалось все больше юристов – выпускников юридических факультетов университетов и Училища правоведения. Можно даже сказать, что забота о законности стала главным стремлением высшей (по крайней мере – высшей) бю-

рократии. Но у этого явления была и обратная сторона. Все же общественную жизнь невозможно уложить в рамки сухой юридической нормы, какой бы идеальной она ни была. А отечественному законодательству во второй половине XIX в. было еще далеко до идеала. Свойственная многим сановникам строгая приверженность букве закона неизбежно сужала их видение проблемы. Как заметил об одном из таких государственных деятелей (Э.В.Фрише) П.А.Валуев, он «не может не говорить за юстицию» [3, с.125, запись 30 октября 1880 г.]. При несоответствии жизненных реалий юридическим понятиям выбор делался в пользу этих последних.

Показательны дискуссии, возникавшие в 1880-е годы в главном законосовещательном органе империи – Государственном совете – при обсуждении вопросов судоустройства и корректировки судебных уставов с целью «приспособить суд к государственным устоям» [6, с.248]. Большинство членов, при рассмотрении, например, проекта министерства юстиции об ограничении судебной гласности, неизменно выступало за сохранение принципов, заложенных судебными уставами, против расширения прав исполнительной власти [10, с.673–688]. Это последнее внесло бы, словами одного из противников проекта Д.Г.Дервиза, «несуществовавшее в нашем законодательстве начало личного произвола» [12, с.12, запись 19 января 1887 г.]. Конечно, такое разногласие можно объяснить, как это традиционно делалось в историографии, противостоянием в Госсовете сторонников и противников реформ Александра II. Но не меньшее внимание уделялось законности при обсуждении более частных и сравнительно мелких законодательных актов. Временами это происходило за счет умаления других функций государства, в частности – социальной.

Закон и/или попечительство В 1884 г. в Государственном совете рассматривался представленный министром финансов Н.Х.Бунге проект закона об изменении существующего порядка выдачи пенсий своекоштным воспитанникам казенных учебных заведений [2, л.13–47 об.]. Суть дела заключалась в следующем. По закону дети, получавшие пенсию за заслуги своих отцов, продолжали ее получать во время обучения в учебном заведении, только если обучались не на

ПАРАДОКСЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

казенный, а на свой счет или на счет разных организаций. Однако в этом случае пенсии не выдавались на руки матерям или опекунам, а поступали училищному начальству, которое передавало их в

Зичи М.А. Заседание Государственного совета в 1884 году

кредитные установления для приращения процентами, так, чтобы, окончивая учебное заведение, воспитанник получал скопленную сумму уже сам. Так поступали и в случае, когда обучение шло за счет пенсий (правда сумма, накопленная из остатков от оплаты, оказывалась крайне незначительной). Полученные деньги (150–400 рублей) шли обычно на «экипировку», первоначальное обзаведение и жизнь до приискания заработка. Проект министерства финансов об изменении этого порядка был откликом на просьбы родителей и опекунов выдавать пенсии им на руки с тем, чтобы они уже сами платили за обучение. Эта просьба соответствовала общим законам об опеке, по которым на обязанность родителей и опекунов возлагалось заведование всем вообще имуществом малолетних, поэтому она встретила понимание в министерстве, представившем проект о дополнении ст.258 устава о пенсиях: «При определении малолетних в казенные учебные заведения своекоштными воспитанниками и воспитанницами

на счет пожалованных им пенсий, сии последние выдаются на руки матерям и опекунам малолетних» [2, л.16 об. – 17].

Проект рассматривался сначала в Соединенных Департаментах Закона и Экономии, затем в Общем собрании Государственного Совета, причем в обоих случаях возникло разногласие: меньшинство выступало с позиции охраны интересов воспитанников за неизменность закона, а большинство поддержало мнение Бунге. Аргументация меньшинства носила общий характер. Противники проекта утверждали, что существующий порядок более обеспечивает интересы малолетних, не давая матерям и опекунам бесконтрольно использовать пенсионные суммы, в том числе не только на необходимое, но и на излишества; а отсутствие денег при выпуске усложнит положение неимущих воспитанников. Изменение порядка, кроме того, многократно увеличит переписку по вопросу о пенсиях, поскольку за своекоштных воспитанников, за малым исключением, плата вносится не точно и есть случаи многократного напоминания об этом родителям своекоштных воспитанников и даже исключения детей за неуплату. Защитники такой точки зрения опирались на свидетельства директоров учебных заведений ведомства министерства народного просвещения и ведомства императрицы Марии. Наконец, утверждало меньшинство, изменение закона не освободит учебное начальство от заведения пенсиями, поскольку проект не затрагивает порядка в отношении обучающихся за счет разных поступлений – от Кабинета Его Императорского Величества, из Собственных сумм императора или особ императорской фамилии, или за счет капиталов, пожертвованных сословиями, обществами и частными лицами.

Позиция большинства на этом фоне выглядит менее развернуто. Без учета мелких пунктов, которые вызвали спор между противниками, она сводилась к двум крупным положениям:

а) «Передача пенсий училищному начальству, помимо лиц, заведывающих всем вообще имуществом малолетних, не соответствует законам об опеке» [2, л.18–18 об.] и представляет собой, таким образом, «изъятие из общих постановлений наших гражданских законов об опеке и попечительстве. Подобные отступления от установленных законодательством начал должны быть допускаемы лишь тогда, когда применение общих правил сопряжено с действительными практиче-

скими неудобствами или приводит к явной несправедливости» [2, л.33–33 об.].

б) Капитализация остатков от пенсий в ущерб удовлетворению действительных потребностей противоречит их задуманному законодателем предназначению – «доставлению несовершеннолетним средств к получению образования, а не к накоплению из сих сумм капитала» [2, л.36 об. – 37].

Оспорить эту основанную на законе позицию большинства оказалось очень трудно. Доводы противников проекта о том что суммы настолько невелики, что их нельзя назвать капиталами, что пенсия, согласно высочайшему повелению Николая I, на котором основана ст.258, есть «неприкосновенная собственность», полученная за заслуги отцов, и «смешивать эту пенсию со всяким другим имуществом, могущим достаться или не достаться от родителей, нет никакого законного основания» [2, л.29–29 об.], – оказались малоубедительны. Александр III согласился с большинством [11, т.4, №2289, с.345].

Александр III

Отметим, что описанное разногласие не носило политического характера и не может быть объяснено противостоянием либеральных деятелей эпохи Великих реформ, после воцарения Александра III получивших назначение в Государственный совет в качестве почетной отставки, и приближенных нового императора. На стороне меньшинства (11 человек) оказались не только известные

консерваторы И.Д.Делянов и Т.И.Филиппов, но и опытный администратор и сенатор П.Н.Клушин, государственный контролер, а затем министр финансов Александра II С.А.Грейг, многолетний министр юстиции (1867–1878) того же царствования К.И.Пален. Большинство же (32 человека) представляли, среди прочих, члены императорской фамилии – председатель Государственного совета вел. кн. Михаил Николаевич и брат царя вел. кн. Владимир Александрович, будущий министр внутренних дел, преемник Д.А.Толстого И.Н.Дурново, будущий министр путей сообщения А.Я.Гюббенет. Разномыслие носило, таким образом, чисто правовой характер, и показательным, что защищавшие интересы воспитанников сторонники широкого толкования закона оказались в меньшинстве, уступив тем, кто основывался строго на его букве и духе.

Таких небольших, «нейтральных», законов среди вносившихся на обсуждение Государственного совета было подавляющее большинство, и при их обсуждении одним из наиболее сильных аргументов было соответствие предлагаемых мер уже существовавшему закону.

Воспитание гражданина

Эта же тенденция господствовала и в тех вопросах, где, казалось бы, на первый план должны были выходить именно попечительские функции государства, в частности при обсуждении проекта закона об ограничении труда женщин, детей и подростков. Проблема привлекла внимание правительства еще в 1860-е годы как составляющая обширного рабочего вопроса. Это была новая область законодательства и попытка буквально на пустом месте, при крайнем недостатке сведений, разработать проект всеобъемлющего закона, регулирующего наем рабочей силы и взаимоотношения наемных работников и работодателей во всех областях предпринимательства, оказалась реформаторам не под силу.

С 1880-х годов вопрос решался путем принятия отдельных мер, сохраняющих, однако, свою внутреннюю связь и общее направление. Дополнительную сложность представляло то, что «при всяких мероприятиях, касающихся торговли и промышленности» стремление правительства управлять на строгих началах законности вторгалось в сферу частной собственности и предпринимательства, так что ключе-

выми понятиями при обсуждении такого рода проектов становились «осторожность» и «постепенность». «Безотлагательное приведение в действие этого закона, во всей его строгости, – утверждалось, например, в заключении по вопросу о запрещении ночных работ для детей до 12 лет, – произвело бы слишком резкий переворот во многих отраслях промышленности» [9, с.177]. В результате многие меры первоначально принимались как временные, «в виде опыта», а их введение, по просьбе фабрикантов, могло быть отложено. И все же постепенная регламентация поведения и действий обеих сторон, и предпринимателей, и наемных рабочих оставалась общим и неизменным направлением законодательства.

Одним из первых законов в этом ряду и стал закон об ограничении детского и женского труда на фабриках и заводах. Интересна аргументация, которая использовалась в министерском проекте и затем сановниками, при его обсуждении в Государственном совете. Признавая ненормальность положения, когда дети привлекаются «к преждевременным, по их возрасту, и утомительным по своей продолжительности, работам», сановники объясняли необходимость их ограничения не защитой прав и интересов этой категории «неполноправных рабочих» (т.е. попечительством), а потребностью «положить начало правильному устройству труда несовершеннолетних» [9, с.173], вписать его в общее законодательство о рабочих.

Вторым любопытным аспектом прозвучавшей аргументации было рассмотрение ограничения работы детей и подростков с точки зрения государственных интересов и даже формирования правового общества. Несоответствующие возрасту и тем более ночные работы, утверждали сановники, не только разрушают физические силы подростков и «малолетков» [так!], но лишают их возможности «усвоить в школе твердые начала религии и нравственности и приобретать необходимые для осмысленной жизни, а также и для технических производств, познания». Результат всего этого, как показала практика, печален для государства в целом: надломленные физически и нравственно малолетние рабочие «оказывались впоследствии неспособными быть полезными гражданами и легко поддавались восприятию революционных учений» [9, с.168]. Речь, таким образом, шла ни много ни мало как о воспитании граждан, а сам вопрос включал в себя не только возраст, с которого дети допускались к работе на фабрике, и продол-

жительность их рабочей смены (и дневной, и ночной), но и обязательное посещение ими школы, обеспечить которое (вплоть до устройства школы при предприятии) должен был сам владелец [9, с.171].

**Крестьянская
исключительность**

Единственным комплексом проблем, при рассмотрении которого положение менялось, и большинство выступало с позиций патернализма, был так называемый «крестьянский вопрос», точнее – крестьянское землеустройство и землепользование. Положение 1861 г. сохранило обособленность крестьянского мира, и в силу этого знакомство с ним и составителей проектов, и участников их обсуждения оставалось весьма поверхностным [15, с.315]. Сторонники мнения о необходимости постепенного подчинения крестьян общеимперскому законодательству вплоть до начала XX столетия оставались в меньшинстве. Большинство же как бы априори признавало, что крестьяне требуют попечения, поскольку в силу необразованности, недальновидности и проч. могут сами нанести вред своему хозяйству. И хотя, по признанию самого правительства, крестьянское землевладение на протяжении 30 лет после издания положений 1861 г. не становилось предметом комплексного рассмотрения в государственных структурах [4, с.28], частные проекты (особенно в 1880-е годы) обсуждались неоднократно. При этом законодательная мысль работала совсем в ином русле, нежели в тех случаях когда дело не касалось крестьянского населения: не регламентация и не либерализация становились ее целью, а ограничения и запреты, разноуровневый государственный контроль.

Так, в 1886 г. были ужесточены правила для разделов крестьянских семей, как ведущих к дроблению хозяйства и, как следствие, к упадку благосостояния и разорению сельского населения [11, т.6, №3578, с.116–117]. Год спустя крестьянам тех губерний, где сохранилась подсечная, или переложная, система земледелия (Вологодской, Вятской, Олонецкой и Пермской), была запрещена продажа леса с земельных наделов [11, т.7, №4556, с.299]. Лес в данном случае рассматривался как необходимый элемент хозяйствования, безвозмездно переданный казной бывшим государственным крестьянам, и его продажа или иное использование расценивались как экономиче-

ская нецелесообразность, обесценивающая имущество будущих поколений [10, с.440].

В начале 1890-х был принят комплекс мер, ограничивающих возможности отчуждения крестьянских земель. Он интересен тем, что впервые представлял собой не уточнение или дополнение актов Великих реформ, а прямое их изменение. Забота правительства вела к тому, чтобы сохранить «связь крестьянина с землею», которая «требовала правительственного попечения, дабы охранить материальное положение будущих поколений крестьянского состояния и предупредить возникновение в стране сельского пролетариата, столь опасного для интересов государственного порядка и общественного спокойствия» [4, с.27]. Рассматриваемые меры сводились к четырем главным вопросам:

- *о продаже надельной земли целыми сельскими обществами;*
- *об ограничении круга лиц, могущих приобретать участки земли, принадлежащие отдельным крестьянам;*
- *о восприятии залога надельных земель;*
- *об отмене второй части ст.165 положения о выкупе – о досрочном выкупе надельных участков.*

Разногласия не вызвал только первый вопрос: члены Государственного совета сошлись на допущении подобной продажи при согласии большинства крестьян (2/3 голосов сельского схода) и под контролем государства. При стоимости продаваемой земли до 500 рублей сделка утверждалась губернским (в губерниях, где уже было введено Положение о земских участковых начальниках) или губернским по крестьянским делам присутствием, а при стоимости свыше 500 рублей – требовалось разрешение министра внутренних дел по соглашению с министрами финансов, земледелия и государственных имуществ [4, с.28].

Остальные меры выявили противостояние сторонников строгого исполнения буквы закона (они представляли собой меньшинство) и сторонников усиления контроля со стороны государства. Голоса по трем вопросам распределились следующим образом: 19 против 30, 13 против 36 и 21 против 27. Во всех трех случаях председатель, великий князь Михаил Николаевич, присоединился к большинству.

По вопросу об ограничении круга лиц, могущих приобретать участки земли, принадлежащие отдельным крестьянам, меньшинство

выступало против нарушения понятия о крестьянах-собственниках, после истечения 9-летнего срока с 1861 г., т.е. с 1870 г., получивших право распоряжаться землей как своим достоянием. Ограничение права собственности всего крестьянского населения России после того, как целое поколение выросло с сознанием принадлежности им наделов на правах полной собственности, неудобно и ничем не оправдывается, считало меньшинство, поскольку продажа наделов остается исключением, в то время как приобретение крестьянами земли, наоборот, получило широкое распространение. В подкрепление позиции приводились и экономические соображения. Утверждалось, что ограничение круга покупателей понизит продажную цену на землю, приведет к искусственному прикреплению крестьян к земле, которые в противном случае могли бы переселением в отдаленные места избежать малоземелья либо найти приложение своему труду в других областях, занявшись, например, промыслами и ремеслами, способствуя т.о. процветанию «наших малонаселенных и небогатых городов». Решить проблему обезземеливания крестьян эта мера не сможет уже потому, что рост населения и в дальнейшем будет приводить к дроблению наделов, и в конце концов парцеллизация земли усложнит само ведение крестьянского хозяйства [4, с.29, 30–31].

Большинство же полагало, что «некоторое ограничение крестьян в распоряжении надельной землей, направленное к удержанию ее в их руках, представляется вполне согласным с духом» Положения 19 февраля 1861 г. Ссылаясь на негативный опыт Западной Европы и считая преждевременным в России «воззрение на землю как на товар», сторонники этого мнения выдвинули тот аргумент, которым оправдывалось (и оправдывается до сих пор) усиление государственного контроля над жизнью общества, а именно неготовность этого самого общества к восприятию свободы в полной мере. В данном случае речь шла о неразвитости крестьян, выяснившейся «невозможности предоставить жизнь массы крестьян ее естественному течению» и необходимости попечения над ними со стороны государства, реализованной введением в 1889 г. должности земских начальников. Кроме того, утверждало большинство, русскому крестьянину чуждо само понятие о праве исключительной и полной собственности, он рассматривает надельную землю как «достояние государства, в лице Самодержавной власти», а потому ограничение круга покупателей

надельной земли не будет казаться им нарушением их прав [4, с.31, 32].

При обсуждении вопроса о залоге надельной земли целыми обществами все члены Госсовета сошлись на том, что кредит необходим для любой отрасли хозяйства, и неотложной задачей правительства является организация правильного кредита и освобождение населения от гнета ростовщиков. Но меньшинство все же полагало невозможным до тех пор запретить залог надельных земель полностью и предлагало лишь поставить его под контроль государства в лице местного губернского присутствия или губернского по крестьянским делам присутствия (по принадлежности) [4, с.34–35]. Большинство же считало, что залог «угрожает весьма серьезными опасностями достоянию крестьян», поскольку при возможном неурожае или падении цен даже осмотрительность не гарантирует благополучной выплаты долга. Никакой контроль тут не спасет от разорения, а потому до организации правильного сельскохозяйственного кредита залог земли целыми обществами следует, безусловно, запретить [4, с.35].

Особенно много споров вызвал вопрос о выходе из общины. Вторая часть статьи 165 (со вторым примечанием к ней) Положения о выкупе касалась права досрочного выкупа надельных участков из общинного владения помимо согласия общества, т.е. была средством выхода крестьян из общины и постепенного перехода к подворному землевладению. По данным, собранным по 46 губерниям, за 28 лет (к 1890 г.) было выкуплено только 0,5% земли, и около 2/3 выкупленной земли остались в руках своих хозяев, которые продолжали оставаться членами обществ. Основываясь на этих цифрах, меньшинство не усматривало в разрешении самовольного выхода из общины никакой опасности. Большинство же считало, что право выкупать землю помимо согласия общества «противоречит основным началам крестьянского землепользования» [4, с.36–37]. Примечательно, что по этому последнему вопросу большинство не получило подавляющего преимущества, голоса распределились почти поровну. И это может служить объяснением почему спустя десять с небольшим лет столыпинская аграрная реформа не встретила сильного сопротивления в сановных кругах.

Но для нас важно, что в начале 1890-х гг. те же сановники, которые при обсуждении подавляющего большинства проектов занимали

вполне прогрессивные позиции, в вопросах, касающихся крестьянства, мыслили иначе.

***

Период 1880–1890 гг., таким образом, характеризовался двойственностью в законодательной деятельности правительства. С одной стороны, общей тенденцией была рационализация управления, повышенное внимание к законности. Необходимость движения в этом направлении осознавалась всеми сановниками, с той разницей, что одни проявляли большую (и их, как правило, было меньшинство), а другие меньшую осторожность. Патронат, попечительские функции государства на этом фоне представлялись второстепенными. И даже в тех случаях, когда обсуждаемые проекты касались наименее защищенных слоев населения – женщин и детей – более убедительными аргументами оставались те, которые были направлены на унификацию и дальнейшее развитие законодательной базы их (этих социальных групп) действий, а не на их социальную защиту.

Но все менялось, когда речь заходила о главном вопросе имперской России – крестьянском. Неготовность сановников радикально решить накопившиеся проблемы оправдывалась абсолютной неготовностью к такому решению крестьянства. Вопрос т.о. оказывался закрыт на неопределенно долгое время, поскольку не ясно было, когда крестьянство окажется готово к переменам. Это консервировало ситуацию в деревне, что на фоне общей модернизации выглядело опасным диссонансом.

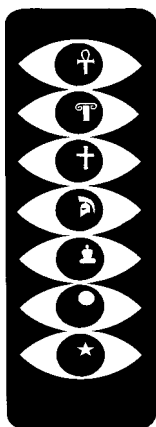
Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф.677. Оп.1. Д.625.
2. Российский государственный исторический архив. Ф.1159. Оп.1. Д.335.
3. Валуев П.А. Дневник. 1877–1884. Пг.: Изд-во «Былое», 1919. 311 с.
4. Всеподданнейший отчет председателя Государственного совета за сессию 1893–1894 гг. СПб.: Государственная типография, 1894. 70 с.
5. Гросул В.Я. Русское общество XVIII–XIX веков: Традиции и новации. М.: Наука, 2003. 517 с.

ПАРАДОКСЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

---

6. Немыгина М.В. Суд в России: вторая половина XIX – начало XX вв. Саратов: СЮИ МВД РФ, 1999. 256 с.
7. Никитенко А.В. Дневник. В 3 т. Т.3. Л.: Гослитиздат, 1956. 582 с.
8. Озеров И.Х. Мемуары / подг. текста, вступ. ст. Г.И.Щетининой // Вопросы истории. М., 1997. №1. С.83–97.
9. Отчет по Государственному совету за 1882 год. СПб.: Государственная типография, 1884. 319 с.
10. Отчет по Государственному совету за 1887 год. СПб.: Государственная типография, 1888. 862 с.
11. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание третье: [С 1 марта 1881 года по 1913 год]. СПб.: Государственная типография, 1886. Т.4 [1884]. 1294 с.; 1888. Т.6 [1886]. 1300 с.; 1889. Т.7 [1887]. 1194 с.
12. Половцов А.А. Дневник государственного секретаря. В 2 т. / под ред. П.А.Зайончковского. М.: Наука, 1966. Т.2. 578 с.
13. Ружицкая И.В. Просвещенная бюрократия. 1800–1860-е гг. М.: ИРИ РАН, 2009. 342 с.
14. Уортман Р.С. Властители и судии: Развитие правового сознания в имперской России. М.: НЛЮ, 2004. 516 с.
15. Христофоров И.А. Судьба реформы: русское крестьянство до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М.: Собрание, 2011. 432 с.
16. Чичерин Б.Н. Несколько современных вопросов. М.: Изд. К.Солдатенкова, 1862. 265 с.
17. Шевченко М.М. Конец одного Величия. Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М.: Три квадрата, 2003. 268 с.
18. Щеголев П.Е. М.Н.Катков, П.А.Валуев и А.Е.Тимашев // Голос минувшего. 1914. №4. С.240–246.

Игорь Татаринов

**ОСОБЕННОСТИ
ФОРМИРОВАНИЯ
УКРАИНО-РОССИЙСКОЙ
ГРАНИЦЫ В 1917–1919 ГГ.**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
94(470)+94(477)»17/19»

Статья освещает вопросы начального этапа формирования российско-украинской границы в 1917–1919-х гг. Она основана на изучении архивных документов, современных публикаций ведущих специалистов. Автор отмечает, что сложившийся в приграничных районах смешанный состав населения осложнял проведение границ строго по этническим принципам. Территориальный спор приостановился в 1919 г. с подписанием Украиной Договора о границах с Российской Социалистической Советской Республикой, где стороны подтвердили целесообразность дореволюционного губернского административно-территориального деления.

The article covers the issues of the initial stage of the formation of the Russian-Ukrainian border in the 1917–1919s. It is based on the study of the archive documents, contemporary publications of leading experts. The prevailing in the border areas with mixed population structure complicated the borders along ethnic lines. The territorial dispute was suspended in 1919 with Ukraine signing the Treaty on Borders with the Russian Socialist Soviet Republic, where the parties confirmed the expediency of the pre-revolutionary provincial administrative-territorial differentiation.

Ключевые слова: Украинская Центральная Рада; Гетьманат; Украинская ССР; РСФСР; Всеукраинское войско Донское; украино-российская граница.

Keywords: Ukrainian Central Rada; Hetmanate; Ukrainian SSR; The RSFSR; Great Don Army; Ukrainian-Russian border.

E-mail: igortatarinov76@gmail.com

Распад политической системы Российской империи и Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 года вознесли на политический олимп партию большевиков. Один из главных лозунгов, на который сделали ставку представители новой власти, – право наций на самоопределение. На обломках некогда мощной империи возникли национальные республики с неопределенными границами и взаимными территориальными претензиями. Вопрос о границах очень быстро стал ключевым в межгосударственных отношениях. Украина-российская демаркация границы проходила исключительно сложно, чему способствовали полярные взгляды сторон на этот процесс.

Цель статьи: систематизация источников по раннему периоду российско-украинского разграничения и дополнение документальной базы новыми материалами. Представляется важным проследить механизм формирования границ и выявить основные факторы, которые обусловили территориальное разграничение.

Дополнительную актуальность исследуемой проблематике придают стремительное ухудшение российско-украинских отношений, наблюдаемое в последнее время, и звучащие на разных уровнях взаимные территориальные претензии. Этим обусловлен растущий интерес исследователей к Border Studies как перспективной концепции комплексного анализа пограничных процессов в рамках междисциплинарного подхода и утверждения новых методологических ориентиров. Происходящие глобализационные процессы тесно связаны с интернационализацией культуры, этнической и политической идентичностью. Весьма отчетливо эти тенденции влияют на пограничья, превращая их в некие контактные зоны, где продолжает происходить активное взаимодействие и трансформация приграничных общностей.

Историография проблемы

Исследуемый вопрос достаточно хорошо освещен в отечественной и зарубежной историографии. Еще в советский период он неоднократно рассматривался в работах советских ученых, зачастую избегавших, исходя из концепции «дружбы народов», обсуждения каких-либо возможных претензий друг к другу братских республик. С распадом СССР вопрос о государственных

границах снова актуализировался, что привело к активизации научных поисков, прежде всего у украинских авторов. Так, в 1990-е – 2000-е гг. весомый вклад в разработку вопроса проблемы внесли работы таких историков, как В.Боечко, А.Ганжа, Б.Захарчук [12], В.Кузьменко [25], О.Сагач [28], В.Сергийчук [30], исследовавших основные закономерности и отдельные аспекты формирования республиканских границ в XX веке. В своих трудах они делали упор на недостаточном внимании центра к этнографической составляющей при разграничении.

Отдельно следует остановиться на исследованиях ученого из Института истории Украины НАН Украины Г.Ефименко. Автор достаточно детально и скрупулезно проанализировал не только динамику украино-российского разграничения, но и попытался выяснить закономерности и механизмы принятия решений на разных уровнях государственной власти [34–36]. Некоторые региональные аспекты нашли отражение и в работах донбасских историков [33]. В их работах, не лишенных, впрочем, некоторых фактологических ошибок, затрагиваются преимущественно региональные аспекты формирования восточной границы Украины и фокусируется внимание на процессе формирования Донецкой губернии, причем акцент делается на документах местных органов власти.

Российские исследователи также уделили весьма пристальное внимание поднятой проблеме, рассматривая различные аспекты территориализации российско-украинского пограничья. В первую очередь отметим достаточно информативный сборник документов, подготовленный Ю.Галкиным, в котором приводятся важные детали, характеризующие динамику передачи части территории бывшей Области Войска Донского в Донецкую губернию [29]. Следует, однако, заметить, что приведенные в сборнике документы делают акцент преимущественно на точке зрения руководства Донской области РСФСР. Отметим также работы таких авторов, как Е.Борисенок [14], К.Дроздов [20], Е.Кринко [24] и др. В их трудах пограничное пространство рассматривается как уникальная зона особого политического, экономического и культурного взаимодействия, в котором участвовали различные акторы: союзные, республиканские, региональные и местные партийные, советские и хозяйственные органы, хозяйственные, социокультурные учреждения и СМИ. При этом отмечается,

что сложность и неоднозначность процессов социально-экономических, политических и культурных трансформаций в российско-украинском пограничье и противоречивость пограничных интеркоммуникаций в исследуемый период обуславливает изучение этого пространства прежде всего как особой зоны политического, экономического и этнокультурного взаимодействия.

«Отныне сами будем творить нашу жизнь»

Национальные республики, появившиеся после распада Российской империи в 1917 году, пользуясь административно-территориальной неопределенностью, практически сразу

взяли курс на расширение границ своей юрисдикции. Крайне неоднозначно проходил процесс формирования российско-украинской границы. Существовавшее на тот момент дореволюционное губернское деление не устраивало украинцев, которые настаивали на справедливости границ, апеллируя к этнической составляющей вопроса. Однако сложившийся в приграничных районах смешанный состав населения осложнял проведение границ строго по этнографическому принципу. Вместе с этим разрыв народнохозяйственного комплекса районов порою нарушал принцип экономической целесообразности. Ситуацию осложняла изменчивость стремлений населения приграничных территорий, когда на протяжении 1917–1919 гг. декларировались намерения присоединиться то к Украине, то к России. Возникла необходимость вмешательства центра, чтобы решить территориальную неопределенность и нарастающее недовольство сторон.

Уже весной 1917 года проявились серьезные расхождения между центром и властью на местах по вопросу границ. На Всеукраинском национальном съезде, проходившем в Киеве с 6 (19) по 8 (21) апреля 1917 года, было оформлено образование Украинской Центральной рады (далее – УЦР) как высшего законодательного органа на Украине, координировавшего развитие украинского национального движения. Едва ли не главным вопросом данной структуры стала территориализация Украины. В резолюции съезда в п. 3 утверждалось, что «Украинский съезд, признавая право всех наций на политическое самоопределение, считает: а) что границы между государствами должны быть установлены в соответствии с волей приграничного населения»

[15]. Однако речь пока шла только о границах будущей украинской национально-территориальной автономии. Как справедливо отмечает В.Солдатенко, съезд убедительно продемонстрировал, что автономно-федералистские настроения практически безраздельно господствовали в украинской среде. Немногочисленные сторонники самостоятельности (самостийники) имели все основания для серьезных разочарований [31, с.150]. По результатам съезда был составлен специальный меморандум и дано поручение Центральной раде передать конкретные требования Временному правительству.

26 (13) мая 1917 по поручению УЦР из Киева в Петроград отбыла украинская делегация в составе 10 человек во главе с заместителем председателя УЦР Владимиром Винниченко. Главным вопросом будущих переговоров с Временным правительством было принципиальное признание последним права украинского народа на национально-территориальную автономию и определение территории Украины. В составленной М.Грушевским и одобренной постановлением УЦР «Декларации по делам Краевого комитета» обосновывались рамки территории Украины. Речь шла о границах Киевской, Подольской, Волынской, Черниговской, Полтавской, Харьковской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерний. Там же отмечалось, что «выделение неукраинских частей из этих губерний и, наоборот, включение в состав украинской области украинских частей со смежных губерний, каковыми считались Холмская, Гродненская, Минская, Курская, Воронежская, Кубанская область и др., предоставляется Краевой Раде по согласованию с Временным правительством и населением этих территорий» [36]. Как видно из текста декларации, приводился перечень 9 губерний, именованных «украинскими», причем отмечалось, что это не окончательное решение территориального вопроса.

Однако по всем вопросам украинская делегация получила отказ. Временное правительство отнеслось к украинской делегации крайне настороженно, усмотрев в украинских предложениях намерение ослабить Россию и стремление отделиться. Председатель Временного правительства князь Г.Львов встретился с делегацией УЦР 29 (16) мая. Для обсуждения украинских предложений была образована правительственная комиссия во главе с заместителем министра внутренних дел УЦР Д.Щепкиным.

О работе комиссии сохранились воспоминания руководителя украинской делегации В.Винниченко. Он достаточно эмоционально отмечал реакцию русской стороны: «Измеряя территорию будущей автономии Украины, они коснулись Черного моря, Одессы, Донецкого района, Екатеринославщины, Херсонщины, Харьковщины. И здесь от одной мысли, от одного воображения, что донецкий и херсонский уголь, екатеринославское железо, что харьковская индустрия отнимется у них, они от этого так заволновались, что забыли о своей профессорской мантии, о своей науке, о высоком Учредительном собрании, начали размахивать руками, распахнулись и обнажили всю суть своего русского, жадного национализма. О, нет, в таком размере они ни за что не могли признать автономию. Киевщину, Полтавщину, Подолье, ну, пусть еще Волынь, ну, и пусть уж Черниговщину, это они могли бы еще признать украинским. Но Одесса с Черным морем, с портом, с путем к знаменитым Дарданеллам, в Европу? Но Харьковщина, Таврия, Екатеринославщина, Херсонщина? Да какие же они украинские? Это – Новороссия, а не Малороссия, не Украина. Там и население в большинстве не украинское, это, словом, русский край. Бедные профессора даже науке своей наплевали в лицо и, как бестактного щенка, отбросили от себя ногой, когда он подбежал к ним со своей статистикой, с удостоверением Российской академии наук. Какая там, к чертям, Академия наук, когда отнимаются Дарданеллы, уголь, железо, соль? Русский буржуа отца родного откинул бы ногой, если бы он препятствовал бы ему держать и не пускать эти богатства» [36].

Аналогичную позицию в переговорах с украинской делегацией Центральной рады заняли и представители эсеро-меньшевистского большинства Петроградского совета. Их позиция также заключалась в недопущении автономии Украины, и они настаивали на том, что вопрос должно решить Всероссийское Учредительное собрание. Примечательно, что большевики в то время занимали более лояльную позицию по отношению к национальным движениям и национальному вопросу, активно используя их в политическом дискурсе и на словах проявляя максимум содействия национальным стремлениям поработанных ранее народов, и прежде всего украинцев.

Тупик в переговорах с центром подтолкнул УЦР к принятию 23 (10) июня 1917 года I Универсала, в котором провозглашалась автономия Украины в составе России. Среди прочего утверждалось, что

«не отделяясь от всей России... народ украинский должен сам хозяйничать своей жизнью». Лозунг «Отныне сами будем творить нашу жизнь», очевидно, встревожил Петроград, и 28 июня в Киев отбыла делегация Временного правительства в составе И.Церетели, Н.Терещенко, Н.Некрасова и А.Керенского. В результате был достигнут компромисс об окончательной санкции автономии Украины исключительно Всероссийским учредительным собранием. Через неделю, 3 (16) июля, Временное правительство отправило в Киев телеграмму с постановлением «О национально-политическом положении Украины», содержание которой вошло в подготовленный к оглашению II Универсал, который в тот же день был торжественно провозглашен на заседании УЦР. Там отмечалось, что «мы, Центральная Рада... всегда стояли за то, чтобы не отделять Украину от России». Создаваемый Генеральный Секретариат объявлялся «органом Временного правительства» [7, л.10–11]. Очевидно, соглашение было определенным шагом назад в национальных устремлениях украинцев, неким компромиссом с Временным правительством.

Последующие переговоры украинской стороны с центром привели к подписанию 4 (17) августа 1917 года главой Временного правительства А.Керенским «Временной инструкции Генеральному секретариату Временного правительства на Украине». В основе документа лежало закрепление полномочий Генерального секретариата Украинской Центральной Рады как высшего органа Временного правительства по делам местного самоуправления в Украине. Для нас представляет интерес пункт 2 Инструкции, где были впервые определены территориальные рамки украинской автономии. Указывалось, что полномочия Генерального секретариата распространялись «на губернии Киевскую, Волынскую, Подольскую, Полтавскую и Черниговскую, за исключением Мглинского, Суражского, Стародубского и Ново-зыбковского уездов. Они могут быть распространяемы и на другие губернии или части их в случаях, если образованные в сих губерниях, на основании постановления Временного правительства, земские учреждения выскажутся за желательность такого распространения» [16, с.227–228]. Очерченные территориальные рамки украинской юрисдикции далеко не случайны. Еще 28 (14) марта 1917 года, за шесть дней до принятия важного постановления «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений», Временное правительство

выдало разрешение на обучение на украинском языке в учебных заведениях Киевского учебного округа. В его состав тогда входило шесть губерний: Киевская, Подольская, Полтавская, Волынская, Черниговская и Холмская.

Фото 1

Как видно из Временной инструкции, украинская юрисдикция не распространялась на значительные территории бывшей Новороссии (земли Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерний), Харьковской и частично Черниговской губерний. Однако, воспользовавшись свержением Временного правительства после вооруженного большевистского восстания, Центральная рада без согласия центра решила расширить свою юрисдикцию на земли, не указанные в упомянутой выше Инструкции. Так, 7 ноября 1917 года в III-м универсале УЦР украинцами было очерчено новое видение российско-украинской границы. В частности, к территории УНР отнесли «земли, заселенные в большинстве своем украинцами. Окончательное определение границ УНР, как присоединенных частей Курщины, Холмщины, Воронежчины, так и смежных губерний и областей, где большинство населения украинское, должно быть установлено по согласию организованной воли народов» [22, с.67]. Самоуправство Центральной рады вызвало острую реакцию у пророссийских политических сил. 16

ноября 1917 г. исполком советов Донецко-Криворожской области (на тот момент автономное образование в составе России) принял резолюцию, не поддерживавшую отделение спорных областей от России. В ней был призыв «развернуть широкую агитацию за то, чтобы оставить весь Донецко-Криворожский бассейн с Харьковом в составе Российской Республики и отнести эту территорию к особой, единой административно-самоуправляемой области». Как заметил донецкий исследователь В.Корнилов, речь шла не об «отделении» от Украины, куда политические партии Донкривбасса не причисляли свой регион изначально, речь шла об «оставлении» этого региона в составе России [23, с.140–141].

Отметим, что в Киеве позиции большевиков были достаточно слабы и они не смогли захватить власть, как в Петрограде, где новое правительство – Совнарком – отнеслось к Центральной раде исключительно враждебно, как проводившей «буржуазную политику и поддерживавшей кадетско-калединский заговор». Однако на Донбассе большевики получили широкую поддержку и в начале октября 1917 г. установили власть в Луганске, Горловке, Макеевке и Краматорске. В том же году 11–12 (24–25) декабря в Харькове был созван Первый Всеукраинский съезд Советов, который провозгласил образование Украинской социалистической советской республики. В резолюции Первого Всеукраинского съезда Советов о самоопределении Украины от 12(25) декабря 1917 г. среди прочего сообщалось, что «I Всеукраинский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, признавая Украинскую республику как федеративную часть Российской Республики, объявляет решительную борьбу пагубной для рабоче-крестьянских масс политике Центральной рады, раскрывая ее буржуазный, контрреволюционный характер» [27, с.28]. Тогда же было создано правительство УССР – Народный секретариат.

Центральная рада осознавала создавшийся антагонизм и 22 января 1918 года в Киеве на закрытом заседании Малой рады провозгласила в IV-м Универсале государственную независимость Украинской народной республики (УНР). Таким образом, в результате описываемых событий на Украине возникло два центра государственности. Уступив в январе 1918 года власть в Киеве и над большинством украинских территорий большевикам, Центральная рада обратилась к Центральным державам с призывом о помощи в возврате власти. 9 февра-

ля 1918 г. УНР, с одной стороны, и Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция, – с другой, заключили в Брест-Литовске соглашение о взаимопомощи. Центральные державы, в обмен на сырье и продовольствие, признавали суверенитет УНР над определенными территориями и обязались направить военный контингент на Украину.

**Российско-украинское
разграничение в контексте
интервенции Центральных
держав**

3 марта 1918 г. большевики, заключив сепаратный мир в Брест-Литовске, обязались освободить территорию Украины и передать ее под юрисдикцию Германии и Австро-Венгрии.

Кроме этого, согласно ст. 6 Брестского мира большевики обязались приступить к установлению российско-украинской границы. На II Всеукраинском съезде советов, состоявшемся 17–19 марта 1918 г. в Екатеринославе, была принята резолюция, где отмечалось: «Стремясь объединить для борьбы с контрреволюционной Центральной радой всех трудящихся на территории Украины, завладеть которой пытается Центральная Рада ...трудящиеся массы Украины рассматривают Украинскую Советскую Республику как республику федеративную, объединяющую все советские объединения – свободные города и республики как автономные части Украинской Федеративной Советской Республики» [32, с.76–77].

30 марта советскому правительству была отправлена телеграмма УНР, где предлагалось «прекратить состояние войны между двумя державами и определить отдельным соглашением наши границы и наши правовые отношения» [8, л.16–17].

Заметим, что позиция большевиков по принципам формирования украинской границы основывалась в тот период на старом губернском делении. Так, в постановлении Совнаркома РСФСР от 17 апреля, в котором говорилось о разоружении войск, переходящих на территорию России из Украины, отмечалось: «Губернии: Курская, Орловская, Тульская, Воронежская, Область войска Донского и Крым – даже по одностороннему заявлению Киевской рады, воспроизведенному и заверенному в радио германского правительства от 29 марта, входят в состав Российской Федеративной Советской Республики. Учитывая это, на их территорию не должны распространяться военные действия, которые ведутся на Украине» [18, с.123]. В мае 1918 года в Киеве

начались российско-украинские переговоры о границах. Российскую делегацию возглавляли Х.Раковский и Д.Мануильский, а позицию украинцев представлял генеральный судья Украины С.Шелухин. Российская сторона практически сразу поставила под сомнение самостоятельность УНР, указывая на правопреемственность Советской России и заявляя права на все земли, которые входили в состав Российской империи [8, л.10]. Такая позиция несколько затянула переговоры.

В результате интервенции Центральных держав к маю 1918 года под контролем австро-венгерских войск оказались Подольская, Херсонская и Екатеринославская, а также часть Волынской губернии. Немецкие войска оккупировали остальные губернии Украины, Крым, а также Таганрог, Николаев, Мариуполь и Ростов-на-Дону контролировали смешанные части. При размежевании пограничных земель 12 мая 1918 года было подписано российско-украинско-немецкое перемирие и зафиксирована демаркационная линия между войсками. Она проходила по линии Сураж – Унеча – Стародуб – Новгород-Северский – Глухов – Рылск – Колонтаевка – Суджа – Беленихино – Кулянск [19, с.34]. Однако украинская сторона отказалась считать эту линию государственной границей, апеллируя к несоответствию с этнографическим принципом при демаркации. Долгие дискуссии о принципах формирования границы привели к принятию 22 июня 1918 года компромиссной резолюции. Стороны соглашались «...опираться на этнографический принцип, исходя из него, установить государственную границу мирным договором, причем в отдельных указанных в том договоре спорных местностях... начать организованный и свободный опрос населения для окончательного установления государственной границы в тех местностях» [9, л.290].

Украинская сторона при поддержке австро-немецких войск быстро распространила свою юрисдикцию на ряд спорных районов. Речь идет о Путивльском, Суджанском, Грайворонском, Рылском, Белгородском, Корочанском, Новооскольском уездах Курской губернии и Валуйском уезде Воронежской губернии. На этих землях была создана украинская администрация. Согласно постановлению Правительства гетмана П.Скоропадского от 14 августа 1918 г., Путивльский и Рылский уезды вошли в состав Черниговской, остальные отошли к Харьковской губернии [6, л.168].

Фото 2. Немцы в Киеве, март 1918 г.

Опираясь на австро-немецкие воинские контингенты, украинская сторона претендовала на значительные территории ныне российских регионов: Стародубщину, Курщину, Воронежскую и Белгородскую область, а также на Крым, Кубань и Донскую область. Однако российская сторона категорически не согласилась с выдвигаемыми украинцами претензиями, считая, что временное размежевание должно проходить по демаркационной линии между украинско-немецкими войсками и частями Красной Армии. Российская делегация предложила свой вариант разграничения, который, в свою очередь, не устроил украинцев, поскольку граница проходила значительно западнее этнографической линии. Так, в составе России оставались не только спорные части Курщины и Воронежской губернии, но и отторгаемые от Украины значительные территории на Черниговщине, Харьковщине и Екатеринославщине. Украина теряла 85% залежей угля, всего антрацита и значительного объема металлургической промышленности. В интервью «Известиям» Д. Мануильский указывал на исключительную необходимость пребывания Донбасса в составе России: «Исключить Донбасс из хозяйственного тела России – значит вызвать ее экономическую катастрофу» [21]. 22 июня 1918 года делегации пришли к мнению, что при определении границ они будут одинаково считаться с политическими, экономическими и другими интересами народов и

опираться на этнографический принцип. В отдельных случаях стороны согласились в спорных местностях проводить свободный опрос населения под надзором совместных комиссий при условии освобождения этих территорий от воинских сил как одной, так и другой стороны. При этом вопросы, которые не будут решены путем переговоров, предполагалось рассмотреть в международном суде [26, с.304–305].

Более продуктивно развивались отношения Украинского государства с Доном. В целом они носили добрососедский равноправный характер. Донские казаки почти одновременно с Украиной с помощью немецких войск освободились от большевиков, ликвидировав Донскую Советскую республику и создав 16 мая 1918 года новое государственное образование – Всевеликое Войско Донское. Во главе государства встал войсковой атаман генерал П.Краснов. Почти одновременно между украинцами и Доном начались переговоры о взаимном признании и установлении границ. Однако вопрос осложнялся наличием у сторон взаимных территориальных претензий. Так, Украина претендовала на Таганрогский округ и на западные волости бывшей Области войска Донского по р. Калитва, мотивируя это тем, что до 1887 г. эти территории, населенные украинцами, входили в состав Екатеринославской губернии. Донская сторона претендовала на Старобельский уезд Харьковской губернии и Луганск, которые находились в зоне экономических интересов Дона.

После двухмесячных переговоров стороны 8 августа 1918 г. подписали договор об основных принципах двусторонних отношений. Украинцы и Дон обменялись признаниями суверенности и независимости друг друга, отказавшись от территориальных претензий. Установили, что границей будет служить административная граница между Областью войска Донского и Воронежской, Харьковской и Екатеринославской губерниями. В районе Мариуполя к Украине отходила определенная территория на восток для обеспечения целостности административно-хозяйственного управления городом и портом. Отдельным пунктом в договоре шла речь об украинском населении на территории Всевеликого войска Донского. Отмечалось, что оно «получает все права в отношении своего языка, школы, культуры, как и все остальные граждане, а политические права получает такие, которые полагаются тем гражданам, которые принадлежат к казацкому

сословию» [13, с.228]. По Таганрогскому экономическому району стороны договорились, что руководство им должна была осуществлять специальная Доно-украинская комиссия с паритетом голосов у сторон, которая находилась в Харькове.

Не оставляя попыток договориться о границах с правительством гетмана П.Скоропадского, большевики вели переговоры с Германией как гарантом существования Украины как независимого государства. Так, член российской финансово-политической комиссии в Берлине Ю.Ларин обозначил выполнение Россией экономических обязательств по Брестскому миру рядом условий. Речь шла об «отказе со стороны Германии в поддержке всевозможных притязаний правительства П.Скоропадского на 4 северных уезда Черниговской, Курской, Воронежской губерний, Донскую область и Крым, на определенную часть Екатеринославской и Харьковской губерний», а также «не препятствовании федеративному сближению с Украиной» [11, л.11]. Уже 26 сентября 1918 года Х.Раковский заявил, что определять границы Украины можно только в рамках губерний, названных в III Универсале. Вся остальная территория является российской, оккупированной украинским государством, и поэтому последнее должно ее освободить [8, л.16–18].

Сложным оставался вопрос о принадлежности Крыма. Заметим, что он не поднимался на мирных переговорах в Бресте и не упоминался в Брестском мирном договоре в числе территорий, на которые распространялся суверенитет УНР. Однако украинцы довольно активно проецировали свои территориальные претензии на Крым. Пользуясь экономической зависимостью полуострова, правительство П.Скоропадского начало в сентябре 1918 года таможенную блокаду Крыма, прекратив поставки на полуостров товаров по железной дороге и морские перевозки, принуждая, таким образом, крымские власти к принятию украинской юрисдикции [10, л.8]. Под давлением экономических санкций правительство Крыма в начале октября отправило в Киев делегацию на переговоры о вхождении полуострова в состав Украины. Крымчан возглавлял министр юстиции А.Ахматович, украинцев – премьер-министр Ф.Лизогуб. Во время переговоров было достигнуто соглашение о вхождении Крыма в состав Украины на правах автономной единицы. Однако резкое изменение международной обстановки помешало его реализации. Завершение Первой миро-

вой войны и ноябрьская революция в Германии привели к отзыву немецких воинских контингентов с украинской территории и земель Войска Донского и Крыма. Отсутствие поддержки австро-немецких войск и начавшееся антигетманское восстание обрушили марионеточный режим гетмана П.Скоропадского.

**«...Считать Белгородский и
Грайворонский уезды
такowymi, что входят
в состав Курской губернии»**

Изменением обстановки воспользовались большевики. В Курске 28 ноября 1918 года создано Временное рабоче-крестьянское правительство УССР во главе с

Г.Пятаковым. СНК УССР повел решительную борьбу с украинской Директорией – преемницей правительства П.Скоропадского. 11 декабря 1918 года на повестку дня заседания правительства был вынесен вопрос о границах. Однако правительство в составе Г.Пятакова, В.Затонского, Е.Квирина, В.Аверина, Артема и В.Антонова-Овсенко решило снять вопрос с повестки дня «до признания Временного рабоче-крестьянского правительства УССР Советом Народных Комиссаров РСФСР» [2, л.5]. 24 декабря 1918 года в «Известиях ВЦИК» вышло постановление наркомата иностранных дел, где «с аннулированием Брестского мирного соглашения Украина больше не признается советским правительством Российской республики независимым государством» [12, с.27]. В январе 1919 г. Временное рабоче-крестьянское правительство УССР переехало в Харьков и преобразовалось в Совнарком, который возглавил Х.Раковский.

Для устранения управленческого хаоса на местах 12 января 1919 г. в «Известиях» вышло постановление ВЦИК об административном управлении областей прифронтовой полосы Украины. Среди прочего отмечалось: «В дальнейшем к установлению точных границ Украины с Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой, с целью непрерывности административного аппарата и устранения двоевластия в уездах прифронтовой полосы Украины, Всероссийский ЦИК постановил относительно административного управления указанных областей руководствоваться следующими соображениями: 1. Если губернский город находится на территории Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и имеет, следовательно, свое губернское административное управление, то освобож-

даемые уезды подчиняются последнему. 2. Если же губернский город лежит на украинской территории, то: а) до его освобождения административное управление уездов остается в том виде, в каком оно находилось до опубликования настоящего постановления; б) после освобождения его и учреждения в нем губернского административного аппарата все уезды немедленно подчиняются этому вновь образованному губернскому центру» [19, с.294–295].

Очевидно, Временный революционный комитет (ВРК) правительства УССР некоторое время считал действительным административное деление 1918 года (т.е. при гетмане П.Скоропадском). В связи с этим весьма показательным выглядит решение особой комиссии при украинском комиссариате финансов от 3 марта 1919 года по слушаниям ходатайства исполкома Валуйского уездного съезда Советов Воронежской губернии. В нем речь шла о необходимости предоставить финансирование за ноябрь 1918 г. находившимся на государственном содержании педагогам уезда. Комиссия учла, «что Валуйский уезд постановлением гетманского правительства был отнесен к территории Украины, и новое постановление по этому поводу Советского Украинского правительства, по которому Валуйский уезд признан таковым, который отошел Российской Советской Республике /Воронежская губ./, было принято только 10 февраля...», и согласилась предоставить запрашиваемые средства, по-прежнему считая уезд своим, т.е. украинским [4, л.12].

Вопрос о принадлежности спорных уездов Курской губернии вызвал острую реакцию курских властей. Так, 22 января 1919 курский губернский Чрезвычайком направил украинскому правительству телеграмму. Указывалось: «Согласно постановлению ЦИК Советов уезды, которые освобождаются (от украинской гетманской администрации. – *И.Т.*), подчиняются своему губернскому центру. Соответственно уезды Курской губернии, которые освобождаются, подчиняются Курску, а не Харькову. Прошу Вас немедленно сделать распоряжение Белгородской, Путивльской, Грайворонской и другим уездным ЧК Курской губернии, которые до сих пор подчинялись украинскому правительству, о том, что они подчиняются Курску, а не Харькову. О совершенных Вами мерах прошу сообщить в Курский Чрезвычайком» [5, л.12]. Однако украинские большевики считали иначе, надеясь оставить спорные уезды под своим контролем. 28 января заведомо внутренних дел

УССР В.Аверин в ответ на запрос почтового ведомства отмечал: «Грайворон, Белгород и Ворожба принадлежат Харьковской губернии». 31 января в телеграмме Белгородского уездного ревкома в Курск отмечалось: «В результате телеграммы сообщаю, что Белгородский уезд, согласно постановлению Рабоче-крестьянского правительства Украины, входит в Харьковскую губернию. Удивляюсь вашей неосведомленности» [5, л.5, 12].

Спорный вопрос на некоторое время закрыл Кремль. Руководство Украины получило прямое указание на необходимость отказаться от спорных уездов. В решении президиума ЦК КП(б)У от 8 февраля в качестве ответа на запрос Белгородского ревкома отмечалось: «Учитывая полученное распоряжение правительства о переходе Белгородского уезда в РСФСР, а также необходимость непосредственного подчинения Белгородского комитета ЦК РКП... не (следует. – *И.Т.*) входить в обсуждение доклада по существу» [1, л.8]. А накануне управделами СНК УССР М.Грановский телеграфом сообщил в Москву, Курск, Белгород и Грайворон: «На заседании 7 февраля Временное рабоче-крестьянское правительство постановило: считать Белгородский и Грайворонский уезды таковыми, что входят в состав Курской губернии» [5, л.27]. 16 февраля глава СНК УССР Х.Раковский в телеграмме Г.Чичерину подтвердил, что «украинское рабоче-крестьянское правительство отказывается от какой бы то ни было юрисдикции над этими уездами» [5, л.38].

**Заключение Украинской ССР
договора о границах с РСФСР**

В это же время возникла дискуссия о присоединении Донецко-Криворожской республики к РСФСР. Глава Реввоенсовета УССР И.Сталин считал целесообразным в интересах интернационализма объединить Донбасс с Центральной Украиной. Он решительно заявил: «Никакого Донкривбасса не будет и не должно быть, пора бы бросить заниматься глупостями». 17 февраля 1919 г. Ленин подписал постановление: «Просить т. Сталина через Бюро ЦК провести уничтожение Кривдонбасса» [23, с.502]. Как утверждает В.Корнилов, никто официально ликвидации ДКР не провозглашал. Созданная в январе 1918 года, она, в отличие от ЦИК Украины, никогда так и не была распущена. И это давало основание сто-

ронникам идеи ее существования добиваться возрождения административно-территориального обособления территорий, входивших в состав Донецкой республики [23, с.502–503]. Уже тогда среди большевистского руководства велись горячие дискуссии о принципах построения будущего союзного государства. Власти колебались между выбором в пользу федерации национальных республик и принципом федерации регионов, составляющих единый хозяйственно-экономический комплекс. 31 января 1919 г. СНК УССР принял постановление об образовании Донецкой губернии в составе двух уездов – Бахмутского и Славяносербского.

Фото 3

Отдельно в черновике постановления оговаривалось, что украинское правительство не претендует на Донскую область РСФСР [2, л.115].

Украинцы делегировали представителей в Москву на переговоры. При экономико-правовом отделе Народного комиссариата по иностранным делам 25 февраля 1919 г. Кремль созвал специальное «Межведомственное совещание по вопросу о выделении Гомельской губернии и установлении границ с Украиной». В итоге решили сохранить дореволюционные границы между губерниями в качестве границ между республиками, одновременно проведя по Перекопу

границу между УССР и Крымом. По настоянию Х.Раковского Суражский, Новозыбковский, Мглинский и Стародубские уезды Черниговской губернии отошли к РСФСР. 28 апреля 1919 г. политбюро ЦК КП(б)У, рассмотрев вопрос «О северных уездах Черниговской губернии», постановило окончательно оставить их в составе России [35, с.152].

Фото 4

Однако нельзя сказать, что принятые решения удалось легко согласовать. Позиции сторон выглядели весьма аргументированными. Так, представитель УССР отмечал, что Белгородский и Грайворонский уезды тяготеют к Украине экономически и культурно. Не отрицая эти доводы, представитель России Д.Гопнер предложил свое видение механизма разграничения. Он подчеркнул, что целесообразнее подходить «с экономической и тактической точки зрения: в экономиче-

ском отношении Белгородский уезд, как богатый хлебный центр, имеет большое значение лишь для Великороссии, оставаясь незначительным для Украины. В тактическом отношении, в случае военных неудач Украины, Великороссия, раз отказавшись от претензий на Белгородский уезд, тем самым лишится возможности предъявления претензий в будущем» [3, л.110]. Именно политической целесообразностью руководствовалась РСФСР, когда передавала спорные уезды Гомельской губернии и одновременно отказала в передаче Белгородского и Грайворонского уездов Харьковской губернии Украинской ССР.

8–10 марта 1919 г. в Харькове на 3-м Съезде Советов УССР провозгласили о создании Украинской советской социалистической республики как независимого государства, приняв также проект Конституции УССР. Тогда же было решено вернуться к вопросу установления российско-украинской границы. Стороны согласились признать в качестве государственной границы старые губернские границы времен Российской империи. 10 марта 1919 г. СНК УССР утвердил «Договор о границах с Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой». Признавались государственными административные границы УССР в рамках 9 губерний: Киевской, Херсонской, Подольской, Волынской, Харьковской, Полтавской, Черниговской, Екатеринославской и Таврической [4, л.70].

Таким образом, в результате победы большевиков в гражданской войне и поражения украинских буржуазно-националистических сил, был взят курс на построение полинационального советского федеративного социалистического государства. Проходившее в условиях начального этапа формирования российской и украинской государственности разграничение завершилось в 1919 году установлением границ между Украинской ССР и РСФСР, воспринимавшихся как границы между двумя независимыми советскими государствами. Идя в некоторых случаях навстречу позиции украинских товарищей в вопросе об этнической составляющей при разграничении, в конечном итоге стороны согласились учесть политическую целесообразность и остановиться на дореволюционном административном разделении. Именно этим объясняется вышеописанная конфигурация российско-украинской границы и применение различных подходов к ее формированию. Осознание сторонами временности и ненадежности переговоров о разграничении и их результатов обусловило дальнейшие

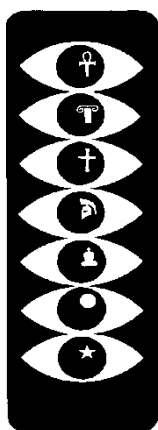
административно-территориальные споры, вспыхнувшие с новой силой в 1920-е годы.

Библиографический список

1. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее – ЦГАВОВУ Украины). Ф.1. Оп.1. Д.27.
2. ЦГАВОВУ Украины. Ф.2. Оп.1. Д.14.
3. ЦГАВОВУ Украины. Ф.2. Оп.1. Д.15.
4. ЦГАВОВУ Украины. Ф.2. Оп.1. Д.18. Ч.1.
5. ЦГАВОВУ Украины. Ф.2. Оп.1. Д.47.
6. ЦГАВОВУ Украины. Ф.1064. Оп.1. Д.6.
7. ЦГАВОВУ Украины. Ф.1115. Оп.1. Д.5.
8. ЦГАВОВУ Украины. Ф.2607. Оп.1. Д.2.
9. ЦГАВОВУ Украины. Ф.3766. Оп.1. Д.16.
10. ЦГАВОВУ Украины. Ф.3766. Оп.1. Д.133.
11. ЦГАВОВУ Украины. Ф.3766. Оп.1. Д.315.
12. Бочко В., Ганжа А., Захарчук Б. Границы Украины: историческая ретроспектива и современное положение. К.: «Основи», 1994. 168 с.
13. Бойко О. Територія, кордони і адміністративно-територіальний поділ Української Держави гетьмана П.Скоропадського (1918) // Регіональна історія України. Збірник наукових статей. Вип. 3. К.: Інститут історії України НАН України, 2009. С.223–231.
14. Борисенко Е.Ю. Украина и Россия: спор о границах в 1920-е годы // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2005. С.205–237; Ее же: Феномен советской украинизации, 1920–1930-е годы / Ин-т Славяноведения РАН. М.: Европа, 2006. 256 с.; Ее же. Концепции «украинизации» и их реализация в национальной политике в государствах восточноевропейского региона (1918–1941 гг.) / Диссертация на соискание науч. степени доктора исторических наук по спец. 07.00.02. М.: ФГБНУ Институт славяноведения РАН, 2015. 948 с.
15. Вісті з Української Центральної Ради. 1917. № 3. Квітень.
16. Временная инструкция Генеральному секретариату Временного правительства на Украине / Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т.IX. Журналы заседаний Временного правительства: Март–октябрь 1917 года. В 4-х т. Том 3. Июль–август 1917 года. М.: РОССПЭН, 2004.
17. Гражданская война на Украине. 1918–1920: Сборник документов и материалов. В 3 т. Киев: Наукова думка, 1967. Т.1. Кн.1. 922 с.
18. Декреты Советской власти (далее – ДСВ). Т.II. 17 марта–10 июля 1918 г. М., 1959. 624 с.
19. ДСВ. М., 1968. Т.4. (10 ноября 1918 – 31 марта 1919). 731 с.
20. Дроздов К.С. Государственное регулирование русско-украинских национальных отношений в Центральном Черноземье (1923–1933 гг.) / Автореф. дисс. на соиск. науч. степ. к. ист. наук по спец. 07.00.02. М.: МГУ, 2010. 30 с.; Его же: «...Признать вполне целесообразным присоединение Белгородского уезда к УССР...» (К вопросу изменения административно-территориальных границ между РСФСР и Советской Украиной в 1924 году) // Межнациональные отношения в южнорусском порубежье: материалы областной науч.-практ. конференции. Белгород, 2006. С.13–21.

21. Известия ЦИК (Москва). 1918. 18 июля.
22. Конституційні акти України. 1917–1920. Невідомі конституції України. К.: «Філософська та соціологічна думка», 1992. 332 с.
23. Корнилов В. Донецко-Криворожская республика: Расстрелянная мечта. Харьков: Фолио. 603 с.
24. Кринко Е.Ф., Медведев М.В. «...Избрать паритетную комиссию»: документы о передаче Таганрогского и Шахтинского округов в состав РСФСР в 1924–1925 гг. // Русский архив. 2015. №3–4(10); Кринко Е.Ф., Татаринов И.Е. «Мы – Россия, а Вы – Украина, и нам до Вас нет дела...»: территориальные споры в Приазовье и на Донбассе в 1920-е гг. // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2014. №34 (4). С.639–644.
25. Кузьменко В.Б. До історії формування північно-східного та східного кордонів України (1917–1925 рр.) // Університетські наукові записки Хмельницького ун-ту управління та права. 2005. №4(16). С.26–30.
26. Мирні переговори між Українською Державою та РСФРР. 1918 р.: Збірник документів і матеріалів. – Київ–Нью-Йорк–Філадельфія, 1999. 367 с.
27. Образование Союза Советских Социалистических Республик. Сборник док-в. М.: Наука, 1972. 533 с.
28. Сагач О. Зміни в адміністративно-територіальному поділі УСРР на початку 20-х рр. XX ст. // Регіональна історія України. Зб. наук. статей. К., 2010. Вип.4. С.168–169.
29. Сборник документов о пограничном споре между Россией и Украиной в 1920–1925 гг. за Таганрогско-Шахтинскую территорию Донской области / Ю.И.Галкин. М., 2007. 60 с.
30. Сергійчук В.І. Етнічні межі і державний кордон України. К.: ПП Сергійчук М.І., 2008. – 560 с; Его же: Північний Кавказ: українські аспекти заселення, розвитку господарства та національної свідомості. – К.: ІМФЕ ім. М.Т.Рильського НАН України, 2014. 294 с.
31. Солдатенко В.Ф. Українська революція. Історичний нарис: Монографія. – К.: Либідь, 1999. 976 с.
32. Хронологічне зібрання законів, указів Президії Верховної Ради, постанов і розпоряджень уряду Української РСР. Т.1. 1917–1941. К., 1963. 877 с.
33. История административно-территориального деления Донецкой области 1919–2000 гг. Сборник документов и материалов». Донецк. 2001. 272 с.; Максимчук Т.А. Донецкая губерния. История создания (1919–1923 гг.). URL: <http://dn.archives.gov.ua/articles/stat28.htm> (дата обращения: 11.05.2017); Шабельніков В.І. Зміни в адміністративно-територіальному поділі Донбасу у 1917–1930 рр. // Історичні і політологічні дослідження. Зб. наук. праць. Донецьк. 2009. Вип. №2. С.69–75; Шабельніков В.І. Про виділення Донбасу в єдиний адміністративно-територіальний регіон України (1919–1921) // Нові сторінки історії Донбасу. Зб. наук. ст. Кн.19. Донецьк, 2010. С.164–170.
34. Єфіменко Г., Кульчицький С. Кордони державні України, принципи і історична практика їх визначень // Енциклопедія історії України: У 10 т. К., 2008. Т.5. – С.137–148; Его же. Статус УСРР та її взаємовідносини з РСФРР: довгий 1920 рік. Монографія. Київ, Інститут історії України, 2012. 367 с.
35. Єфіменко Г. Визначення кордону між УСРР та РСФРР (1917–1920) // Проблеми історії України: факти, судження пошуки. 2011. С.135–176.
36. Єфіменко Г. Від Мінська до Кубані. Як у квітні–травні 1917-го територію України визначали // Деловая столица. 27 мая 2017 г.

Роман Гильминтинов

**РАДИКАЛЬНЫЙ
ИНДУКТИВИЗМ
ИСТПРОФОВ
В КОНТЕКСТЕ
РАНЕСОВЕТСКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ**

УДК
94:331.1(47+57)

Данная статья посвящена анализу теоретических и методологических подходов, которым следовали в своей работе Комиссии по истории профессионального движения в России (Истпрофы), работавшие в структуре советских профсоюзов в 1920-е гг. Руководящей идеей занятий Истпрофов был радикальный индуктивизм, то есть представление о том, что работа историка должна четко разделяться на два этапа: 1) сбор фактического материала и 2) анализ этого материала и выявление закономерностей исторического процесса. Хотя они никогда не противоречили открыто «линии партии», Истпрофы таким образом развивали исследовательский проект, альтернативный формировавшейся догме.

This article analyzes theoretical and methodological approaches of the Commissions on the History of Professional Movement in Russia (Istprofs) which functioned within the structure of the Soviet trade unions in the 1920s. The guiding idea of Istprofs' work was radical inductivism, i.e. the notion that research process must be strictly divided into two stages: 1) accumulation of factual material and 2) analysis of that material and finding of the patterns of historical development. Even though they never openly challenged Party, Istprofs' research project was an alternative to the Bolsheviks' dogmatic reading of the Marxist epistemology.

Ключевые слова: Истпроф; профсоюзы; историография; теория и методология истории.

Key words: Istprof; trade unions; historiography; theory and methodology of history.

E-mail: rg214@duke.edu

Введение. Раннесоветское историописание и научность большевизма

Исследуя политику памяти, историки предполагают (часто априорно) некоторую прагматику власти. Они пишут о возможностях этого инструмента для создания общностей и обращают

отдельное внимание на то, как с помощью прошлого конструируются нации. В случае с Советской историей, этот сюжет связан с изучением «великого отступления» Сталина от революционных идеалов классовости и интернационализма в середине 1930-х гг. [8, 26, 37]. Дэвид Бранденбергер пишет о том, что у сталинского «руссоцентризма» была совершенно определенная прагматика – мобилизация населения: «Прагматичное, если не сказать совершенно циничное, использование сталинской партийной верхушкой русских национальных героев, мифов и системы образов для популяризации господствующего марксистско-ленинского курса явилось сигналом символического отказа от прежней революционной традиции в пользу стратегии, рассчитанной на мобилизацию массовой поддержки непопулярного режима любыми средствами» [8, с.5].

Историографии по исторической памяти в 1920-е гг. ближе другая проблематика: она изучает то, каким образом обращение к прошлому помогало новой власти доказывать свою легитимность. В книге Фредерика Корни «Рассказывая Октябрь: память и создание большевистской революции» рассматриваются «истории основания» (foundation tales) Советского государства. Корни изучает, с одной стороны, то, как личный опыт отдельных людей формировал истории основания, а с другой, – как процесс артикуляции личного опыта вписывал его в категории историй основания. Большевики не могли просто «выдумать» свою историю, они стремились укоренить ее в опыте людей, чтобы доказать легитимность своей власти. «Как и все нарративы основания, история Октября была процессом легитимации»¹, – пишет Корни.

Мне представляется, что историография по исторической памяти в СССР, фокусируясь на прагматике использования прошлого (будь то легитимация режима или мобилизация населения), подчас упускает из виду рамки, ограничивавшие работу власти с историей. Процесс производства прошлого всегда происходит в жестких рамках, и, задавая вместо вопроса «зачем нужна такая история?» вопрос «почему создается такая история?», мы лучше видим социальные и интеллектуальные контексты процесса. В

¹ [42, с.9]. Также об обращении к прошлому с целью легитимации см.: [44, 22]. Евгений Добренко, работая с историческим кино 1930–1950-х гг., пишет о том, что оно тоже обосновывало, но уже не революцию (ее легитимность, по его словам, лежит в будущем), а сталинскую культуру [43, с.6].

случае Советского Союза ответ на этот вопрос нужно искать в особой научности нового режима.

Нам хорошо известно, что развитие науки в СССР происходило на фоне постоянного вмешательства большевиков в научную жизнь. Не имея специальной подготовки, партийное руководство в течение 1920–1950-х гг. делало суждения в самых разных научных областях, поддерживая одни и репрессировав другие школы, направления и даже целые дисциплины. Это было возможно благодаря тому, что сама идеология большевиков имела важную особенность: марксизм позиционировал себя как особое – научное – учение. Энгельс писал о предшественниках Маркса французских социалистах-утопистах, что они только критиковали положение вещей, но не были способны его объяснить. Научный социализм же опирается на объективные научные факты, он является доктриной, поставленной на «реальную почву» [40, с.9]. Большевики обосновывали свою политику не поддержкой населения (оно как раз могло заблуждаться в своих мнениях), а знанием объективных законов развития общества.

Будучи носителями научного миропонимания, большевики считали себя способными не только критиковать отдельные положения ученых, но и самостоятельно создавать научный продукт. В 1920-е гг., когда они были еще неспособны установить контроль над академией полностью, но им уже требовалось иметь свою историю, большевики организовали целую систему исторических комиссий особого типа, инкорпорированных в рамки партийных, профсоюзных и советских структур, но при этом сохранявших в своей деятельности определенный горизонт научности. Важнейшим таким центром был Истпарт, созданный в 1920 г. при Госиздате РСФСР, а в 1921 г. ставший отделом ЦК партии. По образцу Истпарта в 1921 г. при ВЦСПС была создана Комиссия по истории профсоюзного движения (Истпроф), образовавшая разветвленную сеть исторических комиссий при Центральном комитете отраслевых профсоюзов, а также при местных советах профсоюзов. Подобным же образом был встроены в структуру Российского коммунистического союза молодежи Истмол – Комиссия по истории комсомольского движения. Помимо таких «гигантов» существовали разного рода комиссии и при менее крупных организациях, например, Ученая комиссия по исследованию истории труда в России при Петроградском совете профсоюзов, Комиссия по систематизации и разработке материалов, касающихся истории революционного движения на Балтийском флоте, и другие. Именно в институтах такого типа писалась история нового государства, обосновывалась его легитимность и права на власть. В них партийные и профсоюзные работники, государственные служащие, как правило, без специального исторического образования,

собирали материалы по истории своих институтов, обрабатывали их, публиковали, составляли библиографии, писали статьи и монографии. При этом члены этих комиссий тратили много сил и времени на обсуждение методологии исторической работы, поэтому мы просто не можем сбросить их научность со счетов – даже несмотря на наивность и даже некоторый утопизм своих теоретических установок члены Истпарта и Истпрофа явно относились к ним со всей серьезностью².

Выбор Истпрофов в качестве объектов для исследования объясняется тем, что почти полное отсутствие исследований о профсоюзной историографии выглядит на фоне обильной литературы об Истпарте по меньшей мере несправедливым, хотя и естественным [13, 14, 15, 33, 38, 39]. В советской иерархии институтов именно партии принадлежала ведущая роль, тогда как профсоюзы после продолжительной борьбы и дискуссий 1917–1921 гг. получили статус «школы коммунизма». Однако несмотря на то, что профсоюзная историография никогда напрямую не шла наперекор партийной линии, она все-таки не являлась простым повторением ее нарратива ни в содержательном, ни в методологическом плане. Более того, Истпрофы достойны пристального внимания исследователей, потому что они представляли собой альтернативу жесткой централизации исторических исследований, к которой стремилось партийное руководство в 1920-е гг. Создание центрального Истпрофа при ВЦСПС в 1921–1922 гг. было связано с определенными организационными и кадровыми трудностями. При этом в отдельных профсоюзах (например, в Союзе рабочих железнодорожного транспорта и в Союзе рабочих-сахарников) историческая работа была налажена уже в самом начале 1921 г. При Петроградском совете профсоюзов в 1921–1924 гг. вместо Истпрофа действовала Ученая комиссия по исследованию истории труда в России, в которую входили такие известные историки «старой школы», как С.Ф.Платонов, Е.В.Тарле и А.Е.Пресняков. Истпроф при ВЦСПС не столько руководил работой различных исторических комиссий в структуре профсоюзов, сколько координировал ее. В отличие от партийной историографии, профсоюзные исторические комиссии представляли собой децентрализованную структуру³.

² Показательным является острый конфликт между двумя руководителями Истпарта В.И.Невским и М.С.Ольминским в 1923–1924 гг., который возник на почве расхождения по вопросам источниковедения и, как следствие, разной трактовки отдельных моментов истории партии. Конфликт привел к отставке Невского с его высокого поста в Истпарте. См.: [11].

³ Подробнее об институциональной структуре Истпрофов см.: [10].

Научность истории профессионального движения и ее контекст

Одной из системообразующих для работы Истпрофов методологических установок был радикальный индуктивизм⁴, то есть идея о том, что процесс исследования прошлого должен четко

разделяться на два этапа: на первом происходит сбор и обработка фактического материала; лишь после этого на его основе начинается написание аналитической истории, в которой авторы начинают говорить о причинно-следственных связях, закономерностях и дают оценки событиям и историческим деятелям. До этого нужно позволять фактам говорить самим за себя. Несмотря на известный утопизм этой программы, она оказала большое влияние на способы работы с источниками, на организацию и приоритеты работ, на издательскую стратегию Истпрофов.

В первом сборнике «Материалов по истории профессионального движения», главного печатного органа сети Истпрофов, были опубликованы две программные статьи его руководителей В.Я.Яроцкого и Ю.К.Милонова. Яроцкий анализировал имеющуюся очень небольшую литературу по истории профсоюзов. Он писал, что одна часть ее дает читателю хороший фактический материал, а другая – некую «руководящую нить», но она то и дело обрывается, потому что авторам нечем доказать наличие связи между отдельными явлениями в повествовании. Таким образом, Яроцкий в сфере исследований профессионального движения видит две главные задачи: нужно, с одной стороны, дать «*изображение* подлинной картины, *восстановление фактов*», а с другой стороны, «*критическое, проверенное освещение* этим фактам... *перспективу*, в какой эти факты вырисовываются» (везде курсив автора. – Р.Г.) [36, с.9].

Ю.К.Милонов писал уже о более конкретных вещах – о том, какую специфику будет иметь работа Истпрофов на начальном этапе. Он утверждает, что для верного изложения событий прошлого недостаточно быть теоретически и политически подкованным, необходимо также следовать основным методам исторической

Ю.К.Милонов

⁴ Термин Имре Лакатоса. Он им описывает установки теоретиков науки, которые считают истинными лишь твердо установленные факты и теории, напрямую выводимые из них. В рамках этого подхода невозможно поставить вопрос о принципах отбора фактов, поэтому Лакатос называет его утопическим. См.: [16, с.205–206].

науки, иначе работа не будет иметь «научной выдержанности», а «в худшем случае, это будет использование фактических материалов для доказательства правильности или ошибочности определенной политической позиции» [19, с.18]. Чтобы избежать такой ситуации, первым шагом должно стать «бесспорное установление фактов» прошлого. По возможности, нужно дать все, даже самые мелкие детали. Именно с этого должно начинаться исследование любого предмета, поэтому первой и ключевой задачей Истпрофов Милонов ставит именно сбор данных, их систематизацию и публикацию. Только *после* этого можно будет начать теоретический анализ, критику и выяснение общих законов развития профессионального движения.

Несмотря на то, что истпрофовский акцент на фактах выглядит позитивистским, он не противоречит марксистской методологии, а является развитием определенной ее версии. Чтобы обозначить ее специфику, обратимся к тому контексту, в котором проходила работа Истпрофов.

Через несколько месяцев после смерти Ленина в СССР вышли в свет две тонкие многотиражные книжки с похожими названиями – «Ленин как историк партии и революции» Григория Лелевича и «Ленин-историк. Историзм в ленинизме» Вадима Александровича Быстрянского. Оба автора подчеркивали, что Ленин пользовался историей для политики, основывая свои политические решения и свою позицию в дискуссиях на «истории вопроса». Несмотря на всю схожесть этих текстов, было одно важное различие: Быстрянский и Лелевич по-разному отвечали на вопрос, что именно позволяло Ленину так безошибочно оценивать современную историю и принимать на основе этой оценки верное политическое решение. Лелевич писал, что Ленин умел найти и мастерски обработать «сырой фактический материал»: «Многим любителям сногшибательных гипотез и априорных обобщений следовало бы, на примере этой классической статьи Ленина [«Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата», 1919], поучиться, как у историка обобщающим выводам должен предшествовать кропотливый и внимательный анализ цифрового и фактического материала» [17, с.47–48]. Быстрянский, в свою очередь, писал: «Гений Ленина позволяет ему решать самую трудную для марксиста задачу – ориентироваться в современной истории, когда нет и не может быть еще налицо того фактического материала – статистического и документального, – который позволяет историку вскрывать подлинную физиономию давно минувших событий» [9, с.7]. И Лелевич, и Быстрянский предполагают, что для правильной интерпретации истории необходимо быть хорошим марксистом и иметь необходимые данные. Однако Лелевич предлагает поучиться у Ленина «кропотливому и внимательному анализу материала», а Быстрянский

говорит, что хороший марксист может без этого обойтись, потому что «марксизм историчен по своему существу» [9, с.20].

Что важнее: правильное видение целого, теория или внимание к конкретным фактам? Для советских историков-марксистов этот вопрос не был решен однозначно. В хорошо знакомой им книге «Анти-Дюринг» Фридрих Энгельс, с одной стороны, писал, что в основе познания должен лежать диалектический метод, то есть рассмотрение мира в его целостности и изменчивости. Выделение любого частного факта из его «естественной или исторической связи» является искусственной операцией. С другой стороны, он утверждал, что именно «разложение природы на ее отдельные части, разделение различных процессов и предметов природы на определенные классы, исследование внутреннего строения органических тел по их многообразным анатомическим формам» было основным условием тех успехов, которые были достигнуты в области познания природы в Новое время [40, с.46]. Именно опора на «реальные факты» делала учение Маркса *научным* социализмом и отличало его от предшественников: социалистов-утопистов Сен-Симона, Фурье и Оуэна. Идеи и выводы Маркса основывались не на фантазии, не на личном опыте или особенностях характера, а были необходимым следствием из самих фактов социальной и природной жизни. Для Энгельса анализ и синтез – два отдельных этапа познания, причем анализ должен предшествовать синтезу, общая картина должна выводиться из отдельных фактов. Развивая эту линию, он пишет в брошюре «Развитие социализма от утопии к науке» следующее: «Только после того как естественнонаучный и исторический материал до известной степени собран, можно приступать к критическому отбору, сравнению, а соответственно с этим и разделению на классы, порядки и виды» [41, с.4].

Это противоречие между индуктивным подходом, ставящим в основу познания изучение отдельных фактов, и дедукцией, которая подходит к частному через видение общего, оказало огромное влияние на процесс формирования советского революционного нарратива. Обе эти познавательные установки в 1920-е гг. были легитимными, трактовались как вполне марксистские и научные.

Открывая краткий курс лекций в Зиновьевском университете в 1923 г., главный советский историк того времени Михаил Николаевич Покровский предостерегал своих слушателей от того, чтобы они даже в поисках простых фактов обращались к старым «домарксистским» историческим книгам, так как то, что там можно найти (даже подтвержденное ссылками на подлинные документы), «это вовсе не факты... Это *идеология*, т. е. отражение фактов – я не знаю, как сказать – в вогнутом или выпуклом зеркале с чрезвычайно неправильной поверхностью. Все идеологии состоят из

кусочков действительности, совершенно фантастической идеологии не бывает, и между тем всякая идеология есть кривое зеркало, которое дает вовсе не подлинное изображение действительности...» [27, с.10].

Далее Покровский пишет о том, что идеологически искажена не только литература, но и сами источники. Участники исторических событий занимали в них разные стороны и позиции, поэтому те факты, которые они сообщали, преломлялись через их идеологию. Мы почти все время смотрим на прошлое глазами представителей правящих классов, и, если мы хотим увидеть в прошлом угнетенных, мы должны постоянно делать поправку на оптику наших источников. Факты в изложении Покровского не формируют общую картину, а сами преломляются в кривом зеркале идеологии, они больше не основа теории, а объект искажения. При этом в другом месте Покровский пишет о том, что у Маркса тоже была своя идеология [28, с.98]. Значит, для Покровского идеология могла быть не только «кривым зеркалом», но и «увеличительным стеклом», позволяющим увидеть то, что невооруженный глаз пропускает. Факты всегда преломляются через политическую линзу, но могут преломляться как правильно, так и неправильно.

Работники Истпрофа ставили проблему идеологического искажения совсем не так, как Покровский. Яроцкий писал, что главная проблема большей части историографии профессионального движения в том, что авторы подходят к материалу «не как историки, а как практикующие политики». Большевик Виктор Петрович Гриневиц, который был председателем ВЦСПС в 1917 г., построил всю свою книгу «Профсоюзное движение в России» как оправдание собственных политических ошибок. «И вместо анализа роли условий классовой борьбы в этой работе мы получаем... политический памфлет...» [36, с.11] – пишет Яроцкий. Важно подчеркнуть, что Яроцкий критикует не столько меньшевизм Гриневица, сколько саму его вовлеченность в политическую повестку изучаемого им явления. Яроцкий, в отличие от Покровского, стремится не к правильной настройке идеологической оптики, а к ее полному устранению.

Позиция Яроцкого легла в основу тех принципов, которые были приняты в качестве «Основных положений работы Истпрофов»: «Фактические данные не должны носить характера иллюстрации тех или иных утверждений автора, а, наоборот, должны выступать в роли материала, для делаемых им обобщений и выводов»⁵. Положения утверждали, что научное познание истории однонаправленно: оно движется от частного к общему. Если же такой порядок нарушен, если факты подчиняются предрассудку, то вместо истории получится «политический памфлет». Именно этот ради-

⁵ Основные положения работы Истпрофов. Без даты. Не позднее конца 1923 г. [1, л.24].

кальный индуктивизм определил развитие исторических занятий Истпрофов – их работу можно разделить на два достаточно четко отделенных этапа: на первом (1921–1928 гг.) происходит аккумуляция фактического материала, а с 1928 г. начинается анализ этого материала и подготовка к написанию общей истории профессионального движения. Однако много работы на втором этапе комиссиям сделать не удалось – в 1930 г. вся сеть Истпрофов была упразднена.

Методы работы с фактами и «будущий историк»

М.П.Томский в своем кратком выступлении на Пятой всероссийской конференции 7 ноября 1920 г., посвященной организации сети Истпрофов в структуре профсоюзов, мотивировал

это начинание тем, что, несмотря на наличие большого количества материала, до сих пор «приходится писать по истории профессионального движения из головы, по памяти, на основании тех материалов, которые имеются в квартире» [30, с.177–178]. Томский в данном случае ссылался на свой личный опыт: незадолго до конференции вышла его брошюра «Очерки профессионального движения в России», дававшая на восьмидесяти страницах общий абрис истории профсоюзов. Свою книжку он назвал «суррогатом» и заявил, что к ней приходится прибегать лишь за неимением лучших пособий по истории профсоюзов. Таким образом, отправной точкой работы Истпрофов была «пустота» имевшегося у профсоюзов исторического нарратива. Он был слишком общим, схватывал только самые ключевые моменты движения.

Говоря о задачах комиссии, члены Истпрофа при ВЦСПС писали, что конечной целью ее работы является «появление ряда научно-литературных работ, в частности – общей истории профессионального движения в России, дающих не только изложение самого хода развития, но и выявляющих те основные моменты, которые определили тот, а не иной ход развития». Однако для достижения этой цели необходимо проделать большую работу, значительное место в которой «должно занимать простое сообщение проверенных и обоснованных фактических данных. Более того, поскольку мы твердо усваиваем то положение, что предстоящий на ближайшее время период работы есть период накопления фактического материала для будущих историков-исследователей, ставящих себе более широкие задачи, постольку эта часть работы будет вообще выдвигаться в первую очередь» [25, с.4]. Тезис о том, что ближайшая работа связана с накоплением материала для будущего «настоящего» историка, повторяется из введения во введение изданий самых разных органов Истпрофов.

Помимо накопления материала для составления научной истории профессионального движения, для нее было полезно и само временное удаление «будущего историка» от описываемых событий. В предисловии к протоколам и материалам IV Всероссийской конференции профсоюзов редакция писала:

«Безошибочно определить историческое значение какого-нибудь события общественной жизни можно только после того, как это событие отодвинулось в область отдаленного прошлого. В тех случаях, когда еще не порвались нити, связывающие ту или другую группу фактов с настоящим, правильная историческая оценка является редким исключением. Здесь всегда есть опасность произвольно подменить действительный смысл событий желательным их толкованием. По мере же того, как факты уходят в прошлое, такая опасность становится все меньше и меньше. Вот почему история пишется всегда гораздо позже, чем делается» [23, с.5].

Работники Истпрофов не ощущали себя отделенными от изучаемых ими явлений. История профсоюзов не была пока прошлым, но оставалась в поле самого что ни на есть настоящего. И их роль как современников (или почти современников) революционной истории заключалась в том, чтобы сохранить как можно больше «фактов» в отчетах, описаниях, фотографиях, рисунках и документах. Конечно, 1924 г. был отделен от 1918 г., написать заново, более полно, протокол конференции было нельзя. Но можно было собрать хотя бы то, что сохранилось, и добавить к этому материалы из современной печати, причем так, «чтобы эти статьи дали всестороннее освещение обсуждавшихся на конференции вопросов. Поэтому здесь сохраняется строгая политическая симметрия – в равной мере представлены позиции всех течений» [23, с.8]. В 1924 г. работники Истпрофов не считали себя в праве решать, кто был прав, а кто ошибался в 1918 г., поэтому должны привести позиции всех сторон.

Профсоюзные историки были чуть смелее, рассуждая о событиях ранней революционной истории. Например, если говорить о революции 1905 г., то в ее описаниях явно присутствует тяготение к тому, чтобы открыто давать оценки происходившим событиям. Это связано с тем, что по отношению к событиям двадцатилетней давности работники Истпрофов были уже почти «будущим историком», потому что ту или иную точку зрения уже можно подтвердить «безоговорочно всем ходом последующих событий» [6, с.113]. Коллектив Истпрофа Союза печатников в сборнике о революции 1905 г. ставит себе намного более претенциозную цель, чем просто собирать «факты» для будущих историков: «наша задача не только рассказать о прошлом, но и объяснить его» [21, с.7]. Для этого в рассказ о революционных событиях 1905 г. был включен раздел об их предпосыл-

ках (о стачке 1903 г.), а движение печатников рассматривалось в контексте других московских союзов. Под определенным углом зрения революция 1905 г. становилась уже прошлым, хотя для ее истории пока было так же мало материалов, как и для позднейших событий.

Невозможность дать оценку событиям прошлого приводила к тенденции деперсонификации исторической работы. Воспринимая себя в качестве посредников между историческими фактами и будущим историком, работники Истпрофов стремились к нивелированию собственной личности, которая могла только испортить достоверность передаваемого материала. В этом отношении примечателен сборник «1905 год на Юго-восточных железных дорогах» (1925). Первая его половина – повествование о февральской, октябрьской и декабрьской забастовках 1905 г., вторая – газетные вырезки и архивные документы. Первая, нарративная, часть тоже полнится документами, которые цитируются иногда целиком, занимая до двух страниц. Рассказчик истории здесь «прячется» в прямом смысле: он не только позволяет документам говорить самим за себя, но и скрывает свое собственное имя. В сборнике нет ни одного имени, относящегося к изданию. Читатель не сможет узнать, кто нашел, обработал и расставил документы в данном порядке, кто собирал воспоминания, кто делал в сносках фактические правки.

Будучи поставщиками фактов для «будущего историка», работники Истпрофов с большим доверием относились к документальным материалам, чем к воспоминаниям. Преимущество первых перед вторыми было, как мне представляется, достаточно очевидным для большинства работников Истпрофов, поэтому напрямую такого утверждения в текстах мы не находим, но по оговоркам это довольно ясно. Например, в историческом очерке, написанном «по воспоминаниям и некоторым документам», В.Д.Гурьевич описывает обстоятельства, при которых были утеряны важные документы Союза младших агентов движения железных дорог (сокращенно Маджель), и добавляет: «Однако я постараюсь *хотя бы* (курсив мой. – Р.Г.) на память обрисовать историю возникновения Маджеля и его дальнейшую деятельность» [12, с.5]. Обращение к воспоминаниям было всегда вынужденным и обуславливалось отсутствием или недостаточностью «надежных» печатных источников.

Несмотря на эту иерархию материалов, непосредственная работа с архивными документами приводит работников Истпрофов к первым попыткам критиковать этот вид источников. Во введении к сборнику «1905 год на Юго-восточных железных дорогах» безымянные работники провинциального Истпрофа Союза железнодорожников объясняют, почему не только воспоминания, но и документы были подвергнуты «коллективной кри-

тической проверке». Дело было в том, что документы были взяты из архива жандармского управления, их специфический – внешний по отношению к движению – характер предполагал некоторые ограничения для историков. Факты, получавшиеся жандармами, носили случайный характер, многого они не знали, поэтому какие-то важные события остались незамеченными, а другие, менее значительные, выпячивались. То же касалось и руководства движения: в «главари» попадали часто рядовые работники союзов или вообще случайные люди [24, с.5]. Я предполагаю, что именно сама работа с документами, а не чтение источниковедческих трудов натолкнула работников профсоюза Юго-восточной железной дороги на это своего рода «интуитивное источниковедение». В то время как центральные органы Истпрофа Союза железнодорожников предлагали местным комиссиям только собирать материалы для «будущего историка», на местах содержание документов жандармерии вызывало противоречия с представлением «старых работников» о ходе событий и их главных героях, и это позволяло поставить под вопрос истину документа.

Как бы то ни было, воспоминания были еще менее надежны, чем архивные документы. Одним из способов сделать их более релевантными задачам Истпрофов была их коллективная проверка, осуществлявшаяся двумя путями. Первый из них носил предварительный характер: воспоминания могли обсуждаться перед публикацией в собрании участников описываемых событий на вечерах воспоминаний. Так, например, «фактическая сторона» воспоминаний К.Рогова, опубликованная в сборнике материалов по ранней истории профессионального движения железнодорожников, была проверена Енисейским губистпартом в ноябре 1924 г. на устроенных для этой цели двух собраниях из рабочих, участников и современников описываемого периода [31, с.114]. Второй путь коллективной проверки – это, собственно, публикация. Находясь в публичном пространстве, факты воспоминаний уже переставали принадлежать только их автору и редактору, включившему их в сборник. Истпрофы призывали своих читателей быть активными и в случае, если они замечали ошибки, сообщать об этом. Истпрофы таким образом освобождали себя и автора от личной ответственности за публикуемые факты и делали ее коллективной.

Помимо воспоминаний, призывы к коллективной проверке звучали везде, где комиссия делала хотя бы «предварительные выводы». Например, в «Малой энциклопедии профессионального движения и труда» редакция шла навстречу «рабочей массе», которую «остро интересуют» вопросы профессионального движения, поэтому все-таки решалась на выпуск энциклопедии, но просила «отнестись к ней активно» и направлять все свои замечания в редакционно-издательский отдел Ленинградского

совета профсоюзов [18, с.1]. Тот же призыв повторяет Истпроф Союза железнодорожников, побуждая своих читателей делать поправки в его «Хронологический указатель главнейших событий по истории профессионального и революционного движения на железнодорожном транспорте» [34, с.148].

Коллективная работа позволяла Истпрофам не только верифицировать факты, но и преодолеть «бессистемность и анархизм» буржуазных общественных наук. Об этой задаче советских ученых писал один из руководителей Социалистической академии Е.А.Преображенский: «В результате господства резкого индивидуализма в области [буржуазного] обществоведения целый ряд наук в сущности не заслуживает такого названия, являясь постоянным полем сражения между искателями приключений, между искателями новых точек зрения, самоновейших истин, между завистливыми конкурентами, у которых стремление к оригинальности стоит на первом плане, наука же как таковая – на втором» [29, с.5–6].

В марксистской академии эта борьба «идеепроизводителей» заменяется накоплением знания, каждое новое исследование не перечеркивает старого, а дополняет его. Эта кумулятивная модель науки предполагала, что знание о прошлом складывается из отдельных исследований, как здание из отдельных кирпичей, и, как бы ни был мал вклад отдельного научного работника, он ценен тем, что что-то добавляет к общей картине. Самой страшной ошибкой при таком подходе был «параллелизм» – растрата труда на то, что в науке уже сделано. Поэтому была важна иерархия внутри Истпрофов, обмен материалами, постоянные сношения отдельных комиссий с центром и между собой, а также с родственными организациями (в первую очередь, с Истпартом). В «Бюллетене Истпрофтрана» – органе Истпрофа Союза железнодорожников – публиковались циркулярные письма, в которых подкомиссиям предлагались схемы описания событий на местах [35, с.5]. В других Истпрофах, где не было создано для координации работы специального издания, как «Бюллетень Истпрофтрана», руководства публиковались в союзных газетах и журналах или отправлялись на места напрямую.

Кабинеты профессионального и рабочего движения как способ публикации материала

Одной из важнейших организационных форм, позволявших Истпрофам выполнять посредническую функцию между историческим источником и будущим историком, были кабинеты профессионального и рабочего движения. Они представляли собой что-то среднее между архивом и библиотекой: в кабинетах концентрировались

собранные комиссиями архивные и печатные материалы, воспоминания, а также необходимая историография по рабочему и профессиональному движению. Они были открыты как для исследователей, так и для практиков, лекторов профшкол и кружков. Основная часть архивных документов в кабинете хранилась в копиях, но были и подлинники. По-видимому, первый такой кабинет был создан при Истпрофе Московского совета профсоюзов в конце 1924 г. [2, л.42–43], при ВЦСПС кабинет начал работать в январе 1926 г. [3, л.28-об]. В Ленинграде вместо отдельного кабинета профессионального движения был организован исторический отдел в кабинете текущей работы [5, л.2].

Необходимость создания кабинета при Истпрофе ВЦСПС члены комиссии обосновывали тем, что ими уже было собрано достаточно много материала по истории профессионального движения и он не должен оставаться скрытым от рабочих масс и исследователей. В докладной записке в Президиум ВЦСПС они писали: «Во всяком случае одно совершенно ясно: продолжая работу в намеченном направлении, Истпроф в недалеком будущем явится обладателем очень значительных материалов по истории нашего движения. Поэтому уже сейчас можно и нужно подумать о том, чтобы эти материалы не лежали втуне и чтобы использование их делалось бы коллективным делом, по крайней мере, всех тех, кто интересуется историей движения. Этой цели и должен служить Кабинет, который даст возможность отдельным товарищам пользоваться более или менее готовым материалом» [3, л.38].

С одной стороны, сама по себе возможность коллективной работы над материалом представлялась работникам Истпрофа важной и ценной, так как это соответствовало духу новой пролетарской науки. В циркуляре ВЦСПС о создании кабинета он называется «лабораторией профессионального движения»⁶. Истпроф оборудовал эту лабораторию всем необходимым материалом не только для внутреннего пользования, но для всех интересующихся. С другой стороны, в условиях, когда писать историю профессионального движения было еще рано, кабинет становился своеобразным способом публикации материала.

Вопрос об организации материала в кабинете профдвижения вызвал бурную дискуссию между членами Истпрофа ВЦСПС. С.Я.Рапопорт, ответственный за ведение архива комиссии, выступал за хранение материалов в их «естественном» виде, то есть с сохранением целостности архивных дел и печатных изданий. С.Я.Рапопорт настаивал на том, что ма-

⁶ Хотя самого этого документа в делах Истпрофа ВЦСПС обнаружить не удалось, циркуляр Президиума ВЦСПС № 15 от 2 февраля 1926 г. упоминался неоднократно. Например: [3, л.19].

териал должен быть расположен так, «чтобы дать возможность работать ЛЮБОМУ исследователю на ЛЮБУЮ тему», а это возможно лишь при сохранении единства и целостности фондов. Любое «разрезывание», то есть изъятие из дел отдельных документов для помещения их в тематическую подборку, облегчит работу лишь одному исследователю и затруднит ее для всех остальных.

Противоположной позиции придерживался заведующий Истпрофом ВЦСПС Ю.К.Милонов, который подчеркивал, что архивные документы являются не самоцелью, а лишь средством для исследовательской и практической работы. Задачей кабинета является не столько хранение документов, сколько помощь исследователю в его работе; подборки материалов по темам должны избавить его от необходимости рыться в многочисленных ненужных документах [3, л.32–34].

Подкомиссия из трех человек, назначенная для разработки вопроса о систематизации материала, так и не смогла начать свою работу из-за наличия этих принципиальных разногласий, поэтому на следующем заседании общей комиссии по кабинету снова был поднят этот вопрос. Ю.К.Милонов очень резко отстаивал свою точку зрения, а позицию С.Я.Рапопорта называл «архивным фетишизмом». С.Я.Рапопорт, в свою очередь, опирался на свой опыт ведения архива Истпрофа и говорил, что тематический принцип организации материалов несет в себе большой риск потери документов, а также не дает возможности вести и исследования по пограничным темам, например, «отражение рабочего вопроса в кадетской прессе». Любой из способов тематической организации представлял собой «прокрустово ложе», удобное лишь для какого-либо одного типа исследований. В конечном счете была принята позиция С.Я.Рапопорта, получившая на голосовании три голоса против двух за позицию Ю.К.Милонова при одном воздержавшемся [3, л.30–31].

Спор между С.Я.Рапопортом и Ю.К.Милоновым представлял собой столкновение двух основных типов архивной классификации, основанных на принципе происхождения (документы хранятся в исторически сложившихся комплексах) или же на логическом принципе (документы собираются в комплексы по тематическим рубрикам). Современные теоретики справедливо указывают, что каждый из принципов организации архива определенным образом задает способы исследователей работать с ним. Так, обобщая дискуссии последних двух десятков лет, Ф.Блоун и У.Розенберг пишут: «Архив [...] приписывает своим источникам определенные значения, организуя их таким образом, что они по умолчанию предполагают те или иные виды вопросов или даже ответов» [7, с.131]. Однако очевидно, что логический принцип организации настойчивее при-

писывает источникам имманентные смыслы. Он подразумевает, что архивист уже знает, какие вопросы будет задавать документу исследователь, и сообразно с этим помещает его в ту или иную тематическую матрицу.

Ю.К.Милонов с 1917 г. работал в различных профсоюзных организациях и хорошо знал их структуру и направления работы. Во всех профсоюзах были организационный, культурно-просветительный и тарифно-экономический отделы со своими целями и задачами, для которых требовалось привлечение исторических материалов. Ю.К.Милонов предполагал, что он точно знает «будущего историка», который будет пользоваться материалами кабинета. Позиция С.Я.Рапопорта предполагала большую открытость, что в дальнейшем принесло Истпрофу вполне ощутимые дивиденды. Богатство собранного материала привлекало не только работников профсоюзов, но и исследователей из других институций. Это позволило организовать при Истпрофе на средства соответствующих учреждений секции по истории социального страхования, по истории рабочей кооперации и рабочего законодательства [3, л.11–12]. При этом работа кабинета не была таким образом полностью оторвана от задач профсоюзов: тематический принцип был положен в основу систематического каталога, охватывавшего как литературный, так и архивный материал кабинета [3, л.22].

«Составление действительно научной истории» и уничтожение сети Истпрофов

Приблизительно с 1926 года заметен постепенный сдвиг в риторике истпрофработников: они все чаще стали говорить не о недостатке материалов, а, наоборот, о том, что документов в хранилищах комиссий очень много. С 28 по 31 мая 1928 г. в Москве проходило I Всесоюзное совещание Истпрофов, на котором были зафиксированы эти важные изменения в работе сети комиссий. Ю.К.Милонов выступал с докладом «Итоги и перспективы деятельности Истпрофов», в котором говорил о том, что первый, «накопительный», период работы подходит к концу. Собрано уже много материала; в нем есть пробелы, но уже известно, как эти пробелы восполнить. Первые два пункта резолюции по докладу Милонова гласили:

«1. На ближайшее время в отличие от предшествующих лет задачей Истпрофов является не только собирание, систематизация и изучение источников по истории профессионального движения, но и непосредственная работа над составлением действительно научной истории. <...>

2. Наличие значительного фонда уже выявленных, изученных и собранных источников дает возможность теперь уже не ограничиваться простым

описанием фактического хода событий, как это делали в большинстве случаев до настоящего времени, а позволяет все более и более переходить к изучению и освещению диалектики развития, как всего движения в целом, так и отдельных отраслей» [4, л.37].

Вместо подготовки материалов для работы «будущих историков» работники Истпрофов сами становились «настоящими историками», которые были готовы взяться за синтез, выявление закономерностей и тенденций развития профессионального движения, за написание «действительно научной истории». Новые задачи, однако, не делали научность Истпрофов менее ориентированной на факты, потому что научной историю профессионального движения делало именно то, что она основывалась на обширном фактическом материале, собранном в предшествующий период. Вместо летописей Истпрофы начинали готовить истории: такие рассказы о прошлом, в которых отдельные моменты были связаны в единое целое, и связь эта реконструировалась не случайно, а по необходимости – она выводилась из знания всей совокупности фактов прошлого.

После Всесоюзного совещания Истпрофов начала меняться риторика в изданиях комиссий. Вместо привычных извинений за неполноту и легитимации через пополнение копилки знаний о прошлом новыми отдельными фактами, авторы стали писать об общих тенденциях и вписывали историю профессионального движения в широкий контекст. Например, в книге о Московском союзе деревообделочников в 1890–1907 гг. ее авторы Ю.К.Милонов и М.Раковский в предисловии писали, что они не хотели «ограничиваться простой летописью» событий: «Мы считали необходимым установить не только простую последовательность событий борьбы деревообделочников, жизни и деятельности союза, но и связь их между собой. Мы считали нужным также выяснить связь движения деревообделочников с общим рабочим движением в России и зависимость всего этого от политической и экономической обстановки» [20, с.5].

Однако Истпрофам не удалось развить активную деятельность на новых основаниях. В апреле 1930 года сеть Истпрофов была ликвидирована, а все материалы были переданы в Коммунистическую академию. В ходе «разгрома» истпрофовской историографии профессионального движения, организованной Обществом историков-марксистов при Коммунистической академии и Высшей школой профдвижения ВЦСПС, истпрофработникам в вину ставилось, прежде всего, «примиренческое отношение к меньшевистским работам». В изданиях Истпрофов публиковались меньшевики В.П.Гриневиц, П.Н.Колокольников, сторонник независимости профсоюзов Ю.Б.Крезель, а в истпрофовских библиографических указателях меньшевистская литература рекомендовалась в качестве пособий по

профессиональному движению. Ошибочность взглядов меньшевиков признавали и сами работники Истпрофов, которые подчеркивали в предисловиях к сомнительным статьям, что они не согласны с авторским освещением фактов, но сами факты ценны для будущего историка, поэтому все-таки эти статьи публиковались.

Е.А.Мильштейн, основной докладчик на конференции, посвященной историографии профессионального движения, критикует слова Милонова о том, что безошибочное суждение возможно лишь об отдаленном прошлом, потому что недавние события слишком тесно привязаны к интересам сегодняшнего дня и «действительный смысл» фактов подменяется «желательным их истолкованием» [23, с.5]. В этом Мильштейн видит отрицание принципа партийности науки: «Отсюда вытекала установка на ценность фактов, преподнесенных Колокольниковым, Гриневичем, Айнзафтом и другими политическими врагами советской власти. Тов. Милонов, находясь в плену буржуазной исторической методологии, забывал, что эти факты, определенным образом подобранные, являлись враждебной пролетариату *идеологией*» [32, с.10].

Мильштейн практически повторяет здесь слова Покровского об идеологическом искажении фактов в «кривом зеркале» классовой идеологии. Мильштейн отрицал релевантность индуктивной научности Истпрофов, ставя им в вину именно то, что они в своих исследованиях шли от отдельных фактов к обобщениям. Они не понимали, что без «правильной» политической перспективы невозможно даже выделить факт, что сам набор верных фактов уже подразумевает стоящую за ним общую картину, идеологию. Поэтому меньшевики в своих статьях в изданиях Истпрофов давали не «простые факты» (таковых не существует), а навязывали читателям свою идеологию.

Довольно очевидно, что за закрытием Истпрофов стояла политика. В своем выступлении Мильштейн напрямую связывал ошибки членов комиссий с «правым оппортунизмом» прежнего руководства профсоюзов, в первую очередь М.П.Томского. Одновременно с закрытием Истпрофов был организован процесс против историков Академии наук, в результате которого этот институт потерял свою независимость от партии, а многие исследователи были репрессированы. В это же время институты Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) были включены в структуру Коммунистической академии. Партийное руководство резко сужало диапазон допустимого в политике, науке и культуре.

Библиографический список

1. Государственный Архив Российской Федерации. Ф.6935. Оп.1. Д.10.
2. Государственный Архив Российской Федерации. Ф.6935. Оп.1. Д.33.
3. Государственный Архив Российской Федерации. Ф.6935. Оп.1. Д.60.
4. Государственный Архив Российской Федерации. Ф.6935. Оп.1. Д.68.
5. Центральный Государственный Архив Санкт-Петербурга. Ф.6276. Оп.11. Д.67.
6. Антонец С. Очерки истории союза 1905 года / Материалы по рабочему движению на железных дорогах до 1905 года. Сб. 3. М.: ЦК Союза рабочих ж.д. трансп., 1925. С.65–114.
7. Блоун Ф., Розенберг У. Споры вокруг архивов, споры вокруг источников // Статус документа: окончательная бумажка или отчужденное свидетельство / под ред. И.М.Каспэ. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 408 с.
8. Бранденбергер Д.Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания. 1931–1956. СПб.: Академический проект ДНК, 2009. 415 с.
9. Быстрянский В. Ленин-историк. Историзм в ленинизме. Л.: Гос.изд., 1925. 34 с.
10. Гильминтинов Р.Р. Институционализация Истпрофов в структуре советских профсоюзов // Вестник Брянского государственного университета. 2018. №3(37). С.28–36.
11. Гильминтинов Р.Р. Партийное историописание и поле науки: опыт журнала «Красная летопись» в 1922–23 годах // Альтернативы, переломные пункты и смены режима в истории России. Материалы Первой международной научной конференции молодых русистов будапештского Центра Русистики от 19–20 мая 2014 г. Будапешт: Russica Pannonica, 2015. С.287–297.
12. Гурьевич В.Д. «Маджель» (Союз младших агентов движения ж. д.), 1917–1919 гг. М., Л.: ЦКЖД, 1925. 60 с.
13. Игнатенко Т.А. Истпрофы и их роль в советской историографии // Исторические записки. 1979. Т.104. С.240–267.
14. Игнатенко Т.А. Утверждение ленинской концепции истории профессионального рабочего движения в революции 1905–1907 гг. (20-е – начало 30-х годов) // Актуальные проблемы советской историографии первой русской революции. М.: Наука, 1978. С.49–85.
15. Кирьянов Ю.И., Шалагинова Л.М. Материалы фондов Комиссий Истпрофов как источник по истории рабочего класса в России // Вопросы истории. 1978. №5. С.136–146.
16. Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции / Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки: Сб. переводов. М.: Прогресс, 1978. С.203–235.
17. Лелевич Г. Ленин, как историк партии и революции. М.: Гос.изд., 1925. 63 с.
18. Малая энциклопедия профессионального движения и труда. Л.: Ленингр. губ. сов. проф. союзов, 1925. 870 стб.
19. Милонов Ю.К. Основные проблемы историографии профессионального движения в России / Материалы по истории профессионального движения в России. Сб.1. М.: ВЦСПС, 1924. С.16–24.
20. Милонов Ю.К., Раковский М. История Московского профессионального союза рабочих деревообделочников. Вып. 1. От первых стачек (90-е годы) до разгрома Союза (1907 год). М.: Мосполиграф, 1928. 161 с.
21. Московские печатники в 1905 году. М.: Моск. губотд., 1925. 164 с.
22. Нарский И. Конструирование Мифа о Гражданской Войне и Особенности Коллективного Забывания на Урале в 1917–1922 гг. // Ab Imperio. 2004. №2. С.211–236.

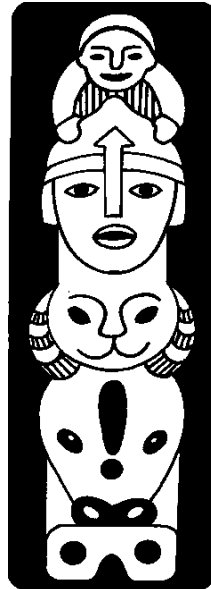
23. От Истпрофа ВЦСПС. // IV Всероссийская конференция профессиональных союзов. 12–17 марта 1918 г. (Протоколы и материалы). М.: ВЦСПС, 1923. С.3–8.
24. От Истпрофтрана. // 1905 год на Юго-восточных железных дорогах. М.: ЦКЖД, 1925. С.3–5.
25. От редакции / Материалы по истории профессионального движения в России. Сб.1. М.: ВЦСПС, 1924. С.3–7.
26. Платт К. Репродукция травмы: сценарии русской национальной истории в 1930-е годы // НЛО. 2008. №90. [Электронный ресурс] URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/90/pl7.html> (Дата обращения: 22.05.2018)
27. Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов. Историографические очерки, критические статьи и заметки. Т.1. М.: URSS ЛИБРОКОМ, 2012. 325 с.
28. Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов. Историографические очерки, критические статьи и заметки. Т.2. М.: URSS ЛИБРОКОМ, 2012. 447 с.
29. Преображенский Е. Ближайшие задачи Социалистической академии // Вестник Социалистической академии. 1922. №1. С.7–9.
30. Пятая Всероссийская конференция профессиональных союзов (3–7 ноября 1920 г.): стенографический отчет. М.: Б.и., 1921. 179 с.
31. Рогов К. Рабочее движение в красноярских мастерских в 1901–1904 гг. // Материалы по рабочему движению на железных дорогах до 1905 года. Сб.3. М.: ЦКЖД, 1925. С.114–129.
32. Тезисы доклада Е.Мильштейна «О положении на фронте истории профдвижения в России и СССР», утвержденные Высшей школой профдвижения и бюро секции истории пролетариата Общества историков-марксистов // За марксистско-ленинскую историю профдвижения. Доклад Е.Мильштейна и прения по докладу. М., 1932. С.5–17.
33. Филимонов А.В. Псковский Истпроф // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2015. №43. С.5–11.
34. Хронологический указатель главнейших событий по истории профессионального и революционного движения на железнодорожном транспорте / Материалы по рабочему движению на железных дорогах до 1905 года. Сб.3. М.: ЦКЖД, 1925. С.145–203.
35. Циркулярное письмо Истпрофтрана №3 // Бюллетень Истпрофтрана. 1924. №1. С.5.
36. Чекин А. (Яроцкий В.Я.) Задачи изучения российского профессионального движения // Материалы по истории профессионального движения в России. Сб.1. М.: ВЦСПС, 1924. С.7–16.
37. Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 589 с.
38. Шумилов А.И. Издания Истпартов, Истпрофов и Истмолов Сибири в 1920–1930-е годы // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. №3. С.46–50.
39. Шумилов А.И. Создание сибирских Истпрофов и их деятельность по изучению профсоюзного движения в 1905–1920 гг. // Омский научный вестник. 2006. №8 (45). С.22–27.
40. Энгельс Ф. Анти-Дюринг: [Переворот в науке, произведенный т. Евгением Дюрингом]. М., Пг.: Гос.изд., 1923. 297 с.
41. Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке. М.: Гос.изд., 1922 (1880). 39 с.
42. Corney F.C. Telling October: Memory and the Making of the Bolshevik Revolution. Ithaca: Cornell University Press, 2004. 301 p.
43. Dobrenko E. Stalinist Cinema and the Production of History: Museum of the Revolution. New Haven: Yale University Press, 2008. 263 p.
44. Von Geldern J. Bolshevik Festivals, 1917–1920. Berkeley: University of California Press, 1993. 317 p.

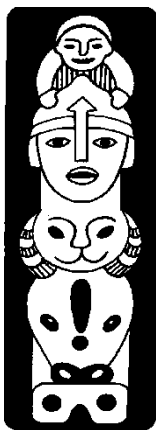
Всякая революция, которая не совершилась также в нравах и идеях, терпит поражение.

Франсуа Рене де Шатобриан

Грубые проявления прогресса называются революциями. Когда они кончаются, можно заметить, что человечество получило хорошую встряску, но зато подвинулось вперед.

Виктор Гюго

Валерий Солдатенко

**ХРИСТИАН РАКОВСКИЙ
В РЕВОЛЮЦИОННЫХ
СОБЫТИЯХ В УКРАИНЕ
(1918–1923 ГГ.):**

**ПОИСК СОВРЕМЕННЫХ
НАУЧНЫХ АКЦЕНТОВ**

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК
329 (477) «1917–1920»

В статье предпринята попытка на основе анализа исторических фактов и документов кратко охарактеризовать и объективно оценить роль видного деятеля международного революционного движения Х.Г.Раковского в развитии общественных процессов в Украине во время Гражданской войны и пребывания на посту главы советского правительства республики. В последние десятилетия эта страница его жизни получает контрверсионное освещение.

The article attempts to briefly characterize and objectively assess the role of the prominent figure in the international revolutionary movement, H.G.Rakovsky, in the development of social processes in Ukraine during the Civil War and the time of the head of the Soviet government of the republic on the basis of an analysis of historical facts and documents. In the last decades, this page of his life receives controversial lighting.

Ключевые слова: Украина; революция; Гражданская война; УССР; Совет Народных Комиссаров; КП(б)У; национальный вопрос; украинский коммунизм; СССР; федерация.

Key words: Ukraine; revolution; Civil War; USSR; Council of People's Commissars; KP (b) U; national question; Ukrainian communism; USSR; federation.

E-mail: soldatenko.v.f@gmail.com

Сердцем с Украиной

В 1924 г. в одном из интервью Христиан (Крыстю) Георгиевич Раковский (Станчев) заявил, что он, его сердце принадлежат пяти странам, и одна из них – Украина [2, с.3]. Мож-

но предположить, что в тот момент у болгарского, румынского, французского и российского революционера было особенно много эмоций, ностальгических воспоминаний о пребывании и деятельности в Украине и они были по-настоящему свежи, дороги. Ведь последний крупный отрезок его жизни (1918–1923 гг.) в наибольшей мере был связан с этим краем. Он буквально сросся с украинским народом – братьями родного, славянского племени, искренно его полюбил, как подлинный интернационалист, не жалел сил, самоотверженно боролся за его интересы, за общественный прогресс, еще за заветную мечту – справедливое переустройство мира. По большому счету, прошли эти годы не зря, результаты были масштабны, впечатляющи.

Хотя долгие годы имя Х.Г.Раковского во многих случаях не принято было упоминать, к примеру, статьи о нем отсутствуют в соответствующих томах «Большой Советской Энциклопедии» (т.21) и в «Українській Радянській Енциклопедії» (т.9), в последние три десятилетия ситуация существенно изменилась. Ныне практически ни одно солидное справочное издание не обходится без довольно обстоятельных информаций о видном революционере, известном участнике социалистического движения, масштабы деятельности которого были намного шире национальных, государственных рамок [17, с.502–503; 31, с.129–131; 40, с.312; 49, с.389–390; 50, с.320–322; 51, с.345–356; 54, с.234–235].

Ушли в прошлое и те времена, когда в многочисленных историко-партийных трудах, других исторических штудиях послевоенной совет-

Х.Г.Раковский

ской эпохи, в первую очередь панорамных, обобщающих, Х.Г.Раковский назывался преимущественно в числе злостных оппозиционеров, ярых сторонников Л.Д.Троцкого, соперников И.В.Сталина, – врагов советской власти.

После реабилитации в годы перестройки (1988 г.) революционера-интернационалиста и крупного советского деятеля закономерно наступило время для более обстоятельных объективных исследований и публикаций о нем. Теперь его имя присутствует во множестве работ, посвященных процессам, к которым он имел отношение и оставил яркий, рельефный след [15; 16, с.79–98; 26; 53]. Правда, и поныне, кроме понятной субъективной предвзятости на антикоммунистическом векторе – поисков «истинных» национальных корней, масонской доминанты и предательства, возникает немало разногласий в оценке деятельности этой неординарной личности [1, с.111; 10, с.131; 13, с.369–390; 20, с.215–266; 23, с.7–12; 41, с.30–365; 48, с.196–545; 52, с.7–653]. Это обуславливает необходимость дополнительного обращения ко многим важным сюжетам. Что касается Украины, среди других моментов представляется важным выделить предметное выяснение роли Х.Г.Раковского в мирных переговорах между РСФСР и Украинской Державой в 1918 г. Необходимы взвешенная трактовка обстоятельств и способа появления его во главе советского правительства Украины в январе 1919 г.; объективная реконструкция отношений с Украинской Коммунистической партией (боротьбистами) в начале 1920 г.; реалистичная позиция и квалификация действий при выборе путей реализации объединительного процесса за создание Союза ССР и оптимально возможного статуса Украины в союзном государстве.

При этом чрезвычайно важно не изменять конкретно-историческому подходу, а в аргументации оценок, выводов, обобщений строго придерживаться реальных фактов, документов и не прибегать к абстрактным построениям, не опирающимся на надлежащую источниковую базу.

**Первые знакомства
и поручения**

Впервые на украинской земле Х.Г.Раковский оказался в первомайские дни 1917 г., после своего освобождения воинами российской армии из румынской тюрьмы в Яссах.

В Одессе он тогда долго не задержался, поспешил в революционный

Петроград [9, с.617]¹. Затем была еще поездка в начале 1918 г. на юг России. В автобиографии Х.Г.Раковский, ставший к тому времени членом большевистской партии, лаконично отобразил этот жизненный эпизод следующим образом: «В декабре я был в Петрограде и в начале января уехал в качестве комиссара организатора Совнаркома РСФСР на юг вместе с экспедицией матросов во главе с Железняковым. Пробыв известное время в Севастополе и организовав там экспедицию на Дунай против румынских властей, занявших уже Бессарабию, я отправился в экспедицию в Одессу. Здесь была организована Верховная автономная коллегия по борьбе с контрреволюцией в Румынии и на Украине, и в качестве председателя этой коллегии и члена Румчерода (Центральный исполнительный комитет Советов солдатских, матросских и рабочих депутатов Румынского фронта Черноморского флота и Одесского военного округа. – В.С.) я оставался в Одессе до занятия города немцами. Из Одессы я приехал в Николаев, оттуда в Крым, потом в Екатеринослав, где участвовал на втором съезде Советов Украины, потом в Полтаву и Харьков» [9, с.617].

По возвращении в Петроград Х.Г.Раковский встретился 28 марта 1918 г. с В.И.Лениным, которого подробно проинформировал о сражениях с румынами, достижении военного и дипломатического успеха, о невозможности развития его из-за начала австро-германской оккупации Украины, о расстановке сил и перспективах развития событий в регионе [4, с187]. Видимо, проявленная обстоятельность, глубина анализа, рациональные предложения произвели на вождя Советской России большое впечатление и впоследствии он считал Х.Г.Раковского весьма компетентным специалистом в украинских делах, мнению которого стоит доверять.

В середине апреля болгарско-румынский революционер был включен в состав делегации РСФСР, которой, согласно Брестскому миру, надлежало заключить договор с Центральной Радой. Пока улаживались бюрократические формальности, в Киеве по инициативе оккупантов был совершен государственный переворот. К власти пришел гетман

---

¹ Впрочем, те, кто верит в теорию «всемирного заговора», преступного функционирования «тайного закулисья», считают, что Х.Г.Раковский был «засланным в Россию деятелем» [7, с.18] и еще из тюрьмы, где он находился с сентября 1916 г., участвовал в организации проезда В.И.Ленина и других российских эмигрантов из Швейцарии через Германию в Россию в «запломбированном вагоне» [13, с.371; 20, с.216–217].

П.П.Скоропадский. Теперь переговоры предстояло вести с Украинской Державой (таким было ее новое официальное наименование). Изменился и состав делегации. Из Курска, где дипломаты ждали разрешения на въезд в Украину и проводили подготовительную работу, в Москву возвратились И.В.Сталин и М.П.Томский, на которых по первоначальному замыслу возлагались главные функции. 18 мая 1918 г. полномочными представителями на переговоры (практически руководителями) были назначены Х.Г.Раковский и Д.З.Мануильский [26, с.62–63].

Сам ход переговоров, поведение руководителя (роль «первой скрипки» выполнял Х.Г.Раковский) сегодня легко реконструировать. И картина будет разительно отличаться от весьма распространенных, но во многом поверхностных трактовок.

Так, С.В.Кульчицкий кратко оценивает очень сложные, многоаспектные события следующим образом: «В апреле 1918 г. (на самом деле речь должна идти о мае. – В.С.) Х.Раковский во главе советской делегации приехал в Киев. По условиям Брестского мира советская Россия вынуждена была признать независимость УНР и заключить с ней мирное соглашение. Ловко маневрируя между немецкой воинской администрацией и своим партнером на

КД

Владимир Ильич

Ваше задание и в нашем смысле

- 1) переговоры о воед. автономии с украинцами
- 2) циркуляр о предоставлении помощи о вооружении
- 3) циркуляр о материальной помощи

Нужно ли Вам еще материалы

Раков

Записка Раковского Ленину (1920)

У С С Р
 ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
 ВЕТЕРНАРНЫХ КОМИССАРОВ
 — 16 —
 НАРОДНЫЙ КОМИССАР
 — 10 —
 ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ
 — 11 —
 2 мая 1918 г.
 № 11111

Уважаемый
 Владимир Ильич

В нашей работе.
 Нам ~~успешно~~ удалось совершить
 ряд удачных операций.
 В этом отношении больше
 всего желательна работа
 в Цетумра и нам к работе
 в провинции с вашим участием
 дело обстояло хорошо. Но
 сотрудничество не было успешным из

Начало письма Раковского Ленину (1919)

переговорах, которым после переворота стало правительство П.Скоропадского, он оттягивал с принятием решений, не беря никаких обязательств» [51, с.349].

Умение маневрировать во время переговоров, искусно, конструктивно использовать все потенциальные факторы, в том числе и сознательное торможение процесса в необходимых случаях, никак не может быть поставлено в вину дипломату. Кстати, этого не было со стороны Х.Г.Раковского в конкретном рассматриваемом случае.

Соответствующие документы, включая стенограммы с мельчайшими деталями, опубликованы, снабжены профессиональными комментариями и подробно проанализированы во многих изданиях [11; 27; 28; 29; 30, с.162–169; 34; 45] как образцы дипломатической риторики, даже, в полном смысле слова, мастерства. И это в принципе совсем не удивительно для таких образованных, профессионально подготовленных, разносторонних эрудитов, правоведов высочайшей квалификации и опытных, искушенных политиков, как С.П.Шелухин, Х.Г.Раковский, И.А.Кистяковский, В.В.Зеньковский, Д.З.Мануильский, А.Я.Шульгин и другие² [18; 38]. Хотя большой практики межгосударственных переговоров они и не имели, упомянутые материалы безусловно интересны тем, что дают достаточно полные, ясные представления о подходах к решаемым вопросам обеих сторон [38, с.149–229].

При этом элементарная объективность требует признать, что тактика проволочек, затягивания переговорного процесса (спорное и бессмысленное выяснение доказательств полномочий делегатов, переводы выстулений с украинского языка на русский и обратно, длительное корректирование, согласование с устным зачитыванием в присутствии всех

---

² В информационно насыщенном, наполненном множеством интереснейших деталей исследовании петербургского историка А.С.Пученкова руководителями советской делегации названы Х.Г.Раковский, Д.З.Мануильский и И.В.Сталин [18, с.59], хотя фамилию последнего официальные стенограммы и протоколы не содержат. Во всяком случае, она отсутствует в добротной подготовленном, по существу академическом, издании «Мирні переговори між Українською Державою та РСФСР 1918 р.» [38]. Может быть, у ученого такое впечатление сложилось под влиянием того, что И.В.Сталин иногда комментировал в прессе ход переговоров в Киеве. Или он без надлежащей перепроверки воспринял как вполне достоверное мемуарное свидетельство одного из членов делегации А.А.Бормана о том, что на конференции в Киеве «Сталин не участвовал в прениях и вообще говорил крайне мало» [18, с.65]. Отсутствие информации в официальных документах должно было, как минимум, насторожить: в городе присутствие наркома в 1918 г. вообще не зафиксировано.

участников конференции протоколов предыдущих дискуссий) – все это были бюрократические уловки с украинской стороны [38, с.35–45].

Другое дело, что выработка принципиальной линии поведения в сложнейшей обстановке, когда весы истории в любой момент могли вновь качнуться в сторону войны, диктовала для советской стороны как можно более оперативные действия, что она и продемонстрировала подписанием прелиминарных условий договора уже 12 июня 1918 г. [38, с.45–49, 299–301].

В дипломатических битвах

Безусловно, важно иметь в виду, что участникам киевских переговоров предстояло решить массу совсем не простых проблем, которые обозначились по-настоящему впервые и не

имели достаточно разработанных теоретических обоснований для подобных прецедентов. В частности, обе стороны получили хорошую площадку для теоретической апробации выдвигаемых концепций, подходов к решению объективно сложнейшего вопроса о границах новых национально-государственных образований, возникающих в условиях крушения империи. Особенно показательны тут дискуссии вокруг Крыма. Отталкиваясь от этнографического принципа, как исходного и определяющего, С.П.Шелухин и его коллеги считали необходимым в практике осуществления разграничений обязательно учитывать экономические, стратегические, политические, географические, технические факторы. Собственно, государственное руководство Украины уже использовало упомянутые подходы к решению вопросов отношений с Крымом, хотя субъектами, с которыми по этому поводу приходилось иметь дело, были Германия и политики многонационального населения Крыма, но никак не Российская Федерация.

Представители российской делегации, похоже, скорее зондировали почву, осторожно «нащупывали» варианты если не выигрыша в свою пользу, то удачного розыгрыша «крымской карты». Директор Российского государственного архива социально-политической истории А.К.Сорокин совсем недавно ввел в научный оборот ряд документов (преимущественно эпистолярного характера), проливающих определенный свет на поведение дипломатов РСФСР на киевских переговорах. Так, в директиве из Москвы, которой должна была руководствоваться

делегация, ставилась задача: «Настаивать на опросе населения Крымского полуострова, сохранение которого за Советской Федерацией считается основой существования Черноморского флота и выхода на Черное море» [22, с.152].

Однако советские дипломаты достаточно быстро смогли объективно разобраться в хитросплетениях сложившейся ситуации. В первом же докладе в Москву 28 мая 1918 г. Х.Г.Раковский и Д.З.Мануильский жестко зафиксировали, что «украинские политики совершенно поработаны немцами». Отмечалось, что на первом заседании мирной конференции украинская сторона «заявила свои претензии на Донскую область, Кубань, Северный Кавказ и Черноморье, а также и Крым» [22, с.152]. Хуже всего, по мнению дипломатов, дело обстояло именно с Крымом. «По имеющимся у нас сведениям – информировал Москву Х.Г.Раковский, – немцы решили отдать его украинцам» [22, с.152–153]. А Д.З.Мануильский в донесении наркому иностранных дел Г.В.Чичерину сообщал, что якобы Украина «выразила уже готовность признать автономию Крыма, если ей будет уступлен Севастополь. Она откладывала до сих пор признание Дона, считая, что может получить от нас Таганрогский округ... Убедившись, что мы неуступчивы ...Украина отказалась от этой претензии». При этом и некоторые члены делегации, и некоторые политики в Москве считали априори возможным идти на уступки в отношении Крыма, вплоть до «отдачи в случае крайней необходимости даже всего Крыма», уступая приоритет перенесению границ на «континенте» как можно дальше на запад [22, с.153].

Упомянутые суждения из служебной переписки если и вызывают в некоторых элементах сомнение относительно уровня информированности дипломатов и правоты оценок, все же помогают лучше понять мотивацию поведения московских посланцев на переговорах.

Во-первых, являясь прагматиками, они в дальнейшем почти не касались вопросов государственной принадлежности Крыма. Лишь один раз, доказывая правомерность своих полномочий как представителей федеративного государства, правопреемника бывшей России, Х.Г.Раковский подчеркнул, что они считают себя легальными представителями «всей Российской территории, которая охватывает и Донскую область, и Сибирь, и Крым, и Белоруссию...» [38, с.205].

Во второй же раз глава российской делегации довольно спокойным тоном констатировал факт отказа украинской стороны обсуждать во-

прос о Крыме, не оспаривал этого, не выдвигал никаких контрпретензий [38, с.254, 255, 259].

Участники переговоров, судя по всему, хорошо понимали, что в сложившихся обстоятельствах (реальной оккупации Крыма немецкими войсками) все разговоры о полуострове не могут иметь практического характера. Очевидно потому в проекте мирного договора, разработанного украинской стороной на заседании мирной делегации 8 июня 1918 г., пункт второй имел такую формулировку: «О границах Украины с Россией (без Крыма, Кубани, Бессарабии)» [38, с.349].

Во-вторых, проясняется, почему, вопреки полученным четким директивам, представители российской делегации очень упорно настаивали на исключительном значении применения этнографического критерия относительно границ Украины вообще, особенно в северной и восточной части, в первую очередь в Донской области, и как бы «забыли» при этом о Крыме.

В-третьих, посланцы Москвы тонко уловили первостепенное заинтересованное стремление Украины именно к Севастополю – ключу к Черноморскому флоту и Черному морю вообще, оставляя вопрос о полуострове открытым до того, как сложится судьба Брестского мира.

Касательно Черноморского флота вообще, часть которого, как известно, была затоплена в Цемесской бухте по распоряжению Москвы, представители российской делегации на переговорах в Киеве вопросов не затрагивали. Может быть, вновь исходили из практической бесперспективности обсуждения важной проблемы. А может быть, не имели согласованной точки зрения. К такому выводу способно, в частности, подтолкнуть суждение об одном из эпизодов, воспроизведенных мемуаристом А.А.Борманом. Речь о совещании в Курске, предварявшем отъезд делегации РСФСР на переговоры в Киев. «Вопрос о Черноморском флоте поднимался на этих совещаниях неоднократно, – информирует один из их непосредственных участников. – Однажды Раковский для поддержки в споре с морскими экспертами о флоте обратился к Сталину.

– Тов. Сталин, нам же необходим Черноморский флот, мы же не можем уступить его в обмен на какую-нибудь территорию.

На этих совещаниях Сталин обычно молчал. Он сидел в кресле, откинувшись на спинку, и точно отсутствовал.

– Зачем нам сейчас этот флот? Лучше обменяем его на какую-нибудь губернию, – коротко изрек он и замолчал. Раковский внимательно по-

смотрел на народного комиссара по национальностям и с нескрываемым высокомерием сказал:

– Вы, тов. Сталин, не понимаете этого вопроса. У вас недостаточно ясные государственные и дипломатические идеи. Вам необходимо заняться изучением международных вопросов. Сталин ничего не ответил, взглянул на Раковского звериным взглядом и опустил глаза...» [27, с.60–61].

Думается, в данном случае следует обратить внимание не столько на то, во что в будущем «обойдется» Х.Г.Раковскому несогласие с И.В.Сталиным и не вполне тактичное поведение («Раковский еще два раза при нас обрывал Сталина»), а нечто иное.

Во-первых, как видно из процитированного, единства мнений по вопросу о Черноморском флоте не было не только в экспертной среде, но и на уровне высшего советского партийного руководства.

Во-вторых, следует учесть, что, если у Х.Г.Раковского и был собственный взгляд на весьма сложную проблему, он, при всей допустимой степени ее дискуссионности и неоднозначности, не мог не учитывать того, что И.В.Сталин в тот момент уже прочно закрепил в узком кругу руководящих московских функционеров мнение о себе как основном «специалисте» в национальной сфере, наиболее осведомленном о развитии событий на периферии и оказывавшем на них наибольшее (естественно, возможное) реальное влияние, а также предопределявшем логику практически всех решений ЦК РКП(б) и СНК РСФСР в данной сфере. Фактически наибольшим авторитетом он оставался и для В.И.Ленина [44]. Нельзя исключить и того, что по своим каналам Х.Г.Раковский мог получить и непосредственно от главы правительства директиву, согласованную, скорее всего, опять-таки со Сталиным.

В общем и целом, после острейшей, не всегда лицеприятной полемики украинской стороне в результате переговоров удалось-таки склонить российскую делегацию к признанию комплексных, системных принципов в подходе к спорным вопросам о государственных разграничениях. 22 июня 1918 г. были приняты «Резолюции украинско-российской мирной конференции о принципах разрешения спорных вопросов при установлении государственных границ между Украинской Державой и РСФСР после подписания мирного договора» [38, с.200–202, 304–305].

Воспроизведенный «крымский сюжет», как представляется, достаточно наглядно иллюстрирует, какие сложные проблемы приходилось решать в процессе переговоров. Поспешность, недостаточный учет реальной обстановки, эмоциональная заряженность могли только повредить достижению справедливых результатов (естественно, в пределах возможного).

Дипломат, остававшийся революционером

Пребывание Х.Г.Раковского в Киеве оказалось намного резонанснее, чем могла предположить гетманская администрация. Сам П.П.Ско-ропадский вскоре сокрушался:

«Нашим правительством была сделана крупнейшая ошибка, когда оно назначило заседания этой мирной конференции в Киеве, так как это дало возможность большевикам начать свою агитацию. ...Если взять картину, которая тогда рисовалась полиции, то получается следующее: с одной стороны – большевизм русский, пустивший большие разветвления по всей Украине, главным образом, с легкой руки Раковского, председательствующего мирной комиссии для установления соглашения с большевиками по всем спорным вопросам. Конечно, в теснейшей связи с северными большевиками были наши украинские. Затем уже шли русские социал-революционеры и социал-демократы и их украинские сотоварищи» [42, с.208–213].

Не кто иной, как гетман, считал действия Х.Г.Раковского смертельно опасными для своего режима. «Сведения о недовольствии среди крайних левых украинских партий все более и более вырисовывали картину готовящегося восстания, – отмечает он. – В это же самое время Раковский со своими делегатами, прибывшими в Киев для заключения мирных переговоров, вел самую энергичную большевистскую агитацию. ... Мы неоднократно ловили большевиков с поличным, указывали на это немцам, но последние хотя и входили с большевистскими представителями в пререкания, все же продолжали настаивать на продолжении переговоров» [42, с.302].

Глава СНК УССР (в центре) с группой харьковской молодежи, 1919 г.

Конечно, Х.Г.Раковский был не просто дипломатом, способным наладить отношения и с некоторыми представителями П.П.Скоропадского (но не с самим гетманом, как бесосновательно утверждают некоторые авторы, ставя во главу угла тезис о масонской принадлежности двух исторических деятелей [13, с.371; 20, с.217]) и с высокими функционерами оккупационной администрации, но и с оппозиционерами гетманскому режиму. Руководители российской дипломатической миссии нашли контакт с лидером оппозиционного Украинского национального союза В.К.Винниченко. Последний не скрывал, что «они (речь о Х.Г.Раковском и Д.З.Мануильском. – *В.С.*) соглашались поддерживать нас (т.е., тех, кто готовил антигетманское восстание. – *В.С.*) не активно, а усилением своей активности на фронтах, чтобы тем привлечь внимание немецко-гетманских войск. Они брали обязательство признать тот строй, который будет установлен новой украинской властью, и абсолютно не вторгаться во внутренние дела Украинской Самостоятельной Народной Республики. Со своей стороны мы обещали легализацию Коммунистической партии на Украине» [24, с.158].

Вряд ли можно предъявить претензии к такой практически безупречной позиции Х.Г.Раковского, проявленной в экстремальной ситуации, когда надо было найти безошибочный баланс между демократией, дипломатическими канонами и революционными, прогрессивными национальными интересами. Свое восхищенное удивление феноменом

поведения руководителя российской дипломатической миссии выражал даже хорошо проинформированный лидер белого движения А.И.Деникин [8, с.145].

**Снова в Украину –
и уже надолго**

В вышеизложенном проглядывают такие привлекательные черты личности революционера по призванию и убеждению Х.Г.Раковского, которые импонировали очень многим борцам за новый мир, в каком бы лагере они ни пребывали, каких бы ориентаций ни придерживались. Он без каких-либо специальных усилий умел очаровывать людей, вызывать их доверие и обращать все это на пользу делу.

Свое абсолютно блестящее проявление это нашло в политических событиях в Украине в 1919–1920 гг.

На первомайской демонстрации.
Киев, 1919 г.

К сожалению, по отношению к ним в историографии нагромоздилась масса несправедливых, надуманных суждений, откровенных измышлений. Речь, прежде всего, об очередном направлении Х.Г.Раковского в УССР в январе 1919 г. Во главу угла тут ставится то, что на руководящий (по тогдашней практической градации первый, по аналогии с РСФСР) пост направлялся даже не «малорос» (В.П.Затонский, Н.А.Скрыпник), а человек-«чужак», в жилах которого не текло ни капли украинской крови, сам он не знал украинского языка, традиций, культуры и, дескать, потому мог быть очень удобным орудием – «агентом» Москвы в манипуляции местным населением, подчинении себе Украины, получения с нее хлеба и угля. Незнание украинского языка, использование в общении русского языка многие поборники украинизации считали противоестественным и предосудительным [25, с.542; 35, с.77, 84; 36, с.56; 39, с.291].

По существу несколько смягченной разновидностью такого рода схемы являются и подобные утверждения: «Х.Раковский был политическим деятелем европейского масштаба, однако не имел корней в Украине и полностью зависел от Москвы. Он устраивал В.И.Ленина на должности руководителя партийно-советских властных структур самой большой национальной республики» [51, с.349].

Свою «лепту» в объяснение причин появления Х.Г.Раковского в УССР, как всегда, вносят авторы, везде усматривающие «масонский след». Тут уже речь о более крупных замыслах: с помощью подобных кадровых перемещений «ненавистники России старались всеми силами вбить клин между Русью Белой, Малой и Великой, сделать народы, населяющие эти территории, не братскими, а вражескими» [13, с.371; 20, с.217].

Удивительно, что все сторонники вышеупомянутых соображений игнорируют очень хорошо известные факты, многократно воспроизведенные в историографии, свидетельствующие о том, что вовсе не Москва, не ЦК РКП(б), не В.И.Ленин были инициаторами направления революционера-интернационалиста в Украину. Тем более что его якобы насильно, искусственно «навязали», «насадили» республиканским структурам [15, с.16–21; 37, с.10–15; 21, с.263–271].

Когда конфликт между «левыми» и «правыми» в КП(б)У достиг апогея сторонники правых во главе с Ф.А.Сергеевым (Артемом), получившие преобладание в ЦК КП(б)У на II съезде партии в октябре 1918 г., ни за что не могли смириться с тем, что во главе Временного рабоче-крестьянского правительства Украины оказался «левый» (Г.Л.Пятаков), и завязавшаяся интрига с приблизительно равной расстановкой сил быстрыми темпами перерастала в острейший политический кризис, обе (! – В.С.) соперничающие стороны обратились в ЦК РКП(б), к В.И.Ленину с одинаковой просьбой – помочь уладить конфликт, чему в наибольшей мере мог способствовать авторитетный для обеих сторон Х.Г.Раковский [31, с.267–268]. Последний прямо писал о том, что он был вызван в Украину ЦК КП(б)У [9, с.617].

Логика была простой: нейтральный, не ангажированный ни в одну фракцию, группу, одновременно политически эрудированный, достаточно опытный, обладающий чувством дипломатического такта, лучше других центральных фигур знакомый с развитием событий в Украине в

последние месяцы, – именно такой человек был востребован экстремальными обстоятельствами.

Факты свидетельствуют, что в Москве с такой логикой быстро согласились. 10 января 1919 г. на заседании ЦК РКП(б) было принято решение удовлетворить «просьбу украинских товарищей отправить т. Раковского на Украину с тем, что он войдет в правительство Украины как председатель» [5, с.435].

Однако В.И.Ленин некоторое время выжидал, явно не торопил события. Взяв паузу, очевидно, еще и еще не раз все внимательно взвешивал. Наконец 19 января он пригласил на беседу Х.Г.Раковского [5, с.444], в ходе которой уже последний высказал беспокойство по поводу того, не будет ли негативных последствий, если правительство Украины возглавит не украинец, а болгарин. «Помню, я начал и кончил свой разговор указанием на то, – вспоминал он сам, – что я неукраинского происхождения, что может затруднить для меня мою задачу. Ильич отделался шутовым вопросом: не могу ли я отыскать среди своих бабушек украинку, чтобы установить таким образом мою украинскую родословную...» [19, с.5].

Конечно, на самом деле было далеко не до шуток. Слишком высокой оказалась политическая ставка. И болгарский интернационалист ее с честью оправдал. Приложив максимум усилий, житейской мудрости, национального такта, интеллигентской выдержки, терпения и целеустремленности, достиг просто-таки блестящего результата. Конечно, не сразу (взрывы эмоций дали себя в полной мере знать во время работы III съезда КП(б)У и III съезда Советов Украины в начале марта 1919 г.). Тем не менее, сконцентрировав внимание на основополагающих задачах момента и применив расчетливую, принципиальную тактику, Х.Г.Раковский сумел снять напряжение, побороть субъективизм, личные амбиции коллег, соединить, сплавить воедино устремления, волю, силы партийцев. Внешне это представляется чем-то простым, бесконфликтным, естественным. Однако, на самом деле, надо признать: решение такой задачи в сложнейшей обстановке и в сравнительно короткое время было по плечу далеко не каждому политику [32, с.171–172; 46, с.27–35].

Члены Совета обороны УССР.
Раковский, Бубнов, Петровский, Йоффе, Ворошилов. Чернигов, 1919 г.

Есть в лагере критиков Х.Г.Раковского и те, кто под давлением непрекращаемых фактов даже в условиях вынужденного отступления со своих позиций пытается найти любую зацепку, чтобы только доказать противоестественность приглашения партийно-советским руководством УССР болгарина на ключевой государственный и партийный пост: дескать, украинскими лидерами была допущена серьезная ошибка. Приверженцу мировой революции, дескать, были чужды глубинные национальные интересы жителей управляемого региона.

Особый подтекст вкладывает в оценку назначения главой правительства Украины О.Субтельный, подчеркивая, что это был «русифицированный болгарский румын Христиан Раковский» [47, с.449].

И тут есть, что возразить по существу. Хотя было бы неоправданно считать, что подлинный интернационалист – а таким и являлся прежде всего Х.Г.Раковский – способен отдать приоритет национальным ценностям, вряд ли стоит абсолютизировать его изначальную принципиальную позицию и считать ее неизменной на все случаи жизни. Во всяком случае, полагать априори, что никакие подвижки, комбинации тут невозможны, также неверно. Это противоречит элементарным представлениям о диалектическом развитии прагматичного политика, с необходимостью реагирующего на конкретно-исторические обстоятельства.

Конечно, Х.Г.Раковский в условиях мощнейшей социальной бури и революционного натиска считал, подобно многим коллегам, что разрешение национального вопроса, прогресс в национально-государственном созидании, любом ином сегменте национальной жизни в решающей степени зависит от завоевания власти пролетариатом. В этом отношении он в тот момент был близок к позиции наркома по делам национальностей РСФСР И.В.Сталина, который свою главную миссию усматривал в установлении Советской власти в каждом национальном регионе. Это было главное условие, предопределявшее осуществление справедливой национальной политики, открывавшей перспективы полнокровного развития любой этнической группы, любого региона [33, с.373–386; 46, с.257–302; 53].

**Сделать правильные
выводы из ошибок**

Однако в 1919 г. в Украине, как известно и широко отражено в историографии, было допущено немало весьма серьезных просчетов и ошибок [6, с.37]. И было бы абсурдно

стремиться доказывать, что первое официальное лицо в Украинской ССР к ним было непричастно или искать возможность каким бы то ни было способом приуменьшить пагубные последствия некоторых направлений при осуществлении правительственного курса, снять претензии к тому, чем с моральной точки зрения пренебрегать нельзя [52, с.33–34].

Особенно опасными были недостатки проводившейся политики в национальном и земельном вопросах, что наряду с необходимостью жесткого объективного анализа войны с деникинщиной, причин активизации повстанческого движения не могло не вызывать озабоченности и тревоги у такой общественно ответственной, критически мыслящей, реалистичной личности, каким был Х.Г.Раковский.

К его чести, он не отделял себя не только от несомненных положительных подвижек и достижений, но, в равной мере, и от допускаявшихся упущений, неправильных решений, которые усугубили проблемы, не стремился оправдаться за негативные результаты политики, проводившейся в республике под его руководством. Он не боялся личной ответственности и не шадил своего самолюбия. Но – самое главное – он делал выводы из допускаявшихся ошибок или неточных суждений в пуб-

личных выступлениях, в том числе и печатных, преодолевая первоначальную «люксембургскую» недооценку национального вопроса в целом, остроту и специфику языковой политики в Украине, сомнения относительно закорененности национального сознания в крестьянской массе, слабое противодействие проявлениям русотияства и др. Он довольно оперативно эволюционировал сам и весьма эффективно влиял на динамику поиска правильных решений, своевременную корреляцию подходов к непростым жизненным коллизиям. И не кто иной, а именно председатель украинского советского правительства, явился ключевой фигурой в процессе довольно существенной коррекции линии Советской власти и в аграрном, и в национальном вопросах, ее применения конкретно к украинским условиям.

Проведенный весьма компетентными специалистами скрупулезный анализ писем, обращений в ЦК РКП(б) с конкретными предложениями Х.Г.Раковского и итогового исторически этапного документа – резолюции VIII конференции РКП(б) «О Советской власти на Украине» (2 декабря 1919 г.) позволяет заключить, что в основу важнейших решений были положены идеи, соображения главы Совнаркома Украины, в частности содержащиеся в направленных им в ноябре В.И.Ленину «Тезисах по украинскому вопросу», а также других документах. Впрочем, этим лишний раз было подтверждено то, что в свое время высказывал и сам Х.Г.Раковский [3, с.233–234; 37, с.54–63, 93–94]. Справедливости ради, следует заметить, что, доверяя ему, В.И.Ленин нередко прибегал к

Группа руководителей партии и правительства республики, 1919 г.

выяснению мнения Х.Г.Раковского по наиболее сложным, серьезным вопросам текущего момента. Затем, тщательно «переварив», использовал в обосновании принципиально важных, стратегических предложений, рекомендаций, таких, к примеру, как содержащиеся в «Письме к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным» [14, с.151–159; 55, с.106–108].

В документах наибольшего политического значения четко, категорично заявлялось:

«1. Неуклонно проводя принцип самоопределения наций, ЦК считает необходимым еще раз подтвердить, что РКП стоит на точке зрения признания самостоятельности УССР.

2. Считаю бесспорной для всякого коммуниста и для всякого сознательного рабочего необходимость теснейшего союза для всех Советских республик в их борьбе с грозными силами всемирного империализма, РКП стоит на той позиции, что определение форм этого союза будет окончательно решено самими украинскими рабочими и трудящимися крестьянами» [12].

Очень детально, взвешенно, можно сказать теоретически безупречно, были выписаны, директивно определены принципы осуществления языковой политики в регионе, приобретшие к тому моменту немалую остроту и послужившие причиной небезобидных обвинений Советской власти, различных спекуляций. «Ввиду того, что украинская культура (язык, школа и т. д.) в течение веков подавлялась царизмом и эксплуататорскими классами России, ЦК РКП вменяет в обязанность всем членам партии всеми средствами содействовать устранению всех препятствий к свободному развитию украинского языка и культуры, – твердо, категорически заявлялось в резолюции ЦК РКП(б) «О Советской власти на Украине». – Поскольку на почве многовекового угнетения в среде отсталой части украинских масс наблюдаются националистические тенденции, члены РКП обязаны относиться к ним с величайшей терпимостью и осторожностью, противопоставляя им слово товарищеского разъяснения тождественности интересов трудящихся масс Украины и России. Члены РКП на территории Украины должны на деле проводить право трудящихся масс учиться и объясняться во всех советских учреждениях на родном языке, всячески противодействуя попыткам искусственными средствами оттеснить украинский язык на второй план, стремясь, наоборот, превратить украинский язык в орудие коммунистического просвещения трудо-

вых масс. Немедленно же должны быть приняты меры, чтобы во всех советских учреждениях имелось достаточное количество служащих, владеющих украинским языком, и чтобы в дальнейшем все служащие умели объясняться на украинском языке» [14, с.334–335].

Конечно же, чрезвычайно важным было то, что взгляды, позицию Х.Г.Раковского, как политически, жизненно обоснованные, перспективные, принципиально поддерживал В.И.Ленин. А проведению выверенной линии в жизнь существенно помогала ленинская критика поведения выразителей несостоятельных, сомнительных воззрений [14, с.370–371].

(Окончание следует)

Библиографический список

1. Арутюнов А. Феномен Владимира Ульянова (Ленина). М., 1992. 480 с.
2. Атанасова Петра. Крыстю Раковский. 1873–1941. Страницы жизни выдающегося болгарского революционера – интернационалиста. София, 1988. 26 с.
3. В.И.Ленин об украинском вопросе. К., 2010. 296 с.
4. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т.5. М. 1974. 740 с.
5. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т.6. М. 1975. 666 с.
6. Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. М., 2008. 96 с.
7. Дамаскин И.А. Вожди и разведка. От Ленина до Путина (тайны советской эпохи). М., 2008. 352 с.
8. Деникин А.И. Гетманство и Директория на Украине // Революция на Украине по мемуарам белых. М.-Л., 1930. С.136–185.
9. Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. 832 с.
10. Дьяков Ю.Л. Идеология большевизма и реальный социализм. Москва, Тула, 2008. 388 с.
11. Зарубин А.Г. К вопросу о крымско-украинских отношениях периода гражданской войны // «Клио». Спб., 1998. №2. С.210–220.
12. Известия ЦК РКП(б). 1919, 2 декабря.
13. Кузьмин Н. Возмездие. К., 2005. 632 с.
14. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.39. М., 1970. 624 с.
15. Мельниченко В. Христиан Раковский. Неизвестные страницы жизни и деятельности. К., 1992. 159 с.

16. Папиев Н. Наследник бунтарей (Х.Г.Раковский) // Возвращенные имена. Сборник публицистических статей в 2-х кн.: Кн. II. М., 1989. С.79–98.
17. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. 872 с.
18. Пученков А.С. Украина и Крым в 1917–1919 гг. СПб., 2012. 352 с.
19. Раковский Х. Ильич и Украина // Летопись революции. 1925. №2. С.5–10.
20. Сенченко Н.И. Невидимый заговор против человечества. К., 2007. С.215–266.
21. Солдатенко В.Ф. Георгий Пятаков: оппонент Ленина, соперник Сталина. М., 2018. 424 с.
22. Сорокин А.К. К вопросу о формировании украинской государственности в 1917–1920 гг. // Проблемы истории Новороссии. М., 2015. С.143–155.
23. Стариков Н. Предисловие. Сталинские процессы – одна из главных исторических тайн // Судебный отчет по делу антисоветского право-троцкистского блока. СПб., 2015. С.7–12.
24. Винниченко В. Відродження нації. К.-Відень, 1920. Ч.3. 535 с.
25. Винниченко В. Відродження нації. Заповіт борцям за визволення. К., 2008. 800 с.
26. Волковинський В.М., Кульчицький С.В. Християн Раковський. Політичний портрет. К., 1990. 266 с.
27. Ганжа О. Кримське питання в політиці урядів України (I половина XX століття) // Крим в історичних реаліях України. Матеріали наукової конференції «Крим в історичних реаліях України: До 50-річчя входження Криму до складу УРСР». К., 2004. С.150–167.
28. Головченко В., Матвієнко В., Солдатенко В. Дипломатична історія України (кінець XIX – перша чверть XX століття). К., 2011. 527 с.
29. Дацків І.Б. Дипломатичні зносини між Українською Державою і радянською Росією у 1918 році // Проблеми вивчення історії Української революції 1917–1921 рр. Випуск 3. К., 2008. С.112–122.
30. *Дорошенко Д.* Історія України. 1917–1923. Т.2. Українська Гетьманська Держава 1918 р. Ужгород, 1932. 424 с.
31. Енциклопедія історії України. Т.9. 2012. 944 с.
32. Затонський В.П. Із спогадів про Українську революцію // Літопис революції. – 1930. №5 (44). С.140–172.
33. Історія Української РСР. У 8-ми т., десяти кн.: Т.5. К., 1977. 592 с.
34. Лупандін О.І. Проблеми Кримської автономії у зовнішній політиці Української Держави. 1918 р. // Проблеми вивчення історії Української революції 1917–1921 рр. Випуск 3. К., 2008. С.134–146.
35. Мазлах С., *Шах-рай В.* До хвилі (Що діється на Україні і з Україною). Саратов, 1919. 101 с.
36. Майстренко І. Історія мого покоління. Спогади учасника революційних подій на Україні. Едмонтон, 1985. 416 с.
37. Мельниченко В. Нескорений. Науково-художня книга про Християна Раковського. К., 1990. 216 с.

ХРИСТИАН РАКОВСКИЙ В РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ В УКРАИНЕ

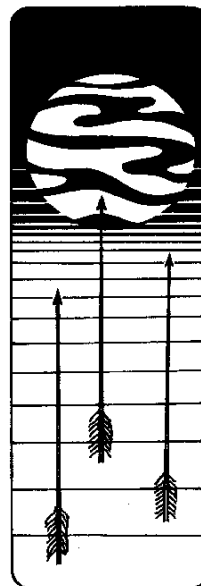
38. Мирні переговори між Українською Державою та РСФСР 1918 р. Протоколи і стенограми пленарних засідань. Збірник документів і матеріалів. Київ, Нью-Йорк, Філадельфія, 1999. 370 с.
39. Нагаєвський І. Історія Української держави двадцятого століття. К., 1993. 413 с.
40. Політбюро ЦК Компартії України: історія, особи, стосунки (1918–1991). К., 2015. 368 с.
41. Політична історія України. XX століття. У шести т. Т.3. Утвердження радянського ладу в Україні (1921–1938). К., 2003. 448 с.
42. Скоропадський П. Спогади. Кінець 1917 – грудень 1918. К.–Філадельфія, 1995. 492 с.
43. Солдатенко В.Ф. «Виглянецьований європєць» (Християн Георгійович Раковський) // Проект «Україна» 1917–1920 рр. Постаті. Харків, 2011. С.357–370.
44. Солдатенко В.Ф. До конфлікту Раднаркому Росії з Українською Центральною Радою (особистісний зріз) // Події і особистості революційної доби. К., 2003. С.75–108.
45. Солдатенко В.Ф. Зовнішньополітичний курс гетьманської держави Павла Скоропадського // Україна дипломатична. Науковий щорічник. Випуск четвертий. К., 2004. С.336–354.
46. Солдатенко В.Ф. Україна в революційну добу. Історичні есе-хроніки. У 4-х т.: Т.ІІІ: Рік 1919. К., 2010. 453 с.
47. Субтельний О. Україна. Історія. Видання третє, перероблене і доповнене. К., 1993. 512 с.
48. Україна: політична історія. XX – початок ХХІ ст. К., 2007. 800 с.
49. Українська Дипломатична Енциклопедія. У 2-х т.: Т.2. К., 2004. 812 с.
50. Українська Дипломатична Енциклопедія. У 5-ти т.: Т.ІV. Харків, 2013. 469 с.
51. Уряди України у ХХ ст. Науково-документальне видання. К., 2001. 608 с.
52. Фролов М.О. Компартійно-радянська еліта в Україні: особливості існування та функціонування в 1923–1920 рр. К., 2004. 800 с.
53. Хміль І. В. Під гаслом комуни (Аграрна політика РКП(б) у 1919 році). К., 2002. 117 с.
54. Юридична енциклопедія. Т.5. К., 2003. 736 с.
55. Як готувалася резолюція ЦК РКП(б) «Про Радянську владу на Україні»? // Сто-рінки історії Компартії України: Запитання і відповіді. К., 1990. С.106–108.

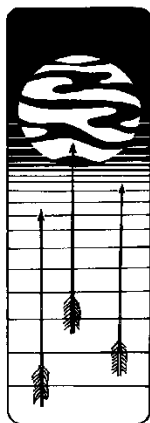
Более чем полуторавековое изучение «Слова» и всей древней русской литературы, в которой были открыты после Пушкина многие новые памятники, позволяют нам согласиться с тем, что было в свое время сказано Б.Д.Грековым: «Волнующая красота и удивляющая глубина «Слова» – не чудо, а закономерность».

Д.С.Лихачев

Давно обращала на себя внимание жанровая одинокость «Слова» среди памятников древнерусской литературы. Ни одна из гипотез, как бы она ни казалась убедительной, не привела полных аналогий жанру «Слова». Если «Слово» – светское ораторское произведение XII в., то других светских ораторских произведений XII в. пока еще не обнаружено. Если «Слово» – былина XII в., то и былин от этого времени до нас не дошло. Если это воинская повесть, то такого рода воинских повестей мы также не знаем.

Д.С.Лихачев

УДК
398.1

Андрей Ранчин

ОБРАЗЫ ИГОРЯ И КОНЧАКА В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»: СТРУКТУРА ТЕКСТА И ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТЫ

ПУТИ ДУХОВНЫХ ИСКАНИИ

В статье рассматривается одно из различий «Слова о полку Игореве» и киевской летописной повести: в «Слове» главным противником Игоря представлен не хан Гзак, как в летописи и, очевидно, в реальности, а хан Кончак. Показано, что такая замена связана со стремлением автора «песни» обратить поражение Игоря в символическую победу. Если в части «Слова» до пленения новгород-северского князя используется код героического эпоса, то после поражения Игоря это код волшебной сказки: Игорь словно бы был убит в бою, он как бы возвращается из царства мертвых, посрамив Кончака, взявшего его в плен, а Игорев сын Владимир уводит от Кончака его дочь. В отличие от летописной повести, фиксирующей исторические факты, «Слово о полку Игореве» их преобразует в соответствии с принципами мифопоэтики. Независимо от того, являлось ли изначально «Слово о полку Игореве» памятником устной словесности или было создано в письменной форме, это авторский текст, оригинально переосмысляющий фольклорные традиции.

The author considers one of differences between "The Lay of Igor's Campaign" and the Kievan annalistic story; "the Lay" presents Khan Konchak as Igor's main opponent while the Chronicle presents Khan Gzak in the same role (and obviously in reality it was Khan Gzak) was Igor's opponent and this fact is recorded in the Chronicle). The author demonstrates that the substitution is connected with the "Lay"s author strove to transform Igor's failure into symbolic victory. If in the part of "The Lay" that is devoted to events preceding Igor's defeat and captivity the code of the heroic code is used, then in the subsequent part that relates event upon that the code of fairy tale is used, as if Igor was killed in the battle and if he resurrected from the dead's domain thus putting Konchack who captured Igor to shame while Vladimir, son to Igor, walks Konchack' daughter from her father. In contrast to the annalistic story that recorded historical facts "The Lay of Igor's Campaign" redefines the facts pursuant to principles of mythopoetics. Irrespective of the fact whether "The Lay of Igor's Campaign" originally was a monument of oral literature or it was created in the written form, it is the author's text, and the author has given the new meaning to the folklore traditions.

Ключевые слова: «Слово о полку Игореве»; киевская летописная повесть; исторический факт; жанр; код; героический эпос; волшебная сказка; мифопоэтика.

Key words: "The Lay of Igor's Campaign"; the Kievan annalistic story; historical fact; genre; code; heroic epic; fairy tale; mythopoetic.

E-mail: aranchin@mail.ru

Неудачный поход новгород-северского князя Игоря Святославича на половцев отражен, как известно, в трех современных ему текстах: в «Слове о полку Игореве»¹ и в двух летописных повестях, одна из которых содержится в Суздальском своде, сохранившемся в составе Лаврентьевской летописи и близких ей, а другая находится в Киевском своде, сохранившемся в составе списков Ипатьевской летописи.² При этом между «песнью» об Игоре-вом походе и киевской повестью, в которой в отличие от суздальской поход и сражение детально описаны весьма информированным книжником, есть одно разительное различие. Автор «Слова» главным соперником русского князя представляет половецкого хана Кончака. Кончак направляет войско другого хана, Гзака (Гзы), навстречу русским: «Гзакъ бѣжить сѣрымъ влъкомъ, Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону Великому» [8, с.11]³; обращаясь к Ярославу Осмомыслу Галицкому, автор призывает его стрелять именно в Кончака: «Стрѣляй, господине, Кончака, поганого кощея» [8, с.30]. В эпизоде диалога Игоря с рекой Донцом новгород-северскому властителю противопоставлен хан Кончак: «Донецъ рече: "Княже Игорю! Не мало ти величія, а Кончаку нелюбія... "» [8, с.41]. И лишь при последнем упоминании, в разговоре во время преследования бежавшего Игоря, роль Гзака, как более мудрого и проникательного, выглядит более значительной; впрочем, в этой беседе в иносказательной форме упоминается женитьба Игорева сына Владимира на Кончаковне и возвращение русского князя с молодой женой на родину; таким образом, и здесь Кончак предстает главным противником Игоря, посрамленным «потерей» дочери.

Между тем из киевской летописной повести безусловно следует, что, отправляясь в поход, Игорь собирался нападать отнюдь не на Кончака. Как заметил историк А.А.Горский, Игорь, «по-видимому, рассчитывал, что Кончак, занятый борьбой с русскими князьями в Поднепровье, не станет вмешиваться в события. Целью похода Игоря были, очевидно,

¹ Датировку «Слова» XII веком я принимаю не как данность, а как гипотезу.

² Текст повести, видимо, восходит к черниговскому летописцу самого Игоря Святославича; см. [22, с.49–51; 11, с.145–175].

³ Ср. объяснительный перевод Д.С.Лихачева: «а Кончак [впереди] ему след правит [указывает следом своего войска путь] к Дону великому [навстречу Игорю]» [30, с.80]; ср.: «Слѣдъ правити – указывать дорогу, направление кому-л.» [29, с.162]. Текст «Слова» цитируется по первому изданию с сохранением особенностей его орфографии и пунктуации; конъектуры, в том числе в случаях неверного деления на слова, не используются, за исключением одного специально оговоренного примера.

кочевья Гзы или других, менее значительных половецких предводителей, кочевавших на левобережье Северского Донца. Но Кончак выступил в союзе с ними, и это резко изменило соотношение сил» [5, с.20]. Тем не менее после пленения новгород-северского князя Кончак, как свидетельствует повесть из Ипатьевской летописи, «делал все возможное, чтобы облегчить положение Игоря» [5, с.20]. Как свидетельствует летопись, «тогда же на польчи Кончакъ поручиса . по свата Игоря . зане башеть ранень» [21, стб. 644], то есть, как поясняет А.А.Горский, «хан взял Игоря под свое покровительство» [5, с.20]. В плену Игорь пользовался относительной свободой (мог ездить на охоту), условия его пребывания у половцев были нестеснительными и почетными. Именование Игоря «сватом» указывает на то, что русский князь и половецкий хан еще до разгоревшейся войны заключили помолвку между своими детьми и этот союз не был расторгнут даже после военного столкновения, в которое оказались вовлечены отцы жениха и невесты.

Не менее показательным, что, согласно известиям киевской летописной повести, в отличие от Гзака Кончак после победы над русскими не напал на оказавшуюся незащищенной Северскую землю, «не проявил никакого желания наносить удар по владениям своего пленника и предложил отправиться походом в сторону Киева» [5, с.20–21]. Хан осадил Переяславль – город, где правил недоброжелатель Игоря князь Владимир Глебович.

К летописным свидетельствам, убедительно истолкованным А.А.Горским, нужно добавить еще одно известие киевской повести, также доказывающее, что новгород-северский правитель не намеревался воевать с Кончаком. Получив перед решающей битвой сведения о подходе половецкой рати, Игорь говорит: «се вѣдаюче собрахомъ на ся землю всю Кончака и Козоу . Боурновича . и Токсобича Колобича . и Етебича . и Терьтробича» [21, стб., 641]. Таким образом, появление на поле брани Кончака, как и ряда других, но менее влиятельных половецких правителей, оказывается для русского князя совершенной неожиданностью – в отличие от подхода орды Гзака. Нет никаких оснований полагать, что новгород-северский князь шел походом на Кончака, как считает биограф Игоря Святославича С.В.Алексеев⁴.

Так почему же в «Слове о полку Игореве» не Гзак, а Кончак превращен в главного врага новгород-северского властителя? На мой взгляд, эта метаморфоза исторического факта объясняется тем, что автор «пес-

---

⁴ См. [2, с.260].

ОБРАЗЫ ИГОРЯ И КОНЧАКА В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

ни» стремился представить тяжкое поражение Игоря его конечной победой и описал лишь поход и битву в героическом эпическом коде, а последующие судьбы героев «Слова» – в коде волшебной сказки. А из половецких ханов-противников Игоря антагонисту главного сказочного персонажа функционально мог соответствовать лишь Кончак, но никак не Гзак.

Образ князя Игоря в части «песни» от выступления Игоря в поход до решающей битвы со степняками соотносится прежде всего с образами персонажей героического эпоса. Автор обозначает тему своего творения как повествование о героической борьбе храброго новгород-северского князя с внешними врагами: «Почнемъ же, братіе, повѣсть сию отъ старого Владимира до нынѣшняго Игоря; иже истягну умь крѣпостію своею, и поостри сердца своего мужествомъ, наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю Половѣцькую за землю Руськую» [8, с.5]⁵. Герой «Слова» пренебрегает предостерегающим знамением – солнечным затмением, гордо и смело заявляя о готовности рискнуть своей жизнью ради славы: «Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты, и рече Игорь къ дружинѣ своей: братіе и дружино! Луцежъ бы потяту быти, неже полонену быти: а всядемъ, братіе, на свои бръзья комони, да позримъ синего Дону. Спала Князю умь похоти, и жалость ему знаменіе заступи, искусити Дону великаго. Хошу бо, рече, копіе преломити конецъ поля Половецкаго, съ вами Русици, хошу главу свою приложити, а любо испити шеломом Дону» [8, с.5–6].

Пренебрежение предостерегающими приметами или наставлениями – черта, характерная для персонажей героического эпоса. Так ведут себя, например, богатыри в былинах. Правда, в этих фольклорных произведениях «всевозможные *грозные предвестия, предсказания и предупреждения*, которыми так часто открываются былины, служат <...> эстетической задаче подготовки неожиданности» – то есть победы героя [28, с.54]⁶; в «Слове» же Игоря ждет поражение. Однако безрассудство отнюдь не противоречит героическим свойствам эпического персонажа. Достаточно вспомнить заглавного героя старофранцузской «Песни о

⁵ Попытка итальянского ученого Р.Пиккио трактовать выражения «истягну умь крѣпостію своею, и поостри сердца своего мужествомъ» не как героические формулы, а как навеянные Библией выражения, обозначающие гордыню и самонадеянность героя (см. [19]), не выдерживает критики. См. об этом [26, с.418–423]; см. также [32, с.91–92, 101–102].

⁶ Выделения здесь и далее принадлежат авторам цитируемых текстов.

Роланде», пренебрегающего советами друга Оливье позвать на помощь императора Карла и обрекающего на гибель себя и свой отряд из-за нежелания позволить усомниться в собственной храбрости. Поражение в бою само по себе также нимало не умаляет героической природы эпических персонажей: Роланд виновен в гибели французского арьергарда, но все равно возвеличен как непревзойденный храбрец, так же достойны восхищения своей смелостью герой «Песни о Нибелунгах» Хаген и его соратники, гибнущие в неравной борьбе с гуннами. (Коварное убийство Зигфрида, некогда им совершенное, не отменяет его достоинств храбреца.) Как отметил С.Боура, «великие герои всегда знают о предначертанности своего пути. Им известно, что жизнь их может быть недолгой, но именно это и становится в дальнейшем побудительным мотивом для того, чтобы наполнить ее действием и славой» [3, с.174]. Идеальный образец – гомеровский Ахилл: «Сознавая, что его жизнь коротка, Ахилл ведет себя еще более активно, еще более героично. В этом он оказывается самым типичным из всех обреченных героев, чья недолгая, наполненная событиями жизнь становится воплощением рвения и пыла героической души» [3, с.174]. А по характеристике Дж. Кэмпбелла, «герой – это человек, который добровольно смирился со своей судьбой» [10, с.19].

В «Слове» теми же достоинствами, что и Игорь, наделен его брат Всеволод и его воины: «И рече ему Буй Турь Всеволодъ: одинь братъ, одинь свѣтъ свѣтлый ты, Игорю, оба есѣ Святъславлича; сѣдлай, брате, свои брѣзьи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска на переди. А мои ти Куряни свѣдоми къ мети (принятая конъектура: свѣдоми къмети. – *A.P.*), подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяны, конецъ копия въскрѣмлени, пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени, сами скачють акы сѣры влъци въ полѣ, ищучи себе чти, а Князю славѣ» [8, с.7–8]. На поле Всеволод Святославич проявляет исключительные силу и мужество, в опьянении боем забывая о милой жене.

В символическом коде Игоревой «песни» поражение русского войска и пленение князей-участников похода представлены как смерть – итог, достойный эпического героя. В одном из описаний так сообщается об этом печальном событии: «темно бо бѣ въ 3 день: два солнца помѣркоста, оба багряная стлѣпа погасоста и съ нимъ молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ, тъмою ся поволокоста» [8, с.25]. Метафоры *князья*

ОБРАЗЫ ИГОРЯ И КОНЧАКА В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

– погасшие солнца и месяцы и поражение как затмение (гибель) солнца и наступление темноты, конечно, означают смерть.⁷

Однако эта соотнесенность судьбы Игоря с героической гибелью эпического персонажа воплощена только в символическом плане: фактически злосчастный новгород-северский князь не пал смертью храбрых, а был пленен – вопреки собственным горделивым словам о предпочтительности гибели плену.

Это противоречие настолько разительно, что известный историк Б.А.Рыбаков даже посчитал «Слово»... памфлетом, направленным против Игоря⁸. Трактовка эта совершенно несостоятельна: автор несомненно сочувствует князю Игорю, восторгом проникнуто описание трофеев, захваченных Игоревым войском после первого, победоносного для русских сражения с половцами, вторая битва изображается как исключительная по ожесточенности, и русские князья проявляют в ней подлинное мужество, в конце «песни» провозглашается здравица князьям – участникам похода, возвеличивается их война против Степи как защита христианского народа: «Пѣвшѣ пѣснь старымъ Княземъ, а по томъ молодымъ. Пѣти слава Игорю Святъславлича, Буй туру Всеволодѣ, Владиміру Игоревичу. Здрави Князи и дружина, побарая за христьяны на поганья плъки! Княземъ слава а дружинѣ» [8, с.46]. Эту здравицу еще можно было бы признать позднейшей припиской, меняющей отношение к Игорю в «Слове» (хотя неясно, зачем нужно было превращать «памфлет» в произведение с чертами апологии и даже панегирика, а не создавать новое). Однако симпатией к виноватому, но храброму князю проникнут весь текст «песни».

Д.С.Бисти. «Слово о полку Игореве»

⁷ Ср. затмение солнца в момент смерти Христа в евангельском сюжете или, например, реплику митрополита Кирилла, сравнивающего смерть князя Александра с заходом солнца (*Житие Александра Невского*).

⁸ См. [27]. Сходная и также совершенно не соответствующая данным текста трактовка принадлежит В.И.Абаеву; см. [1].

Непохожесть сюжета «Слова» на инвариантный сюжет героического эпоса точно описал Б.М.Гаспаров: «...В "Слове" возвращение Игоря из плена ничего не меняет в совершившемся факте поражения русского войска, и ожидающая его встреча имеет почти парадоксальный характер, если расценивать ее с точки зрения героико-эпического сюжета. Гибель героя, ведущая в конечном счете к победе, является одной из типичных моделей такого сюжета; однако всеобщее поражение, гибель и бедствия, из которых герой выходит целым и невредимым, – такой поворот событий выглядит более подходящим для авантюрной повести, чем для героико-эпического повествования» [4, с.458–459].

«Примирить» разгром русского войска и пленение Игоря с героизацией центрального персонажа помогает обращение к сюжетным мотивам волшебной сказки, которые отчетливо прослеживаются как раз вслед за двумя описаниями поражения новгород-северского князя: сначала от лица автора, потом в рассказе бояр Святослава Киевского. Поражение и пленение Игоря в сказочном коде «Слова» изображается как счастливое возвращение из царства смерти, как воскресение. (Тридцатое царство сказки, куда отправляется и откуда возвращается герой, – мир мертвых⁹, а пребывание Игоря в плену приравнено к временной смерти.) Игорь был пленником Кончака, и это обстоятельство побуждает автора вывести на первый план образ именно этого половецкого хана. Так неудача превращена в посрамление врага, удвоенное благодаря «похищению», уводу дочери Кончака сыном Игоря Владимиром, замещающим отца в роли сказочного героя, одолевающего противника и женящегося на его дочери. Женитьба Владимира на Кончаковне эквивалентна «похищению драгоценного дара» героем мифа и волшебной сказки; в качестве такого дара в мифах и сказках может выступать невеста¹⁰.

«Не поражение Игоря (поражение часто становилось темой эпического повествования, напомним в этой связи "Песнь о Роланде"), но его плен и, главное, бегство из плена <...> не укладывались в рамки героической песни. Использование же мотивов волшебной – "богатырской" – сказки позволило описать реальные события, не снижая уровня идеализации главного героя: автор "переключает" восприятие читателя с одной традиции изображения на другую», – так объясняет использование сюжетных мотивов волшебной сказки Н.С.Демкова [7, с.63–64], и с этим

---

⁹ См. об этом [23].

¹⁰ См. об этом у Дж.Кэмпбелла [10, с.199].

ОБРАЗЫ ИГОРЯ И КОНЧАКА В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

утверждением нужно согласиться, хотя мысль о несоответствии эпическому сюжету прежде всего мотива бегства, а не пленения и сближение «Слова» именно с богатырской сказкой представляются неоправданными. Но нельзя принять замечания исследовательницы, что сказочным по своему генезису является и мотив нарушения запрета Игорем, выезжающим в поход вопреки знамению – солнечному затмению¹¹. Если в волшебной сказке нарушение запрета является мотивировкой путешествия героя, но не первым событием в его странствии, то в «Слове» намерение выступить в поход предшествует затмению и пренебрежению этим знаком.

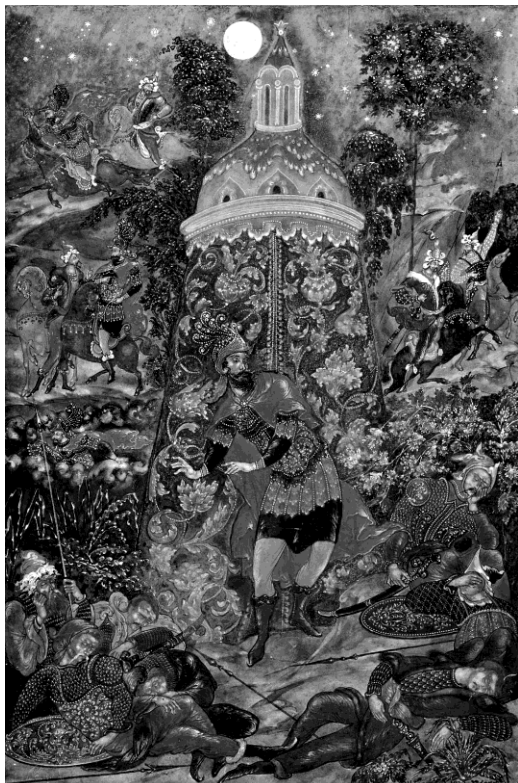
Н.К.Рерих. «Поход Игоря»

Н.С.Демкова справедливо отметила: «При внимательном рассмотрении текста "Слова" оказывается, что возвращение Игоря из половецкого плена описано в системе изображения волшебной сказки как возвращение из царства мертвых» [7, с.62]. Она также указала на сходство орнитоморфных метаморфоз Игоря с превращениями сказочного героя, описанными В.Я.Проппом, однако не развила свои наблюдения¹². Л.В.Сokolova пронзительно увидела в плаче Ярославны сказочный мотив воскрешения убитого героя с помощью мертвой и живой воды (в роли источника мертвой воды выступает река Каяла)¹³. Действительно, княгиня оплакивает мужа, словно мертвого, говорит о его ранах: «Ярослав-

¹¹ См. [7, с.63]. Н.С.Демкова ссылается на устное указание Т.В.Захаровой; см. [7, с.75, прим. 71].

¹² См. [7, с.62]. См. также [6].

¹³ См. [31].

И.И.Голиков. «Бегство Игоря из плена»

нынѣ гласъ слышитъ: зегзицю незнаемъ, рано кычеть: полечю, рече, зегзицю по Дунаеви; омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру Князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ» [8, с.37–38]. В действительности, по летописному свидетельству, Игорь получил лишь одно ранение в руку, видимо не тяжелое, если он мог продолжать сражение, находясь в плену, охотился и вскоре смог бежать на Русь.

Бегство Игоря из плена описывается с помощью метафор оборотничества: «Игорь Князь поскочи горнастаемъ къ тростію, и бѣлымъ гоголемъ на воду; вѣврѣжеса на брѣзъ комонь, и скочи съ него босымъ влъкомъ,

и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подѣ мѣглами избивая гуси и лебеди, завтраку, и обѣду и ужинѣ. Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влурѣ влъкомъ потече, труся собою студеную росу; претръгоста бо своя брѣзая комоня» [8, с.40–41].

В классификации, принадлежащей В.Я.Проппу, это функция XXII волшебной сказки – «Герой спасается от преследования» [23, с. 54], ее шестой вариант (Сп6): герой «с п а с а е т с я бегством с б ы с т р ы м п р е в р а щ е н и е м в животных, камни и пр. <...> (Сп6). Герой бежит в образе коня, ерша, кольца, зерна, сокола (249), существенным для этой формы является самое превращение» [23, с.54].

Цифра 249 в скобках – номер одного из вариантов сказки «Хитрая наука» из собрания А.Н.Афанасьева; в ней «колдун хлопнулся о сырую

ОБРАЗЫ ИГОРЯ И КОНЧАКА В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

землю, сделался серым волком и пустился в погоню: вот близко, вот нагонит! Конь прибежал к реке, ударился оземь, оборотился ершом и бултых в воду, а волк за ним щукою. Ерш бежал-бежал водою, добрался к плотам, где красные девицы белье моют, перекинулся золотым кольцом и подкатился купеческой дочери под ноги. Купеческая дочь подхватила колечко и спрятала. А колдун сделался по-прежнему человеком. "Отдай, – пристаает к ней, – мое золотое кольцо". – "Бери!" – говорит девица и бросила кольцо наземь. Как ударилось оно, в ту ж минуту рассыпалось мелкими зернами. Колдун обернулся петухом и бросился клевать; пока клевал – одно зерно обернулось ястребом, и плохо пришлось петуху: задрал его ястреб!» [18, с.228].

Текст №250 той же сказки: «Стал купец покупать перстень; взяла с него царевна целые десять тысяч и будто нечаянно уронила перстень на пол; рассыпался он мелким жемчугом, и прикатилось одно зерно прямо к ногам царевны. Она в ту ж минуту заступила его своим башмачком. А купец обернулся петухом и начал клевать жемчуг; поклевал все и говорит: "Ну, теперь погубил я своего супостата!" Царевна приподняла свою ножку: жемчужина обернулась ястребом, и разорвал ястреб петуха на две части. После того ударился о сырую землю и стал таким красавцем, что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать» [18, с.232].

От преследователей русского князя хранит река Донец: «Игорь рече, о Донче! не мало ти величїя, лелѣявшу Князя на вльнахъ, стлавшу ему зелѣну траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мъглами подъ сѣнію зелену древу; стрежаше е гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, Чрънядьми на ветрѣхъ» [8, с.41–42].

Эта речь князя Игоря отсылает к четвертому варианту функции XXII волшебной сказки (Сп4): «Герой во время бегства п р я ч е т с я (Сп4). Речка, яблоня, печь прячут девушку (113)» [23, с.54]. В скобках В.Я.Пропп приводит номер сказки «Гуси-лебеди» из собрания А.Н.Афанасьева. В ней так говорится о бегстве сестры с братом: «Увидела его сестра, подкралась, схватила и унесла; а гуси за нею в погоню летят; нагонят злодеи, куда деваться? Бежит молочная речка, кисельные берега. "Речка-матушка, спрячь меня!" – "Съешь моего киселика!" Нечего делать, съела. Речка ее посадила под бережок, гуси пролетели. Вышла она, сказала: "Спасибо!" и опять бежит с братцем; а гуси воротились, летят навстречу. Что делать? Беда! Стоит яблонь. "Яблонь, яблонь-матушка, спрячь меня!" – "Съешь мое лесное яблочко!" Поскорей съела. Яблонь ее заслонила веточками, прикрыла листиками; гуси про-

летели. Вышла и опять бежит с братцем, а гуси увидели – да за ней; совсем налетают, уж крыльями бьют, того и гляди – из рук вырвут! К счастью, на дороге печка. "Сударыня печка, спрячь меня!" – "Съешь моего ржаного пирожка!" Девушка поскорей пирожок в рот, а сама в печь, села в устье. Гуси полетали-полетали, покричали-покричали и ни с чем улетели. А она прибежала домой, да хорошо еще, что успела прибежать, а тут и отец и мать пришли» [17, с.148].

Донец в «Слове» напоминает эту сказочную речку с кисельными берегами.

В диалоге Гзака и Кончака, преследующих Игоря, содержится отсылка к сказочным мотивам (функциям) XX («Герой возвращается»), причем есть вариант «Иногда возвращение имеет характер бегства» [23, с.53] и XXXI («Герой вступает в брак и воцаряется (определение – свадьба)» [23, с.53]. Приведем полностью диалог ханов: «Мльвить Гзакъ Кончакови: аже соколь къ гнѣзду летить, – соколича рострѣляевѣ своими злачеными стрѣлами. Рече Кончакъ ко Гзѣ: аже соколь къ гнѣзду летить, а вѣ соколца опутаевѣ красною дѣвицею. И рече Гзакъ къ Кончакови: Аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице, то почнуть наю птици бити вѣ полѣ Половецкомъ» [8, с.43–44]. Владимир Игоревич, согласно известию Ипатьевской летописи, вернулся на Русь не только с женой Кончаковной, но и с малолетним ребенком¹⁴. Очевидно, уход из половецких кочевий не был бегством и произошел с дозволения Владимиров тестя – проехать долгий и опасный путь через степь с младенцем, не имея сменных лошадей, запаса еды и воды и вооруженного эскорта, было очень тяжело¹⁵. Однако в «Слове» историческая реальность трансформируется благодаря сказочному сюжетному коду: возвращение Владимира подано как бегство, наносящее урон чести отца молодой жены – Игореву антагониста Кончака.

Функции сказочного героя распределяются между Игорем и его сыном, а мотив возвращения дублируется: сначала из половецких кочевий тайно уходит Игорь, затем их покидает Владимир с Кончаковною, причем, как следует из реплики Гзака, отнюдь не по соизволению тестя – в

---

¹⁴ См. [21, стб. 659].

¹⁵ Игорь, из плена действительно бежавший, как сообщает летопись, потерял коня (видимо, загнал его) и последнюю часть пути до русских пределов – 11 дней – шел пешком; см. [21, стб. 651].

ОБРАЗЫ ИГОРЯ И КОНЧАКА В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

противном случае уход Владимира с женой не мог бы трактоваться как символическое поражение, нанесенное половцам.

В «Слове», на первый взгляд, нет такого элемента XXXI функции, как воцарение: о новом вокняжении Владимира, правившего в Путивле до похода, ничего не сообщается. Однако этот элемент функции XXXI отнесен к его отцу Игорю. «Слово», вопреки историческим фактам, описывает возвращение князя не в свой Новгород-Северский, а в Киев: «Игорь ѣдет по Боричеву къ Святѣй Богородици Пирогощей» [8, с.45]. Боричев взвоз – дорога, ведущая от Подола к верхней части Киева, Пирогощая – киевский храм. По сообщению летописи, Игорь действительно посетил Киев, нанеся визит великому князю Святославу Всеволодовичу, но уже после прихода в Новгород-Северский и поездки к черниговскому князю Ярославу Всеволодовичу¹⁶. В «Слове» о цели его прихода в Киев ничего не сообщается: получается, что Игорь едет в столицу Руси, словно в свой собственный город, как бы на вокняжение.

Каким же образом оказывается возможным органическое объединение в тексте Игорева «песни» совершенно разнородных сюжетных блоков героического эпоса и волшебной сказки? Оно осуществляется благодаря мифопоэтическому коду, главенствующему в структуре произведения¹⁷. Эпический персонаж генетически связан с мифологическим культурным героем, а в отличие от гибели персонажа эпоса «смерть культурного героя <...> часто мыслится как неокончательная, остается надежда на возвращение из царства мертвых, оживление в будущем» [16, с.228]. Возможность такого «оживления» героя после символической смерти автору «Слова» предоставляет волшебная сказка. Этот фольклорный жанр непосредственно восходит к мифу, представляя собой его профанную трансформацию, как независимо друг от друга показали В.Я.Пропп и Дж.Кэмпбелл¹⁸.

Правда, между героями мифов и волшебных сказок есть и существенная разница: «Обычно сказочный герой добивается локальной победы в пределах своего микрокосма, а герой мифа – победы всемирно-исторического, макрокосмического масштаба. В то время как герой сказки – младший или презираемый ребенок – обретает необычайные способности и одерживает победу над теми, кто его обижает, герой мифа в

¹⁶ См. [21, стб. 651].

¹⁷ Мифопоэтика «Слова», в частности мотив гибели/воскресения, блестяще проанализирована Б.М.Гаспаровым; см. [4].

¹⁸ См. [24; 10].

конце своего приключения добывает средство для возрождения всего своего общества в целом» [10, с.37]. Спасение князя Игоря из плена, возвращение его на Русь автор превращает из локального, частного события в явление, исполненное глубокого общественно-исторического и даже космического значения. В начале произведения описана тьма, обстающая русское войско, битва с половцами изображена как небывалое, исключительное событие: «То было въ ты рати, и въ ты плъкы, а сице и рати не слышано: съ зараніа до вечера, съ вечера до свѣта летять стрѣлы каленья; гримлють сабли о шеломы; трещать копіа харалужныя, въ полѣ незнаемѣ среди земли Половецкыи. Чръна земля подѣ копыты, костью была посѣяна, а кровію поляна; тугою въздыша по Руской земли» [8, с.18–19].

В.А.Фаворский. «Бой Игоря с половцами»

тѣлу, кромѣ головы: Руской земли безъ Игоря» [8, с.44]¹⁹. Возвращение же Игоря описано как прекращение хаоса и восстановление гармонии,

Поражение мыслится как подобие эсхатологической катастрофы, распространение тьмы и зла по земле: «На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла: по Руской земли прострошася Половци, аки пардуже гнѣздо» [8, с.25]. Пребывание Игоря истолковано как бедствие для всей Русской земли, как утрата ею своего властелина — «голова»: «тяжко ти голова, кромѣ плечю; зло ти

¹⁹ Некоторые исследователи считают, что в «Слове» выражение «Русская земля» употреблено в узком значении 'Южная Русь', встречающемся в памятниках середины – второй половины XII века. Это далеко не бесспорно, но и в таком случае поражение князя Игоря остается в древнерусской «песни» событием исключительным по своей значимости, грандиозным.

ОБРАЗЫ ИГОРЯ И КОНЧАКА В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

как дарование Русской земле радости и света: «Солнце свѣтитя на небесѣ, Игорь Князь въ Руской земли» [8, с.44]²⁰.

Проведенный анализ «Слова» позволяет сделать два важных вывода. Во-первых, благодаря работе мифопоэтических/символических кодов, с помощью которых организован текст произведения, исторические факты подвергаются в нем многообразным трансформациям и метаморфозам. Этот памятник ни в коей мере не является «протокольным» описанием исторических событий, и поэтому абсолютно бессмысленно, например, в упоминании о половцах, в страхе бросивших копья-сулицы перед Романом Волынским, видеть аллюзию на реальный поход этого князя на степняков и датировать произведение временем не раньше этого события. Еще опаснее реконструировать по глухим упоминаниям в «Слове» исторические факты, не отраженные ни в одном другом древнерусском тексте, – например, поход Всеслава Полоцкого на Тмуторокань. Установка автора Игоревой «песни» – отнюдь не сообщение исторических фактов, но их символическая/мифопоэтическая интерпретация, предполагающая «предзнание» этих фактов читателями/слушателями. Конечно, как напоминает Ю.М.Лотман, всегда «историк обречен иметь дело с текстами. Между событием "как оно есть" и историком стоит *текст*, и это коренным образом меняет научную ситуацию. Текст всегда кем-то создан и представляет собой происшедшее событие, переведенное на какой-то язык. Одна и та же реальность, кодированная разными способами, даст различные – иногда противоположные – тексты. Извлечение из текста факта, из рассказа о событии – события представляет собой операцию дешифровки» [12, с.353]. Однако природа текстов, используемых как исторические источники, различна. В частности, летописец стремится сообщить именно исторические факты (в том понимании, в каком они существуют для него). Поэтому с фактографической точки зрения летописная повесть о походе Игоря на половцев и оказывается намного богаче и, несомненно, ближе к внетекстовой реальности, чем «Слово».

Во-вторых, можно предложить некоторые соображения по поводу такого нерешенного и в полной мере, видимо, не решаемого вопроса, как жанр «Слова». Сходство с поэтикой такого фольклорного жанра, как волшебная сказка, и с произведениями героического эпоса, либо имеющими фольклорное происхождение, либо восходящими к устной народной традиции, побуждает рассматривать это произведение как

²⁰ Ср. о символике света и тьмы в «Слове» в статье Й.Клейна [9].

запись, фиксацию (насколько адекватную оригиналу, неизвестно) некоего сочинения, сложенного в устной форме. В последние десятилетия наиболее последовательно и аргументированно такой взгляд на «Слово» выразил американский славист Р.Манн²¹. Однако эпическая/героическая поэма и волшебная сказка, элементы которых обнаруживаются в «Слове», – жанры принципиально различные, несовместимые в пределах одного произведения устной народной словесности, не говоря уже о том, что в русском фольклоре героических поэм как таковых нет – есть лишь отчасти аналогичные им былины. Былины же в противоположность сказкам всегда ритмически упорядочены: «Есть былины, которые представляют собой сказки в форме былин. Есть и обратные случаи: былины излагаются прозой. Но такие случаи всегда представляют собой нарушение исконных художественных форм, что приводит к искажению их» [25, с.35]. Встречаются и «былины сказочного характера», однако «это именно былины, а не сказки» [25, с.38].

Д.С.Лихачев в свое время указал на соединение в «Слове» элементов двух жанров устной народной словесности: «плачей» и «слав», но это соединение говорит как раз о книжной, нефольклорной природе произведения: «"Слово" очень близко к народным "плачам" и "славам" (песенным прославлениям). И "плачи", и "славы" часто упоминаются в летописях XII–XIII вв. "Слово" близко к ним и по своей форме, и по своему содержанию, но в целом это, конечно, не "плач" и не "слава". Народная поэзия не допускает смешения жанров. Это произведение книжное, но близкое к этим жанрам народной поэзии» [11, с.22]. Д.С.Лихачев, как и Р.Манн, соотносил «Слово» с героической поэзией, но считал памятником книжного происхождения: «"Слово о полку Игореве" принадлежит к числу книжных отражений раннефеодального эпоса. Оно стоит в одном ряду с такими произведениями, как немецкая "Песнь о Нибелунгах", грузинский "Витязь в тигровой шкуре", армянский "Давид Сасунский" и т.д. Но особенно много общего в жанровом отношении у "Слова о полку Игореве" с "Песнью о Роланде"» [11, с.16]²².

Однако такое сближение поверхностно: для героической поэзии характерно последовательное и детализированное описание событий, а не использование иносказательных описаний с событийными обрывками и лирическими отступлениями автора, Игорь во многом не подходит на

---

²¹ См. [13; 14; 15; 33] и особенно [34].

²² Параллели с «Песнью о Роланде» см. [11, с.17–19].

ОБРАЗЫ ИГОРЯ И КОНЧАКА В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

роль центрального персонажа героического эпоса, сюжет «Слова» в целом тоже далек от героических сюжетов.

Указание Р.Манна, например, на аллитерации и ассонансы как на свидетельства устной, песенной основы эпизода с преследованием Игоря Гзаком и Кончаком²³ не относится к числу сильных аргументов, так как эти приемы использовала и древнерусская книжность (достаточно вспомнить о так называемом стиле «плетения словес»); свойственны они и книжной поэзии в литературе разных народов и стран. Более интересно замечание об употреблении в этом фрагменте грамматической формы *presens historicum*, нехарактерной для древнерусских книжных памятников²⁴.

Можно согласиться с выводом Р.Манна: «Короче говоря, нет никаких реальных свидетельств, что "Слово о полку Игореве" было изначально составлено в письменной форме» [34, p.91], однако только если признать это гипотетическое прото-«Слово» источником нам известного, во многом, очевидно, непохожим на тот текст, который мы читаем. Но в целом сближение с устным героическим эпосом и заключение: «Поэма (tale) однородна (is homogeneous) по стилю, и все ее многочисленные устные, формульные (formulaic) особенности показывают, что поэма целиком должна несомненно быть текстом эпической песни» [34, p.91] – принять нельзя. «Слово» не эпическая песнь, оно возникло не в границах фольклорной традиции, в нем содержатся многочисленные книжные элементы, указанные в работах различных исследователей.

Если даже оно и было изначально создано как песенный текст в устной форме, то являлось авторским произведением – полижанровым текстом, решительно выходящим за пределы фольклорной жанровой системы. Перед нами случай оригинальной трактовки фольклорной традиции. Аналогом отчасти является, например, Житие Петра и Февронии, в котором вероятный автор книжник Ермолай-Еразм оригинально соединил элементы, восходящие к былинам, волшебным и бытовым сказкам, создав таким образом агиографическое произведение²⁵. Гипотетически «Слово» или его ядро можно считать произведением светской придворной (дружинной) поэзии (устной или письменной, не вполне ясно). Однако в таком случае эта традиция (если она действительно существовала) дошла до нас лишь в одном проявлении.

²³ См. [34, p.58].

²⁴ См. [34, p.58].

²⁵ См. об этом [20, с.203–231].

Список сокращений

ТОДРЛ – Труды Отдела русской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук.

Библиографический список

1. Абаев В.И. Жанровые истоки «Слова о полку Игореве» // Абаев В.И. Избранные труды. Религия. Фольклор. Литература. Владикавказ: Издательство «Ир», 1990. С.509–537.
2. Алексеев С. Игорь Святославич. М.: Молодая гвардия, 2014. 348 с.
3. Боура С.М. Героическая поэзия / Пер. с англ. и вступ. ст. Н.П.Гринцера, И.В.Ершовой. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 808 с.
4. Гаспаров Б.М. Поэтика «Слова о полку Игореве». М.: Аграф, 2000. 608 с.
5. Горский А.А. «Всего еси исполнена земля Русская...»: Личности и ментальность русского средневековья: Очерки. М.: Языки славянской культуры, 2001. 176 с.
6. Демкова Н.С. Бегство князя Игоря // Слово о полку Игореве: 800 лет / Гл. ред. И.И.Шкляревский; Сост. Л.И.Сазонова. М.: Советский писатель, 1986. С.491–493.
7. Демкова Н.С. Проблемы изучения «Слова о полку Игореве» // Демкова Н.С. Средневековая русская литература: Поэтика, интерпретации, источники: Сб. статей. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1997. С.33–76.
8. Ироическая песнь о походе на Половцов удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославича <...>. М.: В Сенатской типографии, 1800. VIII+46 с.
9. Клейн Й. Донец и Стикс (Пограничные реки между светом и тьмою в «Слове о полку Игореве») // Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М.: Издательство «Наука», 1976. С.64–69.
10. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой / Пер с англ. О.Ю.Чекчурина. СПб.: Питер, 2018. 352 с.
11. Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. 2-е изд., доп. Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1985. 352 с.
12. Лотман Ю.М. Изъявление Господне или азартная игра? (Закономерное и случайное в историческом процессе) // Ю.М.Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С.353–363.
13. Манн Р. Свадебные мотивы в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. Л., Наука, 1985. Т.38. С.514–519.
14. Манн Р. Заметки к тексту «Слова о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве». Л.: Наука, 1986. С.129–137.
15. Манн Р. «Песнь о полку Игореве»: Новые открытия. М.: Языки славянской культуры, 2009. 96 с.
16. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. 2-е изд., репринт. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН; Школа «Языки русской культуры», 1995. 408 с.
17. Народные русские сказки А.Н.Афанасьева: В 3 т. / Подгот. Л.Г.Бараг, Н.В.Новиков; Отв. ред. Э.В.Померанцева, К.В.Чистов. М.: Наука, 1984. Т.1. 512 с.
18. Народные русские сказки А.Н.Афанасьева: В 3 т. / Подгот. Л.Г.Бараг, Н.В.Новиков; Отв. ред. Э.В.Померанцева, К.В.Чистов. М.: Наука, 1985. Т.2. 464 с.

ОБРАЗЫ ИГОРЯ И КОНЧАКА В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

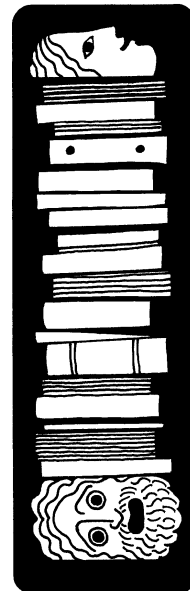
19. Пиккио Р. «Слово о полку Игоре» как памятник религиозной литературы Древней Руси // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. Т.50. С.430–443.
20. Плюханова М. Сюжеты и символы Московского царства. М.: Акрополь, 1995. 336 с.
21. Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 1998. 648 с.
22. Приселков М.Д. История русского летописания X–XV веков. Л.: Издательство ЛГУ, 1949. 188 с.
23. Пропп В.Я. Морфология сказки. 2-е изд. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1969. 168 с.
24. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1996. 366 с.
25. Пропп В.Я. Поэтика фольклора. (Собрание трудов В.Я.Проппа.) / Сост., предисл. и коммент. А.Н.Мартыновой. М.: Издательство «Лабиринт», 1998. 352 с.
26. Ранчин А.М. Вертоград златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 576 с.
27. Рыбаков Б.А. Петр Бориславич: Поиск автора «Слова о полку Игоре». М.: Молодая гвардия, 1991. 286 с.
28. Скафтымов А.П. Поэтика и генезис былин // Скафтымов А.П. Поэтика художественного произведения / Сост. В.В.Прозоров, Ю.Н.Борисов; вступит. ст. В.В.Прозорова. М.: Высшая школа, 2007. С.41–131.
29. Словарь-справочник «Слова о полку Игоре»: В 6 выпусках / Сост. В.Л.Виноградова; Под ред. Б.Л.Богородского, Д.С.Лихачева, О.В.Творогова. М.; Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. Вып. 5. 264 с.
30. Слово о полку Игоре / Под ред. В.П.Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 484 с.
31. Соколова Л.В. Мотив живой и мертвой воды в «Слове о полку Игоре» // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. Т.48. С.39–47.
32. Соколова Л.В. Политическое и дидактическое осмысление событий 1185 г. в летописях и в «Слове о полку Игоре» // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. Т.57. С.91–102.
33. Mann R. Lances Song: A Study of the Igor Tale. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1990. 231 pp.
34. Mann R. The Silent Debate Over the Igor Tale // Oral Tradition. 2016. Vol. 30/1. P.53–94.

Горе тем, кто думает найти в революции исполнение только своих мечтаний, как бы высоки и благородны они ни были. Революция, как грозовой вихрь, как снежный буран, всегда несет новое и неожиданное; она жестоко обманывает многих; она легко калечит в своем водовороте достойного; она часто выносит на сушу невредимыми недостойных.

А.А.Блок

Революция – вещь непростая. Ее успех зависит обычно от умения приспособиться ко всему тому, против чего она была направлена.

Джордж Сантаяна

Салават Исхаков

**«...Призрачно
независимый
Азербайджан...»:**

**информация
М.-Э.Расулзаде
для ЦК РКП(б)**

УДК
329.3:297

Статья посвящена причинам падения Азербайджанской республики, существовавшей в 1918–1920 гг., анализу целей ее руководителей, отношениям между Баку и Москвой, дипломатическим контактам. Особое внимание уделяется неофициальным контактам одного из лидеров этой парламентской республики М.-Э.Расулзаде, социалиста, теоретика и лидера правящей тогда в этой республике партии «Мусават» («Равенство»), с Политбюро ЦК РКП(б).

The article is devoted to the reasons for the fall of the Republic of Azerbaijan, which existed in 1918–1920, to the analysis of the goals of its leaders, to the relations between Baku and Moscow, and to diplomatic contacts. Special attention is paid to the informal contacts of one of the leaders of this parliamentary republic, M.-E.Rasulzade, a socialist, theorist and leader of the ruling party “Musavat” (“Equality”) in this republic, with the Politburo of the Central Committee of the RCP(b).

Ключевые слова: Азербайджанская республика; М.-Э.Расулзаде; А.М.Топчибашев; Н.Н.Нариманов; И.В.Сталин; Г.В.Чичерин; А.Бодреро; А.Цаликов; дипломатия; национальная политика; РКП(б); «Мусават».

Key words: Azerbaijan Republic; M.-E.Rasulzade; A.M.Topchibashev; N.N.Narimanov; I.V.Stalin; G.V.Chicherin; A.Bodrero; A.Tsalikov; diplomacy; national policy; RCP(b); “Musavat”.

E-mail: rusrevref@mail.ru

**Война, революция,
государство**

История появления и падения новых государств, вставших при закате Российской империи и при окончании Первой мировой войны на путь независимости и свободы, – одна из

важных проблем мировой исторической науки. Это относится к событиям в Азербайджане, когда там была предпринята первая попытка создания демократического общества: 28 мая 1918 г. была провозглашена Азербайджанская республика. То, почему через два года она была ликвидирована и здесь была установлена советская власть, – сложная проблема, над которой руководившие этим государством азербайджанские политики размышляли уже в эмиграции.

Наиболее сильное влияние на историографию до сих пор имеют сочинения М.-Э.Расулзаде, который ныне в Баку считается основателем этого государства, и прежде всего его книга «Азербайджанская республика» [13, с.24–82], опубликованная на турецком языке в Стамбуле в 1923 г. Предисловие к ней написал один из участников ее создания А.Гусейн-заде. Он, однако, подчеркнул, что не может определить, насколько автор книги объективен. Критический взгляд на точку зрения Расулзаде о том, что происходило тогда в Азербайджане, разделял и председатель ее парламента А.-М.Топчибашев, написавший А.Гусейн-заде 15 марта 1924 г.: «Настал момент, когда нам нужно взять хранящийся <...> в <...> памяти материал, осведомить друг друга по поводу его главных линий и затем, быть может, предать оглашению для потомства. <...> Приступим к такой работе, конечно, не для самооправдания, а в целях ознакомления сначала друг друга, а затем и всех с нашими переживаниями за эти годы» [11, с.29; см. также: 8; 16; 17; 18]. Это означало, что у него имелись серьезные сомнения в той интерпретации, которую так спешно изложил Расулзаде сначала для турецкой общественности и азербайджанской эмиграции. Затем появились соответствующие его публикации на европейских языках. Однако желание Топчибашева разобраться, что на самом деле произошло в Баку за два года существования республики в ее высших политических сферах и государственных институтах, каковы были истинные причины ее падения, не получило отклика в эмигрантской литературе.

Несмотря на то, что после распада СССР в историографии, особенно в азербайджанской, в этом направлении было сделано много, по-

прежнему остаются вопросы, связанные с мотивами тех или иных шагов руководителей Азербайджанской республики.

**Москва – Баку:
планы военных и дипломатов**

Одной из причин падения Азербайджанской республики стал раскол в ее военно-политическом руководстве. Яркий пример: начальник Генштаба вооруженных сил Азербайджана С.Сулькевич, польский татарин, генерал царской армии, предлагал предпринять меры по укреплению границы Азербайджана с Россией. Однако его предложения были отвергнуты министром обороны республики С.Мехмандаровым, азербайджанцем и также генералом царской армии. Руководство азербайджанской армии оказалось в руках генералов, которые не считали, что есть угроза от Советской России [2, с.156].

Какие планы в отношении Баку имелись в Москве? Здесь 19 июля 1919 г. на заседании Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б) обсуждался вопрос о «признании Азербайджана независимой советской республикой» [6, с.273; 5, с.519–520]. Такая постановка вопроса, в сущности, означала, что было принято решение о смене власти в Азербайджане. Одним из организаторов этого переворота был Н.Нариманов, который сначала возглавлял отдел Ближнего Востока в Наркомате иностранных дел Советской России, а 5 ноября 1919 г. был назначен заместителем наркома по делам национальностей И.В.Сталина. 26 ноября 1919 г. на 2-ом Всероссийском съезде мусульманских коммунистических организаций народов Востока, который проходил в Москве, Нариманов открыто сказал делегатам съезда: «...В Азербайджане будет возможность в скором времени ждать социальной революции. Я говорю утвердительно, потому что там все готово... Азербайджан без одной пули» будет «нашим, там будет советская власть...» [12, с.254]. Так вольно или невольно раскрыл Нариманов, по сути, истинные цели советского руководства в отношении Азербайджанской республики.

Но как дипломат Нариманов, конечно, уверял, что Кремль признает Азербайджанскую республику. Так, 4 октября 1919 г. в московской газете было опубликовано подписанное наркомом по иностранным делам РСФСР Г.В.Чичериным и Н.Наримановым заявление, обращенное, в частности, к рабочим и крестьянам Азербайджана, где было сказано, что Россия не намерена «идти походом» на их республику, так как Москва «твердо стоит на принципе самоопределения народов... Живите

спокойно...» [10, с.230]. Так успокаивали советские дипломаты на самом деле не рабочих и крестьян, а азербайджанское правительство, маскируя истинный замысел Кремля в его отношении.

В декабре 1919 г. в Баку состоялся II съезд партии «Мусават» («Равенство»), которая считается символом азербайджанской этнической самоидентификации. Между тем в принятой на этом съезде новой партийной программе отсутствует этноним «азербайджанцы», а использованы такие обороты, как «мусульманский мир», «тюркский мир», «тюркский язык», «тюрки» [7, с.581–585]. Почему так было сделано? Потому что мусаватские идеологи знали психологию своего народа.

Выступая на этом съезде, Расулзаде как лидер «Мусават» предложил внести ряд изменений в эту программу. Главное, в итоге было решено объявить, что формой государственного устройства Азербайджана является республика, а правительство опирается на парламентское большинство и ответственно перед ним [3, с.189–192]. В результате Расулзаде как председатель самой крупной парламентской фракции «Мусават» становился ключевой фигурой и имел возможность влиять на состав правительства и его решения, в особенности по внешней политике.

Именно в конце 1919 г. сформированное правительство взяло курс на установление нормальных отношений с Москвой. Так, министр внутренних дел М.Гаджинский и его сторонники в правительстве решили, что путем уступок можно добиться от Кремля признания независимости Азербайджана [9, с.260]. 14 января и 1 февраля 1920 г. министр иностранных дел Ф.Хан-Хойский направил в Москву телеграммы Чичерину, в которых указал, что Азербайджанская республика, «как нейтральное государство, считает для себя недопустимым вмешаться [в] войну¹ – сферу борьбы русского народа в деле устройства своей внутренней жизни» [7, с.585]. Другими словами, азербайджанское правительство не хотело участвовать в русской гражданской войне на стороне большевиков. Однако советское руководство на этом настаивало. 21 февраля 1920 г. Чичерин ответил Хан-Хойскому, что тот уклонился от ответа на предложение советского правительства о немедленном заключении военного соглашения для совместных действий против белогвардейцев [1, с.557]. В ответ 7 марта 1920 г. Хан-Хойский направил телеграмму Чичерину о готовности вступить в переговоры с советским правительством для установления добрососедских отношений. При этом Хан-Хойский предупредил Москву, что азербайджанский народ «под-

---

¹ Ключевое слово «война» пропущено при публикации этого документа в Баку.

нимет оружие» в случае «посягательства на его независимость и целостность его территории». Далее Хан-Хойский писал, что, по мнению Чичерина, в телеграмме от 1 февраля он, Хан-Хойский, занял «новую позицию, выдвигая требование о предварительном безусловном признании советским правительством независимости и суверенности Азербайджанской республики». С точки же зрения Хан-Хойского, в его телеграммах была выражена одна и та же мысль, а именно: его правительство признало «необходимым установление добрососедских отношений» с Россией и готово вступить в переговоры, но «лишь на такой основе, когда суверенность Азербайджанской республики признается в полной мере» советским правительством. Далее Хан-Хойский, ссылаясь на многократные заявления Кремля о соблюдении им принципа признания прав народов на самоопределение, заявил, что его правительство не могло предположить, что «его позиция, основанная на том же принципе, может служить предметом какого-либо спора или возражения со стороны советского правительства». Но из телеграммы Чичерина от 21 февраля 1920 г. азербайджанское правительство с «большим изумлением» узнало, что признание прав народов на самоопределение в действительности является для Кремля «не безусловным принципом вне зависимости от тех или иных условий или выгод, а актом, могущим быть результатом сложных и продолжительных переговоров по многим другим вопросам». Азербайджанское правительство, повторил Хан-Хойский, готово вступить в переговоры с Москвой для установления добрососедских отношений, но никакого ответа не получило оттуда. Поэтому азербайджанское правительство вновь предлагало Кремлю начать переговоры с ним [7, с.585–586]. Но и этот призыв не был поддержан в Москве, где шла подготовка к наступлению на Азербайджан, о чем, однако, узнали британские дипломаты.

4 апреля 1920 г. верховный комиссар Великобритании на Кавказе О.Уордроп, находившийся в Тифлисе, телеграфировал в Лондон британскому министру иностранных дел лорду Дж.Керзону о том, что получил из Баку сведения о намерении большевиков свергнуть азербайджанское правительство, которое решило послать лучшие части своей армии в Нагорный Карабах для борьбы с армянским восстанием. Это чрезвычайно ослабляло положение самого Баку перед большевистским переворотом [22, р.586]. Надо полагать, о таком замысле Кремля британцы узнали от своего источника среди высшего военно-политического руководства Азербайджанской республики.

Продолжая дипломатическую игру с Баку, Чичерин 24 апреля 1920 г. телеграфировал Хан-Хойскому о том, что условием признания его республики со стороны Кремля является «принятие» азербайджанской стороной участия в совместной борьбе против «контрреволюционных белогвардейских сил». Кремль, кроме того, потребовал предоставить гарантии того, что вооруженные силы какой-нибудь другой державы (имелась в виду Великобритания) не воспользуются «благоприятным положением» для подготовки наступления против советских войск [7, с.586–587].

**Ситуация в Азербайджане:
партийная борьба за влияние
на массы**

Самым опасным внутренним противником для правящей в Азербайджане партии «Мусават» являлась, как считается в современной азербайджанской историографии, мусульманская партия «Иттихад» («Единство»), которая весной 1920 г., полностью поддержав большевиков, фактически стала «могильщиком» азербайджанской независимости [2, с.154]. Эта партия, как и другие мусульманские партии на территории бывшей Российской империи, не хотела отделиться от России, отмечал Нариманов в феврале 1919 г. Они хотели только того, чтобы мусульманам была дана самостоятельность в религиозной жизни. Такие партии не мешали большевикам в партийной работе [10, с.194] и при подготовке переворота в Баку.

В сущности, массы в значительной степени были равнодушны к национальной политике, их сознание было под сильным влиянием шиитского духовенства, то есть религиозное сознание, вопреки распространенной точке зрения в азербайджанской историографии, доминировало над этническим.

27 апреля 1920 г. азербайджанский парламент принял ультиматум с требованием передать власть правительству во главе с Наримановым, находившимся в Москве. Его слова, которые он уверенно сказал за 5 месяцев до этого в Москве о том, что Азербайджан мирным путем станет советским, таким образом, подтвердились. Очевидно, что секретный план по захвату власти в Азербайджане стал разрабатываться при его участии с лета 1919 г., а ультиматум был одним из элементов этого плана. Вклад Нариманова в такой переворот не остался без последствий: Кремль поручил ему возглавить правительство советского Азербайджана в мае 1920 г.

Важным источником для подготовки в Кремле тайного плана по советизации Азербайджана являлась конфиденциальная информация, поступившая из Баку в Москву. Приведем этот документ ввиду его исключительной важности без каких-либо сокращений.

**Информация для секретного плана
по советизации Азербайджана**

Вх[одящий] ЦК № 705/с 4/XI-21 г.

Общее экономическое положение Азербайджана прежде всего характеризуется продолжающейся фактической блокадой со стороны союзников. Последние явно поддерживают Деникина в его стремлении задуть закавказские республики. Персия наводнена английскими товарами, но через азербайджанскую границу и морским путем Энзели–Баку они не пропускаются. Равным образом доставка товаров в Закавказье через Батум достигла минимальных размеров. Первоначально предназначавшиеся к отправке в Батум товары теперь после «освобождения» Киева и Одессы направлены туда.

В результате на всех рынках Закавказья цены на товары стали бешено расти, в особенности на мануфактуру.

Росту цен способствует немало стремление иностранных дельцов уронить курс местных денег. Не остается без последствия и бешеная спекуляция, против которой местные правительства не принимают никаких мер. Вот примерные цены: аршин лодзинского сукна стоит 1600–1800 р., ситец от 50 до 80 р., полотно 40–70 р. И что характерно, почти все товары старые, залежавшиеся, – русские. Идет усиленная спекуляция товарами, стоившими² раньше предметом вывоза из Баку (рыба, сушеные фрукты). Цена икры поднялась за последний месяц с 1600 – 6000 р. пуд. Благодаря³ низкому курсу рубля и закрытию персидской границы прекратили существование огромные рыбные промыслы Лианозова⁴ на южном берегу Каспийского моря.

За последние дни стала быстро расти цена на продукты потребления: икру, хлеб, овощи, фрукты, в частности, хлеб с 5 р. сразу поднялся до 7 р., и цена продолжает подниматься. Между тем нефтяная промышленность по-прежнему находится в состоянии длительного упадка. Нефте-

---

² Так в тексте. Следует: бывшими.

³ Далее зачеркнуто: разному.

⁴ Имеется в виду «Контора рыбопромышленной фирмы Лианозова», просуществовавшая до марта 1918 г.

«...ПРИЗРАЧНО НЕЗАВИСИМЫЙ АЗЕРБАЙДЖАН...»

хранилища переполнены. Сбыта нет. Сейчас нефть в небольшом количестве вывозится только в Грузию, Турцию и Италию. С Персией азербайджанскому правительству не удалось заключить сделки, главным образом благодаря политике англичан.

Продолжаются массовые расчеты рабочих, прежде всего русских, и бегство их в Доброволию⁶, ибо иного пути из Азербайджана нет. Заработная плата – голодная, и повышению ее нефтепромышленники противятся. Средняя подневная плата рабочих – 40–45 р., неквалифицированных – 30 и около того. Перед пролетариатом города Баку в настоящее время стоит вопрос о проведении коллективного договора, но осуществление его при данной промышленной конъюнктуре едва ли удастся. Рабочий класс Баку обречен на длительное голодное существование. Недовольство своим экономическим положением охватывает не только русские, но и мусульманские рабочие массы. На последнем заседании Центральной рабочей конференции⁷ мусульман было около половины. Влияние «Мусават»'а среди мусульманских масс резко падает. Растет влияние левого «Гуммет»'а⁸. Ряд очень существенных шагов вперед прodelывается на наших глазах также мусульманской деревней, еще недавно темной, забитой и всегда покорной своим ханам и бекам. Недавно кончился съезд крестьян Казахского уезда⁹ Гянджинской (Елисаветпольской) губ., который принял социалистическую резолюцию по аграрному вопросу. Система национализации управления школой и т.д., проводимая нынешним правительством, имеет одну положительную сторону. Она способствует втягиванию в политику широких мусульманских масс, до сих пор ей совершенно чуждой. Эти массы, разбуженные русской революцией, начинают переживать свою революцию. И настроение их в настоящий момент внушает настолько серьезные опасения правительству, что оно даже не решается созвать Учредительное собрание, т.к. боится победы левых партий. Азербайджан по-прежнему управляется парламентом – архаическим учреждением, ядро которого составляют мусульманские депутаты Всероссийского Учр[едительного]

⁵ Далее зачеркнуто: быстро.

⁶ Имеется в виду территория, занятая Добровольческой армией А.И.Деникина в 1919–1920 гг., в которую в разное время входили Кубань, Крым, Украина, Черноземье, Нижнее Поволжье, Северный Кавказ и др.

⁷ В декабре 1918 г. рабочие организации Баку объединились в Бакинскую рабочую конференцию, ставшую вскоре постоянным высшим представительным органом бакинских рабочих. Имеется в виду конференция, которая состоялась 12 октября 1919 г.

⁸ «Гуммет» («Энергия») – первая в Закавказье Мусульманская социал-демократическая организация, возникла в октябре 1904 г. при Бакинском комитете РСДРП.

⁹ Крестьянский съезд Казахского уезда состоялся в сентябре – октябре 1919 г.

собрания. К ним добавлены представители национальных меньшинств. Для характеристики последних достаточно сказать, что русское население (в огромном большинстве в Баку состоящее из рабочих) представлено в парламенте Славяно-русским о[бщест]вом, – подозрительной черносотенной шайкой, организовавшей еще при турках. В то время, как в соседней Грузии власть пока что носит форму длительной диктатуры партии грузинских меньшевиков, формально опирающейся на огромное большинство депутатов Учред[ительного] собрания (112 из 130), Азербейджан дает картину хронического кризиса коалиционных министерств. Мы имеем здесь перед собою крайне рыхлую и сырую в политическом отношении массу и совершенно не сформировавшиеся как следует в смысле представительства определенных классов политические партии. Каждая из них наперерыв стремится вести за собой господствующие классы тюркского народа – ханов, беков, духовенство, высшую буржуазию, в то же время каждая на словах готова отстаивать самую крайнюю демократическую программу. Политическая борьба в парламенте носит характер мелких интриг и более или менее искусных сделок за спиной массы избирателей в полном смысле этого слова, поскольку речь идет об избирателях буржуазных мусульманских партий, – голосующего стада.

Работа парламента главным образом сводится к насаждению в Азербейджане полицейского и чиновнического аппарата. Творцы – законодатели и администраторы республики – нисколько не стесняются подражать царизму даже в номенклатуре должностей (полицмейстер, градоначальник, пристав, околоточный уже давно заменили по участкам комиссаров). На местах можно наблюдать своеобразную комбинацию старорусских, турецких и персидских методов управления. Вся администрация состоит из беков и старых русских полицейских чиновников. Наряду с этим в области осуществления т.н. демократических реформ Азербейджан стоит на точке замерзания; в особенности не везет аграрной реформе, которой буржуазное большинство парламента устраивает ежемесячно похороны по первому разряду.

Несколько слов о внешней политике нынешнего коалиционного буржуазного (с преобладанием партии «Мусават») правительства. Цели, которые оно себе ставит, следующие: признание Азербейджана со стороны мирной конференции¹⁰, обеспечение целостности и неприкосновенности его территории от посягательств соседей (Деникина и затем армян). Результаты дипломатической кампании¹¹ в пользу признания – пока нуль. Предводители союзной администрации и командования на месте ведут

---

¹⁰ *Имеется в виду Парижская мирная конференция.*

¹¹ *Далее зачеркнуто: пока.*

«...ПРИЗРАЧНО НЕЗАВИСИМЫЙ АЗЕРБАЙДЖАН...»

явную политику поддержки Деникина. Для защиты от Деникина Азербайджаном заключен оборонительный союз с Грузией и создается армия. Кадры армии состоят из мобилизованного мусульманского населения в возрасте до 25 лет, обучаемого бывшими русскими и турецкими офицерами. Но создать серьезную боевую силу, способную бороться с Деникиным, мешает недостаток оружия и амуниции. Все, что имеется, – бывшее имущество русской и турецкой армий. Нужно, кроме того, принять во внимание, что среди офицерства так же, как и вообще администрации, не только русских, но и мусульман¹² Деникин имеет массу друзей. Азербайджан отнюдь¹³ не застрахован от повторения истории Горской республики, которую бекское правительство с головой выдало Добрармии, после чего члены правительства и их ближайшие помощники получили очень выгодные должности от новых господ. Ясно и понятно, что для значительной части мусульманского дворянства, живущего феодальной эксплуатацией своих крестьян, единая монархическая Россия гораздо более реальный оплот его классовых привилегий, чем призрачно независимый Азербайджан. Нет ничего удивительного, что из Главного военного штаба выкрадены важнейшие документы и переданы Деникину. Добровольческая контрразведка почти открыто действует в Баку; город переполнен деникинскими шпионами. Местные русские реакционеры открыто группируются вокруг¹⁴ Русского национального совета, издают свою газету «Голос России»¹⁵ и вообще живут припеваючи. Недавно в ресторане «Новый свет» произошло убийство двух членов мусульманской социалистической организации «Гуммет», работавших в азербайджанской контрразведке – тт. Мусеви и А.Алиева¹⁶. В убийстве замешаны видные члены местной администрации, и объясняется это тем, что в руки убитых попали важные документы, уличающие представителей бакинской власти в сношениях с Деникиным. Трусость, близорукость и нерешительность отличают официальную политику тех мелкобуржуаз-

¹² Далее зачеркнуто: мало.

¹³ Далее зачеркнуто: вовсе.

¹⁴ Далее зачеркнуто: местного.

¹⁵ «Голос России» – ежедневная внепартийная общественно-политическая и литературная газета. Издавалась в Баку в 1919–1920 гг.

¹⁶ 5 сентября 1919 г., когда трое большевиков – Л.Д.Гогоберидзе, М.Ф.Мусеви и А.Алиев ужинали в этом ресторане, началась стрельба, в результате чего Мусеви и Алиев погибли, а Гогоберидзе получил тяжелое ранение. Левые газеты писали о том, что их убийца был одним из мусаватских и деникинских агентов. Официальная версия событий, изложенная начальником полиции Баку, заключалась в том, что после нескольких бутылок вина, которые выпили большевики, они начали издеваться над зашедшим в ресторан с барышней Г. Сеидбековым, который в ответ стал стрелять в них.

ных элементов, которые всерьез дорожат независимостью Азербайджана. Они проповедуют нейтралитет в борьбе Добрармии с Советской Россией, на словах готовы заключить с последней даже торговые сношения (об этом определенно говорила декларация нынешнего пр[авительст]ва, клянутся защищать Азербайджан в случае нападения с севера, но фактически больше всего стараются как бы не слишком прогневить царских генералов, которые, того гляди, вдруг действительно придут. Сейчас успехи добровольцев совершенно отняли у местных правителей всякую охоту к активным действиям против русской контрреволюции¹⁷).

Начавшие восстание в значительной степени под влиянием¹⁷ надежды на поддержку Азербайджана и Грузии дагестанские горцы жестоко¹⁸ обманулись в своих надеждах и гибнут в неравной борьбе, в то время как южные соседи не ударяют пальцем о палец.

Типичная приходская¹⁹ мелкобуржуазная политика – «не тронь меня, а на остальной свет наплевать» – справляет на Кавказе свои оргии. Герои этой политики боятся или не хотят уяснить себе тот факт, что поражение Советской России в борьбе с Деникиным немедленно повлечет за собой гибель закавказских республик. Их нейтралитетом Деникин великопечно пользуется, посылает в Закавказье свои делегации (например, ген. Баратова²⁰, недавно раненного в Тифлисе) и для проведения времени ведет переговоры о почтовых и телеграфных отношениях, товарообмене и т.д. Впрочем, есть определенные сведения, что переговоры касаются и такой вещи, как права Деникина производить мобилизацию русского населения в Закавказье. Единственно в случае решительных побед советских войск местные республики могли бы взять другой курс по отношению к Деникину. В частности, переход господства на Каспийском море²¹ к советскому флоту дал бы возможность без особенного труда добиться вывоза нефти в Астрахань. С этой точки зрения восстание горцев, угрожающее Петровску – единственной морской базе Деникина на Кавказе, – и также успешное наступление советских войск на Краснодарск имеют огромное значение. О²² восстании горцев подробно в ближайшее время.

---

¹⁷ Далее зачеркнуто: поддержки.

¹⁸ Далее зачеркнуто: ошиблись.

¹⁹ Далее зачеркнуто: маска.

²⁰ Баратов Николай Николаевич (1865–1932) – генерал от кавалерии, командующий (1916 г.) Кавказским стрелковым корпусом, Отдельным экспедиционным корпусом в Персии (1917–1918 гг.), представитель Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России в Закавказье (1918–1919 гг.).

²¹ Далее зачеркнуто: без особенного труда.

²² Далее зачеркнуто: возможности.

Примечание. 1) Бакинское бюро Кавк[азского] Кр[аевого] Ком[итета]²³ не согласно с таким освещением вопроса и считает, что восстание в Дагестане произошло стихийно, вызванное беззастенчивым хозяйничаньем деникинских властей: производились бесконечные реквизиции, мобилизации, были восстановлены старые повинности, так крестьяне обязаны были снова отдавать 1/3 урожая ханам и заплатить за 1/3 урожая 2-х лишним лет (годы революции); все это заставило дагестанский народ взяться за оружие и вступить в борьбу с контрреволюцией.

РГАСПИ. Ф.17. Оп.86. Д.119. Л.1–3 об.

**Ключевые проблемы
Азербайджанской республики**

Первая проблема, затронутая в докладе в ЦК РКП(б), – экономическая, возникшая, как полагает его автор, в значительной степени в результате торговой блокады победивших в

Первой мировой войне европейских стран, прежде всего Великобритании, Франции и Италии, которые поддерживали Добровольческую армию А.И.Деникина, стремившегося разгромить недавно возникшие независимые кавказские государства и включить их территорию в состав «белой» России. В результате в кавказских государствах, в том числе в Азербайджанской республике, произошло резкое падение жизненного уровня населения, что сильно отразилось, прежде всего, на рабочих и крестьянах.

Вторая проблема – социальная. «Всерьез дорожат независимостью Азербайджана, – полагал автор доклада, – мелкобуржуазные элементы». Массы же, «разбуженные русской революцией, начинают переживать свою революцию». И их протестное настроение стало вызывать серьезные опасения у азербайджанского правительства, которое поэтому не решилось провести выборы в Учредительное собрание.

Третья проблема, которая привлекала внимание автора доклада, – это политическое устройство Азербайджанской республики. По его оценке, ее парламент являлся «архаическим учреждением», поскольку его ядро составляли мусульманские депутаты Всероссийского Учредительного собрания, в отличие от соседней Грузинской республики, где

²³ Бакинское бюро Кавказского краевого комитета РКП(б) с марта 1919 г. возглавлял А.И.Микоян, который в октябре 1919 г. переплыл на лодке в Астрахань по Каспийскому морю, затем прибыл в Москву, участвовал в заседаниях Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б), на которых решались вопросы установления советской власти в Баку и в Закавказье.

грузинские меньшевики опирались на большинство депутатов избранного там Учредительного собрания. Кроме того, присутствовавшие в азербайджанском парламенте политические партии, по мнению автора доклада, представляли собой «рыхлую и сырую... массу». Что касается избирателей буржуазных мусульманских партий, то они определяются в документе как «голосующее стадо». А сама система управления в Азербайджанской республике являлась, как сказано в тексте, «своеобразной комбинацией старорусских, турецких и персидских методов управления».

Неудивительно, что, по выражению автора документа, «создать серьезную боевую силу» в виде азербайджанской армии не удалось. А ведь, отметим, прошло почти полтора года с момента провозглашения независимой Азербайджанской республики.

В общем, никаких прогрессивных реформ в Азербайджане, по мнению этого аналитика, не было, республика стояла, по его выражению, «на точке замерзания».

Переходя далее к внешней политике, автор документа отмечает, что результаты всей дипломатической деятельности в пользу признания Азербайджанской республики мировыми державами – «пока нуль». Это был, по его характеристике, «призрачно независимый Азербайджан».

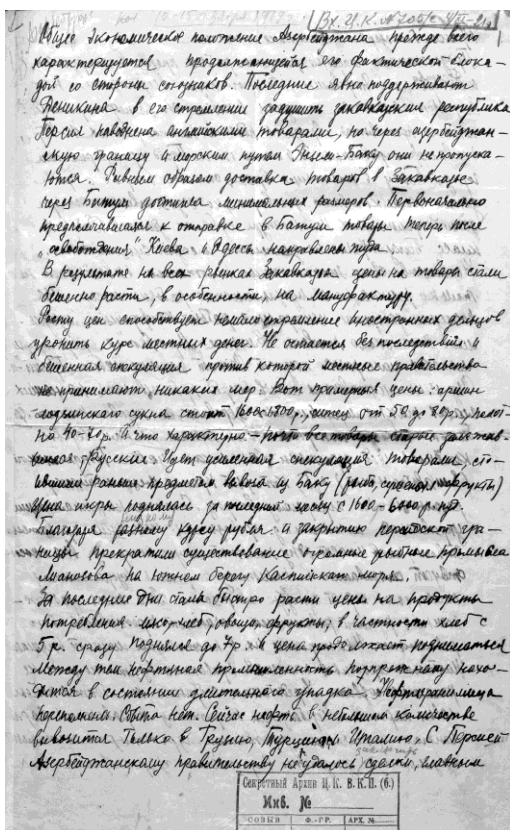

Фото 1. Первая страница секретного доклада в ЦК РКП(б) о положении в Азербайджанской республике в 1919 г.

«...ПРИЗРАЧНО НЕЗАВИСИМЫЙ АЗЕРБАЙДЖАН...»

В конце документа указано, что «в ближайшее время» последует следующий доклад с анализом текущей ситуации на Кавказе.

Пометы, которые имеются на документе, сделаны уже в Москве, они – важный источник для понимания уровня, на котором рассматривался этот документ. Их три: «Азербейджан», «10–15 октября 1919 г.» (пометы, очевидно, сделаны получателем в Москве); «Вх[одящий] ЦК №705/с 4/ХI-21 г.», что означает дату регистрации документа в Бюро Секретариата ЦК РКП(б) в 1921 г. Через несколько лет это бюро переименовано было в Секретный отдел ЦК ВКП(б), поэтому на документе появился штамп «Секретный архив ЦК ВКП(б)» (см. фотографию №1).

Таким образом, автор этого сообщения, обладавший соответствующими данными, обобщая сведения о внутреннем и внешнем положении Азербайджанской республики в 1918–1919 гг., судя по содержанию, информировал о них ЦК РКП(б) в начале октября 1919 г. Более того, он предлагал исходные положения для разработки политики в отношении этой республики в Политбюро РКП(б), а также в различных других ведомствах.

Кто автор доклада в ЦК РКП(б)?

Возникает вопрос, кем же был автор этого рукописного текста, который не имеет подписи?

Чтобы установить автора, следует обратить внимание на его почерк: под номерами 1, 3, 5, 7, 9, 11 даны фрагменты фотографии публикуемой архивной информации, под номерами 2, 4, 6, 8, 10, 12 – фрагменты писем азербайджанского политэмигранта Топчибашеву [20]. Письма опубликованы [см.: 11, 17, 18]. Под номером 13 показано слово из номера 1, под номером 15 – из фотографии №1, под номерами 14 и 16 – слова из письма этого же политэмигранта Сталину, написанного 1 января 1923 г. в Стамбуле [15, д.801, л.14–15]. Обратим особое внимание на написание в этих фрагментах таких слов, как «экономическое», «положение», «Азербайджан», «Персия», «Закавказье», «Кавказ», «правительство», «вопрос», «возстание» (так в тексте), «поддержка», «влияние», «положение», «имеет», «имеем», «массы», «Мусават», «мусаватисты», «своих».

Мне известны новости о деятельности, прежде всего, характерной, продолжительной, его фактически быстрой по своему содержанию. Последние, это подтверждают. Демонстрация в ее стремлении расширить азербайджанскую республику. Творить, как бы сказать, индийские товарищи, но через азербайджанскую границу в широком плане. Также, как бы сказать, не только, но и через границу, доставляя товары в Закавказье.

←1

Слева – фрагменты фотографий публикуемой архивной информации

Фрунзе, как видно, прогнал. Демонстрация Бейлиев и мусульман сильно затихает. Не смотря на наш энтузиазм, отказываясь с советскими правительствами в области иммиграции в Россию. Не разрешив Мусульманам вернуться в азербайджанскую иммиграцию на Дни.

↓2

Башкирская иммиграция на Кавказе. Больше внимания уделяется нашей работе в Турции и в Иране. Нет сведений, что бы от всех иммигрантов, «Ели Кавказ» и т.д.

бы не удалось прогнать царских шурвалов, которые того же года были действительно прогнаны. Сейчас русские добровольцы совершили отныне дальнейшие действия в пользу своего как таковыми действиями против русской контр-революции. Нагайбашев возмущен в азербайджанской столице, но вынужден был вернуться на родину. Азербайджан и Турция. Азербайджанские гарни. Местные власти вынуждены в своих интересах и присутствии в неравной борьбе в то время, как Кавказская Россия не удавалось им выжить отдельно.

Справа – фрагменты писем азербайджанского политэмигранта Топчибашеву

↑3

Полковник Ели Кавказ и Давид Кривильский. Задачами с тех пор. Не забываем, что бы все происходило правильно и не бы угрозы в разрабатываемых и публикуемых документах.

Муртазаго приехал из Ревани. Состоялись встречи с ним, оказавшиеся маленькой помощью в Чеченке.

Привет всем вашим
С любовью
М.К.

4→

«...ПРИЗРАЧНО НЕЗАВИСИМЫЙ АЗЕРБАЙДЖАН...»

(«Византизм») что, который некий специализированный
 российский по аграрному вопросу, система национализации
 украинской земель и т.д. проводимая нынешней правитель.
 Сталин имеет шесть одну миллионную аграрную. На своей
 стороне выжила в политику широкой демократической
 массы, до сих пор не удалось добиться. Эти массы требуют
 некий русский революционный характер проставить своего
 революцию. И исторически в частности массовой борьбы
 настало серьезное отношение правитель
 правитель, чтобы украинские аграрии
 новой партии, которую они представляют

←5

↓6

Слева – фрагменты фотографий публикуемой архивной информации

для наших земледельцев и
 работников на местах
 «Византизм» равнодушно к себе
 «европейцев». Кроме того почти
 никто до сих пор не выжила
 и в области культуры.
 На то же масса ожидает от нас
 с «византизма». Но аграрии культуры
 вы увидите как впоследствии
 она проявилась в Азербайджане.
 Массы продолжают развиваться
 с точки зрения и с радостью.

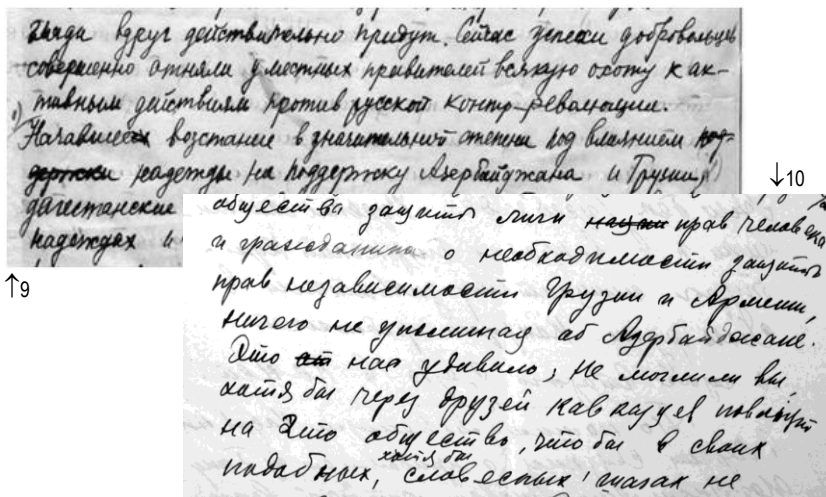
различные в отношении, не-близко аграрной реформы, ко-
 торые буржуазные буржуазия украинской аграрной
 аграрии по своему характеру.
 «Византизм» или в нашей политике нынешней коалиции
 дворянского (с правительством партии, «Византизм») правитель
 чем, которые все же ставит, следовательно, признаки
 «Византизма» со стороны буржуазии, объективные
 признаки и неуклонности его территории от тех-
 ративных вопросов (византизм в руках аграрии) «Византизм»
 дипломатическое колони-
 «Византизм». Проводимый

Справа – фрагменты писем азербайджанского политэмигранта Топчибашеву

↑7

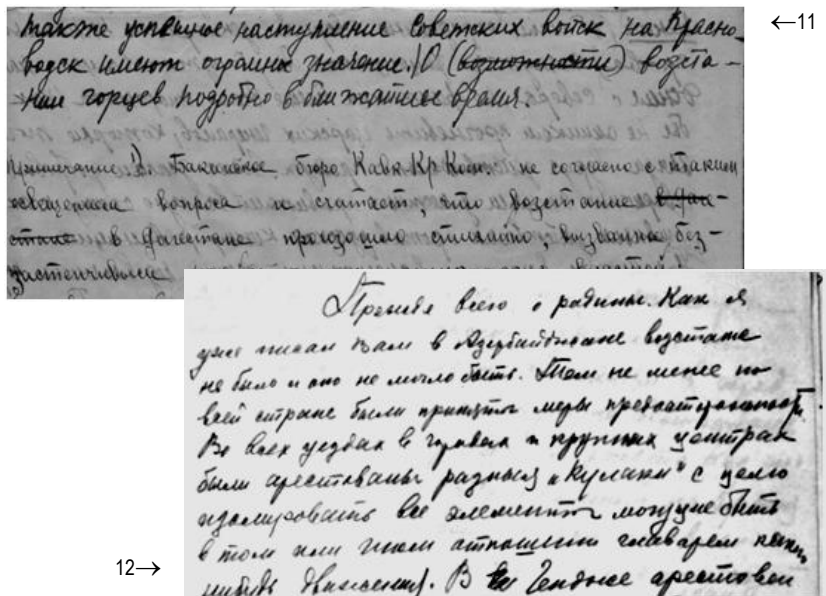
8→

россия, признавая только украинские работы по культур-
 ному, азербайджанскому византизм, византизм
 аграрии и как-то, следовательно, на мое здоровье,
 следовательно, революция и мажоритарно.
 Проводимый все это пишу вам письмо
 следовательно, аграрии:
 Проводимый на аграрии византизм:
 Идей более мое мнение как на националистический
 том и на коммунистический элемент.
 Проводимый в составе 11 или 12

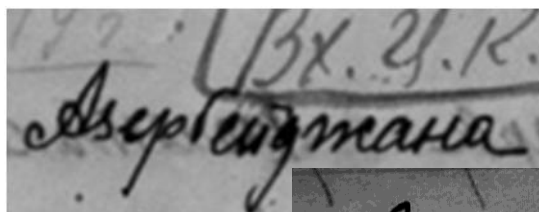

Слева – фрагменты фотографий публикуемой архивной информации

Справа – фрагменты писем азербайджанского политэмигранта Топчибашеву

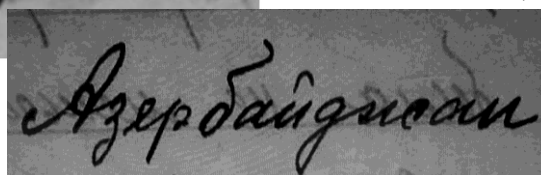
«...ПРИЗРАЧНО НЕЗАВИСИМЫЙ АЗЕРБАЙДЖАН...»

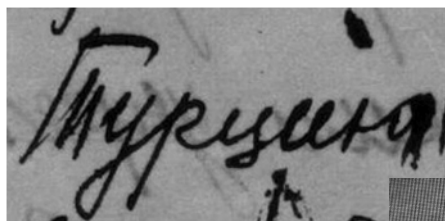
←13

↓14

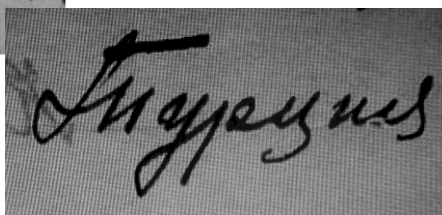
Слева – фрагменты
фотографий публикуемой
архивной информации

Справа – фрагменты писем
азербайджанского политэмигранта Сталину

↑15

16→

Сличение почерков, сравнительный анализ указанных и других слов показывает, что конфиденциальная информация в Москву была написана М.-Э.Расулзаде.

Будучи фактически во главе парламента Азербайджанской республики, он очень критически оценивал ситуацию в своем государстве, действия исполнительной власти на всех уровнях, состав депутатов парламента (председателем которого, напомним, формально являлся Топчибашев). С нескрываеомой иронией Расулзаде пишет и о значительной части избирателей, которые поддерживали его партию.

Какова цель этого документа? Общей тенденцией в данном тексте являлось, на мой взгляд, стремление автора показать, как непрочен фундамент существовавшей власти в Азербайджане (иногда он пишет «Азербейджан») и как необходимо ускорить свержение ее, чтобы установить там советскую власть.

**Ситуация в Азербайджане
после большевистского
переворота: взгляд
из Тифлиса двух аналитиков**

Итальянский журналист А.Бодреро, который приехал в Баку из Тифлиса, чтобы освещать работу I конгресса народов Востока в начале сентября 1920 г., вернувшись в Тифлис, под-

готовил в сентябре 1920 г. свои впечатления. На что он обратил свое внимание?

Во главе азербайджанского правительства был поставлен Нариманов, человек уже пожилой, который, по мнению Бодреро, «не обладает достаточным характером и силой воли, нужной на посту, который он занимает. На него даже смотрят, как на большого идеалиста. Легко отсюда понять, насколько он удобен представителям центральной власти Москвы, людям молодым и энергичным, для использования при достижении их собственных целей». Зависимость местного правительства от Москвы была, по сведениям Бодреро, сильной: «...Конечно, командует Россия».

Односторонне, по мнению Бодреро, было бы думать, что московское правительство держится в Азербайджане, только опираясь на силу русских войск, расположенных там. Оно ведет очень искусную политику и очень сильно эксплуатирует религиозный фанатизм мусульманского населения. «Для каждого кануна еженедельного мусульманского праздника (по четвергам) организованы общественные работы: участие в них добровольное; группы мужчин и женщин с красными флагами и с пением "Интернационала" проходят по улице, отправляясь на эти работы (чистка улиц и публичных мест, товарных складов и т.д.). В этих работах участвуют убежденные коммунисты и те, которые хотят войти у них в милость. Работа эта бесплатная и служит примером для пропаганды. Число лиц, принимающих участие в этих работах, скорее незначительно...»

Положение большинства населения продолжало ухудшаться, особенно в сфере здравоохранения. Бодреро свидетельствовал: «Санитарное состояние очень плохое: малярия и тиф косят население и опустошают ряды войск: недостаток в медикаментах дает себя очень чувствовать».

Среди населения Баку замечалось, как оценивал Бодреро, некоторое недовольство, которое нельзя рассматривать как направленное всецело против большевиков: отчасти в этом обвиняют Антанту за блокаду, войну и спекуляцию. Наиболее недовольной являлась экспроприированная буржуазия. В Баку было много богачей, но самые молодые, наиболее энергичные и наиболее способные среди них нашли возможность

«...ПРИЗРАЧНО НЕЗАВИСИМЫЙ АЗЕРБАЙДЖАН...»

уехать; другие, по его выражению, «осоветились» и те, которые остались, не представляли никакой опасности. Подавленные и запуганные, они не имели больше ни силы, ни мужества бороться с советской властью, тогда как между их сыновьями замечалось стремление принять новое положение вещей и присоединиться к новому режиму.

«Несколько дней, проведенных в Баку, позволили мне хорошо приглядеться к массе: это комиссары и чиновники советской власти, моряки Каспийского военного флота. Молодые, интеллигентные и энергичные, они представляют будущее России. Достаточно пойти в театр, чтобы посмотреть на них, и вы их найдете в первых рядах, очень прилично одетыми, без эксцентричностей, рядом с женами, полными желанием пользоваться немного комфортом и роскошью. Наиболее фанатичные большевики не могут отрицать этого явления и признают себя неспособными побороть его. Но, чтобы это движение могло бы развиваться, надо снять блокаду. Блокада в психологии этих буржуа новейшей формации является главным препятствием для наслаждения жизнью и объединяет их в большевистских тенденциях в борьбе против Антанты» [20, б.п.], – отмечал Бодреро.

Как и Бодреро, наблюдая из Тифлиса, столицы Грузинской республики, за тем, что происходило в Азербайджанской республике, один из горских лидеров социал-демократ осетин А.Цаликов (Цалыккаты) писал весной 1920 г. в грузинской газете: «За два года своего главенства партия "Мусават" не провела ни одной демократической реформы в Азербайджане из боязни, что всякая демократическая реформа поведет к тому, что власть будет у нее вырвана из рук другими партиями. Партия "Мусават" держалась у власти исключительно гипнозом имен турецких пашей <...> Но случилось так, что паши на путях азиатской турецкой национальной политики вступили в альянс с коммунистами, и партия "Мусават" лопнула, как мыльный пузырь. Более трагикомического бесславного исчезновения с политической арены, как исчезновение партии "Мусават", трудно себе представить» [4, 1920, 13 мая].

Летом 1920 г. Расулзаде решил покинуть Азербайджан и перебраться в Грузию, но, согласно азербайджанской историографии, 17 августа 1920 г. был арестован большевиками и посажен в изолятор особого отдела 11-й Красной армии. Лишь вмешательство И.В.Сталина, приехавшего 1 ноября 1920 г. в Баку, спасло Расулзаде, которого освободили и отправили в Москву. В 1922 г. ему дали возможность покинуть Советскую Россию, вскоре он оказался в Турции. Такое отношение Сталина к

Расулзаде вполне объяснимо: они много лет были соратниками по революционной борьбе. Так, по данным того же Цаликова, Сталин и Расулзаде принимали участие в Табризском восстании Саттар-хана в 1908–1909 гг. в Иране [19, с.272], как и многие другие кавказцы-революционеры. После того как в 1909 г. в Иран были введены русские войска, революция в этой стране была подавлена.

Заключение

Таким образом, публикуемый секретный доклад в ЦК РКП(б) о положении в Азербайджанской республике в 1918–1919 гг. является достоверным историческим источником, написанным М.-Э.Расулзаде. За этой информацией кроется очень многое. Этот факт, во-первых, позволяет кардинально пересмотреть политическую биографию М.-Э.Расулзаде вообще и его деятельность в 1918–1920 гг. Этот документ, во-вторых, свидетельствует, что Расулзаде – лидер партии «Мусават» и парламента Азербайджанской республики – вел тайную переписку с Политбюро ЦК РКП(б), передавая свои доклады через Кавказский краевой комитет РКП(б), о чем свидетельствует печать этой организации на этом документе.

Эти наблюдения, разумеется, не исчерпывают анализа причин появления данного документа, а являются лишь только началом изучения интереснейшего и важнейшего источника, который позволяет углубиться в то, как на самом деле принимались и осуществлялись в ту пору решения, связанные с национальной политикой, проводившейся высшим советским руководством, через кого воплощались они «на местах». Надо полагать, так происходило не только в Азербайджане, но и в других, сопредельных с Советской Россией и неподконтрольных тогда Кремлю территориях.

Как следует из текста, это был отнюдь не единственный доклад М.-Э.Расулзаде И.В.Сталину, и этот факт в корне меняет все существующие до сих пор в историографии представления о том, что реально происходило в руководстве Азербайджанской республики. Становится ясным, что без самого всестороннего и отстраненного от политической, в том числе юбилейной, конъюнктуры изучения этой ситуации не может быть и речи о воссоздании действительной академической истории Азербайджана первой трети XX в., советско-азербайджанских отношений в 1917–1920 гг., а также подлинной истории азербайджанской политэмиграции, которую в 1920–1950-х гг. возглавлял М.-Э.Расулзаде.

Библиографический список

1. Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Внешняя политика (Документы и материалы). Баку: Елм, 1998. 630 с.
2. Балаев А. Азербайджанская революция 1917–1918 годов в современной историографии // Падение империи, революция и гражданская война в России. М.: Социально-политическая МЫСЛЬ, 2010. С.149–162.
3. Балаев А. Мамед Эмин Расулзаде (1884–1955). Политический портрет. Баку: KitabKlubu.org, 2014. 504 с.
4. Борьба (Тифлис). 1920. 13 мая.
5. Гасанлы Дж.П. История дипломатии Азербайджанской Республики: В 3 т. Т.1. Внешняя политика Азербайджанской Демократической Республики (1918–1920) / Пер. с азерб. М.: Флинта: Наука, 2010. 573 с.
6. Гарибджанян Г.Б. В.И.Ленин и большевики Закавказья. М.: Издательство политической литературы, 1971. 382 с.
7. Гражданская война в России и мусульмане. Сборник документов и материалов / Сост., предисл. и примеч. С.М.Исхаков. М.: Социально-политическая МЫСЛЬ, 2014. 816 с.
8. Из истории азербайджанской эмиграции. Сборник документов, произведений, писем / Сост., предисл. и примеч. С.Исхаков. М.: Социально-политическая МЫСЛЬ, 2011. 416 с.
9. Исмаилов Э. Очерки по истории Азербайджана. М.: Флинта, 2010. 422 с.
10. Нариманов Н. Избранные произведения. Т.2. Баку: Азернешр, 1989. 765 с.
11. «Настал момент... предать оглашению»: азербайджанская эмиграция в письмах, записках, телеграммах. 1920–1937 гг. / Сост., предисл. и примеч. С.М.Исхаков. М.: ИКАР, 2015. 220 с.
12. Протоколы I и II всероссийских съездов коммунистических организаций народов Востока. Москва. 1918, 1919 годы / Сост., предисл. и примеч. С.М.Исхаков. М.; СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2017. 552 с.
13. Расулзаде М.-Э. Азербайджанская республика // Расулзаде М.-Э. Сборник произведений и писем / Сост., предисл. и примеч. С.Исхаков. М.: Флинта, 2010. 368 с.
14. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.17. Оп.86.
15. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.558. Оп.11.
16. Топчибашев А.М. Избранное: В 4-х томах / Сост. Г.Гасанов. Т.4. Баку, 2015. 420 с.
17. Топчибаши А.М.: документы из личных архивов. 1903–1934 гг. / Сост., предисл. и примеч. С.Исхаков. М.: Социально-политическая МЫСЛЬ, 2012. 280 с.
18. Топчибаши А.М. и Расулзаде М.Э.: Переписка. 1923–1926 гг. / Сост., предисл. и примеч. С.Исхаков. М.: Социально-политическая МЫСЛЬ, 2012. 148 с.
19. Цалыккаты А. Литература кавказской эмиграции // Славянская книга. 1925. №11. С.270–274.
20. Le Centre d'études des mondes russe, caucasien et centre-européen, l'École des hautes études en sciences sociales (Paris). Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n 6.
21. Documents of British Foreign Policy 1919–1939. First Series. Vol. XII. London: H.M.S.O., 1962. 841 p.

Задача единоличной власти в том, чтобы она сделала для народного блага то, чего не в силах сделать сам народ через свои органы.

В.О.Ключевский

Верховная власть достойна почитания
лишь постольку, поскольку она
является средством обеспечения
человеческих прав.

Астольф де Кюстин

Ксения Барабанова

**ПЕТЕРБУРГСКИЕ ВРАЧИ
ГЛАЗАМИ ПАЦИЕНТОВ ВО
ВРЕМЯ ЭПИДЕМИИ ХОЛЕРЫ
В 1831 году**

УДК
94(47)"1831"

В 1831 году в Санкт-Петербурге вспыхнула первая эпидемия холеры, которая запомнилась Холерным бунтом на Сенной площади 22–23 июня. Самыми близкими к горожанам в это время были врачи, выступавшие в качестве представителей власти. После того, как горожане устроили охоту на врачей, обвиненных в убийстве пациентов, были предприняты меры по формированию положительного образа врача, для чего был использован широкий спектр средств: от публикаций в газетах до проповедей в церквях. Это было важным шагом на данном этапе формирования российской медицинской корпорации.

In 1831, the first cholera epidemic broke out in St. Petersburg, which was remembered by Cholera rebellion on Sennaya Square from June 22–23. The closest to the townspeople at this time were doctors, who acted as representatives of the authorities. After the townspeople staged a hunt for doctors accused of killing patients, measures were taken to form a positive image of a doctor. To overcome the negative image was used a wide range of measures: from publications in newspapers to sermons in churches. This was an important step at this stage in the formation of the Russian medical corporation.

Ключевые слова: врачи; корпорация; сообщество; образ; холера; Санкт-Петербург; 1831.

Key words: doctors; corporation; community; image; cholera; St. Petersburg; 1831.

E-mail: barabanova13@gmail.com

Летом 1831 года Санкт-Петербург жил в условиях чрезвычайной ситуации. 14 июня в городе было объявлено о начале эпидемии холеры. Позже холера станет частой гостьей в столице Российской империи, но в 1831 году она впервые посетила невские берега.

Любая чрезвычайная ситуация, а особенно эпидемия в крупном городе, позволяет обратиться исследователям к скрытым конфликтам и процессам, которые в обыденное время незаметны. Главными героями того лета стали врачи, с которыми обычно горожане сталкивались крайне редко, потому что самих врачей в Петербурге было только 265 человек, а их услуги были доступны ограниченному числу нуждающихся. Конечно, были и те, кто добровольно избегал обращения к специалистам. В условиях эпидемии и принудительного лечения, которое применялось к подозрительным больным, врачи стали играть главную роль в жизни большинства петербуржцев, т.к. именно они выносили решение о госпитализации и тем самым решали, кто останется жить, а кто умрет. Благодаря сложившейся обстановке летом 1831 года мы получаем возможность изучить российское медицинское сообщество в момент его становления. Размах первой эпидемии холеры позволяет нам рассмотреть отечественного врача глазами его пациентов, а также и то, как власти, чьим главным представителем в тот момент был медик, формировали официальный образ доктора.

Историки о героях отечественной медицины

Историю медицинского сообщества начали изучать еще в XIX в. в рамках истории специализированных учебных заведений и медицинского образования в них [36; 43; 48].

Важным этапом становления российского медицинского сообщества стала реформа медицинского образования в начале XIX в., рассмотренная Я.А.Чистовичем в книге «История первых медицинских школ» [50]. Большое количество исследований посвящено созданной в ходе реформы Императорской медико-хирургической академии [30; 31; 35; 37]. Результаты реформы в сфере образования проявились во время Отечественной войны 1812 г. Война, будучи событием экстремальным, позволяет исследователям подробнее изучить состояние медицины. Важным аспектом при изучении медицины в этот период является становление медицинской службы и ее снабжение [19; 28; 32].

В работе «История медицины Санкт-Петербурга» А.А.Будко рассмотрел вопрос о роли первой эпидемии холеры в становлении и развитии отечественной медицины. Автор описал героическую борьбу петербургских врачей с новой болезнью, не уделяя, однако, внимания таким сюжетам, как недоверие горожан к врачам, массовые нападения на медиков, попытки горожан разгромить и уничтожить специальные больницы, в которые свозили заболевших холерой [22].

Исследованием медицинского сообщества в первой половине XIX в. занимаются Е.А.Вишленкова и ее ученица З.С.Гатина. В своих работах Вишленкова рассматривает взаимоотношения врачей и государства [24; 25; 26]. Основными источниками для Вишленковой и Гатиной являются медико-топографические описания, литературные, публицистические материалы, а также медицинские исследования второй половины 1830–1840-х гг. [29].

Проблема становления медицинского сообщества рассматривается также в контексте социологии профессий [52; 53; 54; 56].

Обращаясь к роли врачей в период эпидемии холеры, Родерик МакГру пришел к выводу, что реформы образования, которые были проведены в XVIII в., дали плоды только в начале XIX в. К 1830-м годам российские университеты создали новые активные социальные группы, одной из которых стали медики. МакГру видит во врачах важный элемент зарождающейся русской интеллигенции. Автор отмечает также, что российские врачи были частью европейского медицинского сообщества [55].

Традиционно в истории медицины врачи предстают как герои, сражающиеся с ужасным монстром – болезнью [18; 32; 39]. Так написано большинство биографий, такой же стратегии придерживается и Р.МакГру, описывая петербургских медиков. Альтернативой такому взгляду может быть история медицины глазами больного. Известный британский историк Р.Портер в статье «Взгляд пациента. История медицины "снизу"» убедительно продемонстрировал, как писать историю медицины «снизу», анализируя конкретный документальный материал. Он предлагает «заглянуть внутрь пациентов», то есть посмотреть, как они относились к своей болезни и пытались ее классифицировать, как переживали боль [40]. Рассматривая практику родов, Юрген Шлюмбом в своей статье о родовспомогательной клинике в Гёттингенском университете также затрагивает вопрос об отношении пациенток к врачу и отказа от профессиональной медицинской помощи [51].

«... холера со всеми своими ужасами явилась в Петербург»

Санкт-Петербург не был первым городом на пути холеры. Впервые в Российскую империю Cholera morbus проникла в 1823 году, после чего исчезла до 1828 года, когда вновь обнаружилась в Астрахани. В 1830 году болезнь распространилась на многие города империи. Показательно, что практически все они стояли на водных путях. Москва, также ставшая жертвой эпидемии, в те времена получала значительную часть необходимого продовольствия и топлива по воде. Несмотря на свою маловодность, Москва-река была важной транспортной артерией, поскольку являлась притоком Оки, которая, в свою очередь, была одним из важнейших притоков Волги.

Эпидемия, разразившаяся осенью 1830 года в Москве, стала сигналом о возможной угрозе Санкт-Петербургу. Пока в белокаменной «Соединенный совет»¹ выстраивал противоэпидемические мероприятия, в Петербурге начали подготовку против распространения возможной эпидемии, которая счастливо обошла столицу в 1830 году.

Именно по одному из водных путей, связывавших Санкт-Петербург с бассейном Волги по Мариинской системе, прибыло судно, на котором 14 июня 1831 года у заболевшего пассажира доктор Д.Д.Бланк диагностировал холеру. К тому времени сам пассажир и все контактировавшие с ним находились в столице уже 18 дней, так как указанное судно пришло в город еще 28 мая. Это был первый случай выявления данного заболевания и, возможно, главный источник заражения. Холера могла проникнуть в то лето в город и другими путями, но документальных подтверждений этой версии не обнаружено. Нельзя исключать сокрытие иных случаев заболевания, поскольку в условиях чрезвычайной ситуации чиновники предпочитали дистанцироваться от возможных обвинений в недосмотре, а также в постановке врачами ошибочных диагнозов, поскольку уровень диагностики в первой трети XIX века был невысок.

Первый больной холерой был спасен доктором Бланком, однако болезнь проникла в город и стала быстро распространяться. В тот же день 14 июня в четыре часа утра в Рождественской части, находящейся на восточной окраине города, в доме купца Богатова признаки заболевания обнаружили у работника живописного мастера. Через 15 часов после

¹ «Соединенный совет» – временный чрезвычайный орган, созданный для реализации противоэпидемических мероприятий. Учрежден в Москве 18 сентября 1830 г. Возглавил Совет московский военный генерал-губернатор Д.В.Голицын.

освидетельствования больной скончался и стал первой официально зафиксированной жертвой холеры. Затем больные появились и в других частях города: Литейной, 2-й Адмиралтейской. Мы можем предположить, что распространение эпидемии началось от районов, наиболее близких к Неве. Всего по официальным данным с 14 июня по 5 ноября в Петербурге заболело 9 245 человек, из которых умерло 4 757, т.е. более половины [46, 1831. №253. 7 ноября].

Сразу после начала эпидемии 16 июня 1831 г. в Петербурге был учрежден «Комитет для принятия мер противу распространения холеры в здешней столице» (далее Комитет). Его возглавил петербургский военный генерал-губернатор П.К.Эссен. В состав Комитета на первых порах также вошли министр внутренних дел А.А.Закревский, военный министр А.И.Чернышев и начальник морского штаба А.С.Меншиков, позднее состав расширился за счет представителей городской администрации и врачей.

Для реализации противоэпидемических мероприятий города охваченные эпидемией районы делились на медицинские части, которые в случае с Москвой и Петербургом совпадали с административным делением городов. Такая локализация была отголоском карантинных мер, выработанных против чумы, и способствовала организации помощи на местах. Петербург был поделен на 13 медицинских частей, в каждый из них были назначены попечители. Среди них такие известные фигуры как, С.С.Уваров, И.С.Горголи, П.И.Полетика, В.И.Болгарский, П.Ф.Буксгевден и А.И.Михайловский-Данилевский. В обязанности попечителей и их помощников входила не только реализация противоэпидемических мероприятий в частях (временные холерные больницы, карантин и пр.), но и осмотр проживающих в домах, расположенных в этих частях, и принятие решения вместе с врачом о госпитализации больных. В медицинских частях попечители были главными представителями власти, они отвечали за борьбу с холерой в отдельно взятой части города. Тем не менее мы не находим каких-либо упоминаний об их деятельности, оценок их работы. Можно предположить, что попечители, равно и их помощники (о них также нет никаких упоминаний в воспоминаниях и дневниках), не вызывали у горожан стойкой ассоциации со строгими противоэпидемическими мероприятиями, особенно с принудительной госпитализацией. Скорее всего, попечители с помощниками не исполняли данных им инструкций и если и являлись для осмотра больных, то только больных из высшего общества.

Руководство медицинской частью осуществлялось частным медицинским инспектором.

Медицинская часть	Частный медицинский инспектор
1-я Адмиралтейская часть	доктор М.А.Маркус
2-я Адмиралтейская часть	доктор Х.Я.Витт
3-я Адмиралтейская часть	доктор В.В.Лерхе
4-я Адмиралтейская часть	доктор С.Ф.Вольский
Нарвская часть	доктор П.Ф.Окель
Московская часть	доктор Я.А.Аверинариус
Литейная часть	доктор И.В.Буяльский
Рождественская часть	доктор Е.Ф.Блум
Васильевский остров	штаб-лекарь И.Е.Зеланд
Петербургская часть	штаб-лекарь Г.И.Элькан
Выборгская часть	доктор П.И.Лукин
Охта	доктор П.Ф.Горянинов
Каретная часть	доктор П.А.Чаруковский

Таблица 1. Частные медицинские инспекторы

Инспектор отвечал за меры против распространения холеры (карантины, оцепление и очищение домов, где были обнаружены больные). Он также принимал решение о госпитализации больного, консультировал квартальных врачей в сложных случаях, наблюдал некоторых пациентов [8, л.99]. Кроме административных обязанностей, инспекторам было поручено следить за ходом эпидемии, протеканием болезни у пациентов, отмечать, какие способы лечения наиболее эффективны. Результаты наблюдений было предписано предоставлять на рассмотрение министру внутренних дел через генерал-штаб-доктора по гражданской части [8, л.99]. Все инспекторы имели опыт работы в чрезвычайных ситуациях, которые требовали быстрой реакции на быстро изменяющуюся обстановку. Это и опыт создания временных больниц в Отечественную войну 1812 г., и работа в условиях наводнения в Петербурге в 1824 г. и холеры в Москве 1830 г. Кроме того, они служили в военных госпиталях и гражданских больницах и даже возглавляли их.

16 июня 1831 г. Комитет принял решение об организации в общей сложности 19 временных холерных больниц, рассчитанных на 820 кроватей (сюда относились и открытые в 1830 г.). 21 июня министр внут-

ренных дел граф А.А.Закревский доложил императору Николаю I, что временные больницы не готовы к приему больных, так как не укомплектованы необходимыми вещами [9, л.20 об.].

Улучшения в медицинской части произошли только после холерных волнений в городе². 25 июня 1831 года в Петербурге была отменена принудительная госпитализация [45, 1831. №147. 25 июня]. Теперь петербуржцы могли не только лечиться дома, но и сопровождать больного в больницу. В самой же больнице можно было справляться у попечителя больницы о здоровье родственника. В больницы были назначены священники [45, №147. 25 июня]. Для улучшения работы медицинской части была расширена система попечительства. 30 июня в помощь попечителям были назначены «попечители от купечества». В их обязанности входила организация временных холерных больниц. В дальнейшем финансирование и организация новых лечебных учреждений, в основном, были возложены на купечество [11, л.23 об.]. К концу августа 1831 г. в Петербурге работало 13 больниц на 693 места, организованных купечеством [7, л.96–97 об.]. Благодаря работе над ошибками в Петербурге удалось избежать повторения событий июньского Холерного бунта на Сенной площади, но произошедшее вскрыло реальное отношение горожан к врачам.

«Внемлите гласу Божьему и слушайте Врачей, имеющих более разума, чем вы»

Хотя об эпидемии холеры было объявлено официально и всякого рода мероприятия проводились в рамках борьбы с нею, значительная, если не большая, часть петербуржцев не верила в существование холеры. Болезнь, по мнению горожан, была вызвана отравлением, и первые слухи о неких «отравителях» появились в городе еще осенью 1830 г. Попытки их опровергать с помощью печатного слова не приносили особого успеха из-за традиционного недоверия к власти [46, 1830. №134. 8 ноября].

Несмотря на то, что в Москве в 1830 году удалось избежать массовых беспорядков, подобных чумному бунту 1771 г., опасность таковых существовала, поскольку москвичи так же, как и петербуржцы, были во власти многочисленных слухов. Целый комплекс московских слухов за

---

² В июне 1831 г. по Петербургу прокатилась волна холерных волнений, самым известным эпизодом из которых стал Холерный бунт на Сенной площади 22 – 23 июня. Горожане нападали на врачей, разрушали холерные больницы и освобождали из них пациентов. В ходе волнений были избиты и убиты несколько врачей.

1830 г. собрал в своих записных книжках П.А.Вяземский, который предпочел уединиться в своем имении в Остафьево и там переждать холеру. Ему стало известно, что в Москве говорили о том, что в холерные больницы отправляли силой, чтобы там морить. Одна купчиха будто бы наотрез отказалась пить лекарство, прописанное врачами, после чего они ее «наконец прогнали, говоря, что с нею, видно, делать нечего: никак не уморишь» [27, с.140]. Говорили и о поимке на заставе переодетых и с подвязанными бородами бежавших из Сибири декабристов. Вяземский также упомянул, что в его руки попало письмо остафьевского столяра из Москвы, где он писал родителям: «Нас здесь режут как скотину» [27, с.141]. Уже в декабре до Вяземского дошли слухи о том, что в больничную прислугу нанимали публичных девок и открылось это в больнице, которая располагалась в доме Пашкова (больница была открыта московской полицией) [27, с.147].

С началом эпидемии в Петербурге в 1831 г. слухи вспыхнули с новой силой. «Отравителями» в глазах петербуржцев, в первую очередь, выступали поляки, что было связано с Ноябрьским восстанием 1830–1831 г. [20, с.160]. Они якобы подсыпали яд в колодцы, в бочки с водой и отравили Неву [41, с.695]. Слух об отравлениях распространился и охватил умы многих даже за пределами Санкт-Петербурга [5; 6].

Недовольство горожан вызывало, прежде всего, насильственное помещение заболевших в холерные больницы. В воспоминаниях современников прослеживается общая черта: авторы были уверены в том, что в больницы забирают всех без исключения и единственный способ выжить – это избежать госпитализации. Во время холерных волнений горожане нападали на холерные кареты и освобождали из них больных, кареты опрокидывали или скидывали в каналы, а возчиков избивали [47, с.962; 4, лл.1 – 6 об.].

Нельзя исключать, что в холерные больницы попадали здоровые горожане, которые были отправлены туда в нетрезвом состоянии. Придя в себя, они начинали дебоширить и старались уйти из больницы, представляющей собой, как отметил А.В.Никитенко, «только переходное место из дома в могилу» [34, с.107]. Для этого они прибегали к различным хитростям, подкупам, а иногда даже дрались с докторами и сторожами. Вырвавшись из больницы, дома они появлялись на людях нередко в одном больничном халате, рассказывая всем, что в больницы отправляют здоровых.

Такие случаи усиливали слухи о взаимодействии «отравителей» и врачей, которые открыли больницы, куда народ свозила подкупленная

ими полиция. Одной из причин недоверия, а иногда даже и ненависти к врачам была уверенность горожан в том, что медики невнимательны к больным до того, что не могут отличить больных от здоровых, а мертвых от живых.

22 июня И.В.Селиванов стал свидетелем того, как толпа разрушила больницу на Подъяческой улице и «разобрала дом до основания» [47, с.962]. В тот же день была буквально стерта с лица земли холерная больница в Таировском переулке рядом с Сенной площадью. Разогнать толпу тогда были призваны учебный саперный батальон, Измайловский батальон, потом взвод жандармов и 2 орудия. На следующий день к вновь собравшейся толпе прибыл император Николай I.

Рис.1. Император Николай I своим присутствием усмиряет холерный бунт в Санкт-Петербурге в 1831 году. Литография из французского периодического издания Album Cosmopolite. Датирована 1839 годом

23 июня 1831 г. в Московской части толпа напала на штаб-лекаря Московской части коллежского асессора Ф.Ф.Кралецкого [42, с.71]. Медика стащили с дрожек и избили. До этого Кралецкий был награжден орденом Св. Анны 3 степени за помощь пострадавшим от наводнения в 1824 г. [1, л.78 об.]. 25 июня нападению подвергся частный медик Каретной части штаб-лекарь Костылев. Врач ехал к пациентке, когда

его остановили на улице и попросили оказать помощь больному, который уже не мог говорить. После осмотра Костылев констатировал смерть и приказал фурманщикам³ отвезти тело в Съезжий дом. Оказалось, что больной был еще жив и даже двигался. Толпа пришла в волнение, послышались обвинения в адрес доктора. Когда через четверть часа Костылев возвращался той же дорогой, на него напала толпа, обыскала и избивала. Несмотря на то, что многие участники событий ранее прибегали к профессиональной помощи Костылева, его обвинили в том, что он отравил мужика. Прибывшие вскоре военные команды отбили штаб-лекаря [42, с.81]. Всего в ходе беспорядков пострадали и были убиты несколько врачей. Было даже сделано специальное заявление от лица городских властей, что те, кто продолжит беспорядки и убийства, не будет повиноваться полицейским или другим представителям власти, а тем более продолжит охоту на врачей, будет наказан [46, 1831. №141. 26 июня].

В начале эпидемии сформировался образ врача как врага горожан, которые видели себя жертвами. От медиков зависело решение о госпитализации, которая пугала петербуржцев больше, чем сама холера. Таким образом, горожане считали врагами главных представителей власти. Чтобы исправить положение, были приняты шаги для формирования положительного образа медика. В статье, помещенной в «Северной пчеле», П.К.Эссен с похвалой отзывался о самоотверженной службе врачей во время эпидемии и призывал горожан уважать их за работу по оказанию помощи больным холерой [46, 1831. №141. 26 июня]. В июле 1831 г. в петербургских газетах начали появляться благодарности врачам. 2 июля в «Северной пчеле» была опубликована благодарность титулярного советника Гинтера инспектору 4-й Адмиралтейской части лейб-медику С.Ф.Вольскому. Вольский вовремя отправил этого пациента в Екатерингофскую больницу, где тот полностью поправился во многом благодаря доктору этой лечебницы, старшему советнику К.И.Роде [46, 1831. №145. 2 июля].

Опубликованная благодарность должна была помочь изменить представление горожан о врачах. Для достижения поставленной задачи доктор С.Ф.Вольский подходил идеально, так как зарекомендовал себя как опытный врач. Популярности этого человека способствовал его блестящий послужной список: уже во время обучения в медико-

³ Фурманщик – член петербургской фонарной команды. В период эпидемии поднимали больных и мертвых с улиц города, перевозили больных из их домов в больницы. Служба организована по аналогии с работой «мортрусов» (колодники) во время чумных эпидемий.

хирургической академии он показал себя талантливым хирургом. Окончив это престижное учебное заведение в 1807 году, Вольский надел мундир военного доктора и участвовал в нескольких кампаниях, включая Отечественную войну 1812 г. (сражения при Смоленске, Бородино и т.д.). Выйдя в отставку в 1823 году, он успешно практиковал, а затем вернулся в медико-хирургическую академию, где получил звание доктора медицины и хирургии. В 1829 г. Вольский был назначен главным доктором петербургского приказа общественного призрения. Когда в Петербурге вспыхнула эпидемия, его определили инспектором 4-й Адмиралтейской части. Эту должность он исполнял до 8 июля, после чего был откомандирован в Финляндию министром внутренних дел А.А.Закревским для борьбы с появившейся там холерой. 23 сентября Вольский вернулся к своим обязанностям инспектора в Петербурге [16, лл.516–524 об.; 18].

«Благодарственные» публикации в адрес врачей были уже опробованным инструментом для формирования благоприятного для них общественного мнения. В конце октября 1830 г. в Москве в «Ведомостях» было опубликовано письмо бывшей пациентки Мещанской больницы некой Мавры Павловны, в котором она благодарила всех, кто ухаживал за ней. Врачи и персонал, по ее свидетельствам, были «все так кротки и ласковы». Она уверяла, что кормили в больнице хорошо, давали целый французский белый хлеб, два раза в день суп и грели траву с липовым медом. Это письмо было передано в редакцию титулярным советником Далем и опубликовано «без перемен» [23, 1830. №34. 26 октября]. Как видим, в Петербурге был использован опыт Москвы по преодолению отрицательного образа врача. В 1830 г. в Москве благодарность неграмотной женщины записал и передал посредник, а сам текст был написан простым языком. В 1831 г. благодарность выражает чиновник. Представляется, что благодарности в Москве и Петербурге были обращены к разным группам горожан и были направлены на преодоление разных проблем. Общей проблемой было представление о врачах как врагах и образе больницы как опасного места. Различие состояло в том, что в Москве акцентировали внимание на организации питания в больницах для малообеспеченных граждан, в Петербурге старались смягчить впечатление от принудительной госпитализации.

«Северная пчела» рассказывала своим читателям об Августе Шульц, дочери доктора медицины Шульца, прусской подданной, которой было тогда 23 года. После закрытия пансиона по случаю холеры, в котором она служила гувернанткой, девушка стала ухаживать за больными жен-

щинами, находившимися в лазарете лейб-гвардии Финляндского полка. От предложенного жалования в 300 рублей в месяц она отказалась [46, 1831. №156. 15 июля]. Работа А.Шульц была отмечена в городской прессе как пример самоотверженной заботы медицинского персонала о страждущих. Известно, что инициатором этой публикации был император Николай I, который повелел назначить А.Шульц пенсию по 2 тыс. рублей в год вплоть до ее смерти [46, 1831. №151. 21 июля].

Выбор Августы Шульц как примера самопожертвования интересен тем, что образ девушки совпадал с теми представлениями о враге, которые складывались у горожан во время эпидемии: немка, дочь медика. Тех и других, наряду с поляками, считали возможными отравителями. В списке врачей за 1830 г. доктор Шульц не значится, в «Российском медицинском списке» есть два доктора с такой фамилией – Карл и Антон [44, с.262], а в Литейной части трудился лекарь Шульц. Таким образом, данная благодарность могла преследовать целью не только исправление образа врача-немца-отравителя, но и показать, что работа младшего медицинского персонала была столь же качественно исполняемой, как и работа таких врачей, как Вольский.

История девицы Шульц, так хорошо использованная для преодоления отрицательного образа врача и холерной больницы, не уникальна. В 1830 г. в Москве добровольно и бесплатно за больными ухаживала дочь титулярного советника, девица Матрена Струкова. Она безотлучно находилась при больных, в результате чего сама заболела холерой. Сразу после выздоровления она вернулась к своим обязанностям. За ее труды ей была назначена пенсия в 200 руб. в год [12, л.174 об.]. Сообщения о подвиге Шульц являются полным повторением сведений о работе Струковой.

15 июля в «Северной пчеле» был опубликован отрывок из письма в Москву к адресату, который скрывался за инициалами В.А.У. В своем исследовании «Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии» Р.Уортман отсылает к обращению Николая Павловича к москвичам в 1830 г. и петербуржцам в 1831 г. [49]. Уортман ссылается на эту статью в «Северной пчеле», где в форме корреспонденции воздаются похвалы Николаю I и чиновникам. Если Уортман делает акцент на личности императора, то мы обратимся к роли врачей и лекарей, освещенных в той же статье. Так, в статье есть призыв: «Внемлите гласу Божьему и слушайте Врачей, имеющих более разума, чем вы» [46, 1831. №156. 15 июля]. Автор письма говорил о доверии императора к медикам как к мастерам своего дела, призывая не бояться докторов и больниц, при этом использовался проверенный прием: ссылка на авторитет

известного полководца А.В.Суворова, который неоднократно признавал профессионализм врачей.

В.Г.Березина отмечала в своей работе «Русская журналистика второй четверти XIX века», что с 1825 г. «Северная пчела» превратилась в правительственный орган. Начальник III отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии Бенкендорф поручал своему сотруднику М.Я. фон Фоку составлять статьи, отражающие точку зрения правительства на вопросы внешней политики. Эти статьи печатались как редакционные [21, с.15]. Есть основание полагать, что попытки исправить отрицательный образ врача были продолжением практики таких публикаций.

Еще одним средством для создания положительного образа медика было использование потенциала православной церкви, на служителей которой власть возложила обязанность по успокоению прихожан. 9 августа 1831 г. обер-прокурору Синода П.С.Мещерскому поступило отношение от Бенкендорфа, в котором говорилось о том, что император Николай Павлович «в отеческом попечении своем о благе и успокоении своих верноподданных в нынешнее скорбное время» увидел, что лучшим его помощником в этом деле является православное духовенство [14, л.86]. 31 июля 1831 митрополиту новгородскому и петербургскому Серафиму было высочайше поручено составить увещание «по случаю распространившейся холеры» [13, л.л.1–2], которое священники должны были читать по окончании божественной литургии. Священникам предписывалось не только читать молебен, но и «преподавать» прихожанам во время церковных служб, т.е. и при всяком удобном случае разъяснять изложенное в тексте увещание для предотвращения возникновения новых холерных волнений [3, л.л.1–1 об.].

В увещании требовалось объяснить прихожанам, что эпидемия холеры не что иное, как небесное наказание, посланное на Россию. Несмотря на признание массового заболевания «божьей карой», правительство, как указывалось в этом послании, принимает все меры для борьбы с холерой. Подданные должны были довериться медикам и исполнять все их предписания. Особо отмечалась необходимость своевременного вызова врача (при первых признаках болезни). Правительство и церковь подчеркивали то, что медики жертвовали своими жизнями и поэтому были достойны уважения и благодарности. Все слухи об отравлении назывались необоснованными, а тех, кто их распространял, объявляли врагами общего спокойствия. Пастырское увещание митрополита Серафима было написано доступным и ярким языком и должно было распространяться в напечатанном варианте.

Власти использовали разные способы воздействия на горожан: печатное слово и устное обращение уважаемых церковных деятелей. Таким образом, важная с точки зрения властей информация доносилась как до грамотных, так и до неграмотных горожан. Поскольку грамотные также посещали церковь, а неграмотные часто слушали тех, кто держал в руках печатное издание, можно говорить о систематическом и настойчивом воздействии на умы.

28 августа 1831 г. Святейший Синод распорядился «О рассылке в епархии составленного митрополитом Санкт-Петербургским пастырского увещания к народу по случаю холеры и другие распоряжения по этому же предмету» [38]. Предложение о распространении увещания к народу поступило в Синод от генерал-адъютанта А.Х.Бенкендорфа. Было принято решение напечатать увещание в количестве 9000 экз.

Деятельность врачей во время эпидемии холеры в Петербурге в 1831 г. была оценена властями положительно. После эпидемии в Москве последовало множество награждений, причем Комитет министров определял форму и ранг поощрений и ранг знаков отличия. При этом соблюдался принцип награждения только за «особые заслуги». Точное исполнение своих служебных обязанностей, неподтвержденные сведения о благотворительности, а также действия частных лиц, по собственному желанию принявших участие в благотворительности, не давали оснований для включения в списки награждаемых [2, л.501–503].

После эпидемии холеры в Москве в 1830 г. доктору Маркусу было пожаловано звание почетного лейб-медика [10, л.152]. Ему было назначено выплачивать в течение 12 лет по 2 тыс. рублей сер. [17, л.91 об.]. За борьбу с холерой С.Ф.Вольский был награжден орденом Св. Анны 2 степени, украшенным императорской короной [16, л.524]. В конце 1831 г. Николай I пожаловал В.В.Лерхе брильянтовый перстень за помощь больным чиновникам и служителям императорского дворца [15, л.26 об.].

Рис.2. Михаил Антонович Маркус. Литография по оригиналу Ф.Крюгера. 1830-е гг.

Заключение

Поскольку москвичам и петербуржцам была неизвестна организация здравоохранения в условиях чрезвычайной ситуации, у них не было ясного представления о властных полномочиях представителей администрации и медицинских чиновников. Горожане имели дело в основном с квартальными врачами, которых считали представителями власти, принимавшими решение о госпитализации, т.е. о том, жить или умереть больному. Поэтому острое народное недовольство было направлено именно на них. Их обвиняли в помощи неким «отравителям» и «полякам». Инспекторов частей горожане не считали врагами-отравителями. Квартальные врачи, с одной стороны, воспринимались как представители власти, а с другой, – как враги, отравители, убийцы. Для борьбы с подобными взглядами были предприняты решительные шаги по преодолению отрицательного образа врача.

Во время эпидемии холеры в Санкт-Петербурге в 1831 г. мы имеем возможность взглянуть на формирующееся медицинское сообщество в условиях чрезвычайной ситуации. Именно в это время врачи становятся объектом внимания как государства, так и горожан. В Петербурге были применены те же мероприятия, которые зарекомендовали себя с положительной стороны во время эпидемий чумы.

В начале эпидемии была организована помощь заболевшим в медицинских частях, принудительная госпитализация и открыты временные холерные больницы. Все эти мероприятия не удалось осуществить сразу. В городе начались нападения на врачей и больницы, после чего в столице было введено военное положение. Первым шагом для нормализации ситуации была отмена мероприятий, которые вызывали недовольство у петербуржцев, т.е. изменения в мерах по борьбе с эпидемией были внесены не под влиянием экспертного знания, а под натиском недовольной толпы.

В первый период эпидемии в Петербурге были выстроены жесткие меры против холеры, что вызвало недовольство горожан. Из-за холерных волнений были внесены изменения в проводимые мероприятия, например, была отменена принудительная госпитализация. Одновременно власти пытались улучшить образ врача в глазах горожан. Для этого были использованы газетные публикации, в которых размещались отзывы и благодарности от выздоровевших пациентов и увещевания к православному.

Медики выполняли роль чрезвычайных чиновников, отсюда пристальное внимание властей к образу врача и попытка изменить его в положительную сторону. Поощряя развитие медицинского знания и встраивание российских врачей в европейский научный мир, власти способствовали переходу представителей «врачебного сословия» на принципиально иной уровень осознания себя как профессиональной корпорации. Это, в свою очередь, вело к пересмотру медиками своего места в российском обществе и своих отношений с властью, которые в полной мере проявятся в эпоху Великих реформ.

Библиографический список

1. [О награждении членов и чиновников центрального комитета равно и частных комитетов за труды] // ЦГИА СПб. Ф.187. Оп.1. Д.96.
2. [О правилах, кои должно соблюдать при представлении к награде за подвиги к прекращению холеры] // ЦГА Москвы ЦХД до 1917 г. Ф.16. Оп.7. Д.1354.
3. [О содействии духовенства высшему начальству в сохранении порядка и спокойствия в народе при появлении в России холеры] // ЦГИА СПб. Ф.19. Оп.23. Д.41.
4. [Об освидетельствовании 2-х карет извозчиков Жуковых, изломанных во время холерных волнений] // ЦГИА СПб. Ф.223. Оп.1. Д.343.
5. [По выписке из всеподданнейшего рапорта о неповиновении некоторых граждан города Сызрани по случаю холеры] // РГИА. Ф.1286. Оп.5. Д.439.
6. [По донесении Тверского гр. Генерал губернатора о произведенных в городе Твери между простым народом беспорядков от неосновательных, по случаю появления там болезни холеры, только, и о прикосновенных к делу учителя тверской гимназии Будревича и канцеляриста Чечоты] // РГИА. Ф.1286. Оп.5. Д.479.
7. [Рапорт градского главы военному генерал-губернатору от 30 июля 1831 г.] // РГИА. Ф.660. Оп.1. Д.41.
8. Инструкция для частных медицинских инспекторов // РГИА. Ф.1299. Оп.16. Д.533.
9. О мерах к прекращению заразы в столице // РГИА. Ф.660. Оп.1. Д.41.
10. О наградах, всемилостивейшее пожалованных чиновникам и другим лицам, имевшим особенное усердие к прекращению холеры в Москве // ЦГА Москвы ЦХД до 1917 г. Ф.16. Оп.7. Д.1354.
11. О ходе болезни в столице // РГИА. Ф.660. Оп.1. Д.41.
12. Список чиновникам и другого звания лицам, представленным и комитетом министров удостоенным к награждению за содействие к прекращению болезни холеры в Москве и тамошней губернии // ЦГА Москвы ЦХД до 1917 г. Ф.16. Оп.7. Д.1354.
13. Увещание православным христианам // РГИА. Ф.815. Оп.16. Д.1016.
14. Указы его императорского величества самодержца всероссийского, из С.Петербургской духовной консистории, в Ямбургское духовное правление // ЦГИА СПб. Ф.19. Оп.22. Д.35.

Редакционная почта

---

15. Формулярный список о службе лейб-окулиста двора его императорского величества действительного статского советника Василия Лерхе // РГИА. Ф.469. Оп.1. Д.249.
16. Формулярный список о службе почетного лейб-медика доктора медицины и хирургии, консультанта Калининской больницы, действительного статского советника и кавалера Семена Федоровича Вольского // РГИА. Ф.469. Оп.1. Д.249.
17. Формулярный список службы председателя медицинского совета, лейб-медика ея императорского величества, действительного статского советника Маркуса // РГИА. Ф.469. Оп.1. Д.249.
18. Архангельский Г.В. С.Ф.Вольский – российский историк медицины 30–40-х гг. XIX в. // Проблемы социальной гигиены и история медицины. 1997. №2. С.53–55.
19. Бабенко О.В., Карпенко И.В., Собакарь С.В. Исторические аспекты учения медицинского обеспечения войск // Научные труды ГИУВ МО РФ. Т.5. М., 2005. С.86–87.
20. Базылев Л. Поляки в Петербурге. СПб.: Блиц, 2003. 447 с.
21. Березина В.Г. Русская журналистика второй четверти XIX века (1826–1839 гг.). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. 102 с.
22. Будко А.А. История медицины Санкт-Петербурга XIX – начала XX в. СПб.: Нестор-История, 2010. 399 с.
23. Ведомость о состоянии города Москвы.
24. Вишленкова Е.А. «Выполняя врачебные обязанности, я постиг дух народный»: самосознание врача как просветителя государства (Россия, первая половина XIX в.) // *Ab Imperio*. 2011. №2. С.47–79.
25. Вишленкова Е.А. Рецензирование как механизм саморегулирования медицинской профессии в России 1830–1840-х годов // *Диалог со временем*. 2015. №50. С.170–200.
26. Вишленкова Е.А., Гатина З.С. «Изложить предмет сциентифически»: русские врачи и их полевые исследования (первая половина XIX века) // *Российская история*. 2015. №3. С.154–169.
27. Вяземский П.А. Записные книжки. М.: Рус. кн., 1992. 379 с.
28. Гаврилов С.В. Организация снабжения русской армии накануне и в ходе Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813–1815 гг.: Автореф. дис. ... к.ист.н.: Спец. 07.00.02. СПбГУ. СПб, 2003. – 22 с.
29. Гатина З.С. Российская империя глазами медика (первая половина XIX века) // В кн.: *Россійска імперія у XIX – на початку XX ст. влада і суспільство: механізми взаємодії*. Чернігов: Видавець Лозовий В.М., 2014. С.248–260.
30. Грибанов Э.Д. История развития медицинского образования. М.: Би., 1974. 40 с.
31. История императорской Военно-медицинской (бывшей медико-хирургической) академии за сто лет. 1798–1898 / Сост. под ред. проф. Ивановского. СПб., 1898. 828 с.
32. Корнеев В.М., Михайлова Л.В. Медицинская служба в Отечественную войну 1812 года. Л.: Медгиз, 1962. 91 с.
33. Маргорин Е.М. Илья Буяльский. Л.: Ленинградское отделение Медгиза, 1948. 120 с.
34. Никитенко А.В. Дневник (1826–1877). Т.1. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. 541 с.
35. О образовании Императорской Медико-хирургической академии. СПб.: в Медицинской типографии, 1808.77 с.

36. Отт Д.О. Сто лет деятельности императорского Клинического повивального института. 1897–1897. СПб.: Гос. тип., 1898. 1281 с.
37. Павловский Е.Н. Военно-медицинская академия им. С.М.Кирова за 140 лет. 1798–1938. Л.: Воен.-мед. акад. Кр. Армии им. С.М.Кирова, 1940. 102 с.
38. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания Российской империи. 1825–1835 гг. СПб., 1915. №386. 28 августа 1831 г. «О рассылке в епархии составленного митрополитом Санкт-Петербургским пастырского увещевания к народу по случаю холеры и другие распоряжения по этому же предмету».
39. Попов В.Л., Дыскин Е.А. И.В.Буяльский и его роль в развитии отечественной анатомии и судебной медицины. – Л.: Воен.-мед. акад. им. С.М.Кирова, 1990. 60 с.
40. Портер Р. Взгляд пациента. История медицины «снизу» // Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2008. С.41–72.
41. Пржецлавский О.А. Воспоминания О.А.Пржецлавского 1818–1831 гг. // Русская старина. 1874 Т.11. №9. С.665–698.
42. Пупарев А.Г. Холерный месяц в Петербурге. Июнь 1831 г. // Русская старина. 1884. Т.44. №12. С.419–453.
43. Разумовский В.И. Медицина и хирургия в XIX столетии. – М.: Типо-лит. т-ва И.Н.Кушнерев и К^о, 1902. 24 с.
44. Российский медицинский список, изданный по высочайшему повелению. СПб., 1831. 313 с.
45. Санкт-Петербургские ведомости.
46. Северная пчела.
47. Селиванов И.В. Холера в Петербурге в 1831 г. Рассказ очевидца // Русский архив. 1868. №6. С.958–962.
48. Скориченко Г.Г. Столетие Военного министерства. Императорская Военно-медицинская академия. Исторический очерк. 1802–1902. В 2 т. СПб.: Синод. тип., 1902.
49. Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии российской монархии. В 2 т. Т.1: От Петра Великого до смерти Николая I. М.: ОГИ, 2002. 597 с.
50. Чистович Я. История первых медицинских школ в России. В 2 т. М.: Terra Книжный клуб Книголек, 2013. Т.2. 478 с.
51. Шлюмбом Ю. «Беременные находятся здесь для нужд учебного заведения». Больница Гёттингенского университета в середине XVIII–XIX в. // Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины. СПб., 2008. С.73–103.
52. Abbott A. The System of Professions: an Essay on the Division of Expert Labor. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1988. 435 p.
53. Freidson E. Profession of Medicine: A Study of the Sociology of Medicine as Applied Knowledge. – Chicago: The University of Chicago Press. 1988. 419 p.
54. Freidson E. Professionalism: the third logic. Chicago: University of Chicago Press. 2001. 250 p.
55. McGrew R.E. Russia and the Cholera, 1823–1832. Wisconsin, 1965.
56. Starr P. The Social Transformation of American Medicine. New York: Basic Books, 1982. 514 p.

Наши авторы

Бызов Леонтий Георгиевич

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
Федерального исследовательского социологического центра
(Институт социологии РАН)

Черникова Наталья Владимировна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института российской истории РАН

Татаринев Игорь Евгеньевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии
и международных отношений ГОУВПО ЛНР,
«Луганский Национальный Университет имени Владимира Даля»,
г.Луганск, ЛНР/Украина

Гильминтинов Роман Радиевич

Соискатель
Томский государственный университет

Солдатенко Валерий Федорович

доктор исторических наук, профессор, главный научный
сотрудник Института политических и этнонациональных
исследований им. И.Ф.Кураса Национальной Академии Наук
Украины (НАНУ), член-корреспондент НАН Украины

Ранчин Андрей Михайлович

доктор филологических наук, профессор, кафедра истории
русской литературы филологического факультета
МГУ им. М.В.Ломоносова, почетный профессор
Шанхайского педагогического университета

Исхаков Салават Мидхатович

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт российской истории РАН

Барabanова Ксения Сергеевна

кандидат исторических наук, старший преподаватель факультета
истории, автономная некоммерческая частная организация
высшего профессионального образования «Петербургский
институт иудаики» (АНО ВПО «Петербургский институт иудаики»)

Our authors

Byzov Leonty Georgievich

Ph.D. in economics, leading researcher at the Institute of sociology of the Russian Academy of Sciences of the Federal research sociological center

Chernikova Natal'a Vladimirovna

Ph.D., historian, research fellow of the Institute of Russian History, the Russian Academy of Sciences

Tatarinov Igor' Evgen'evich

Ph.D in history, Associate Professor at the Department of Political Science and International Relations of the Ukrainian National University of Lugansk "Lugansk Vladimir Dal University", Lugansk, Lugansk People's Republic of Ukraine / Ukraine

Gil'mintinov Roman Radievich

Aspirant
Tomsk State University

Soldatenko Valerii Fedorovich

D.Sci., historian, Professor, Chief Scholar of the Institute of Political and Ethnonational Studies Research named after I.F.Kuras of the National Academy of Sciences of Ukraine, corresponding member of NAS of Ukraine

Ranchin Andrey Mikhailovich

D.Sci., philologist, Professor, Chair of History of Russian Literature, Philological Faculty of Moscow State University, Honorary Professor of Shanghai Pedagogical University

Iskhakov Salavat Midkhatovich

D.Sci. historian, Leading Researcher,
Institute of Russian History, RAS

Barabanova Ksenia Sergeevna

Ph.D., senior lecturer, history department, autonomous non-profit private organization of higher professional education "Petersburg Institute of Judaica" (ANO VPO "Petersburg Institute of Judaica")

ПОДПИСКА И ПРОДАЖА

**Подписной индекс П8643
по объединенному каталогу
«ПОЧТА РОССИИ»
(подписка возможна с любого месяца)**

**Вы можете приобрести журнал
НА НАШЕМ САЙТЕ KNIGI.ESS.RU
ИЛИ В ОФИСЕ РЕДАКЦИИ**

**Подписка на электронную версию журнала
через Научную электронную библиотеку:
www.elibrary.ru**

**Журнал можно купить в киосках РОССПЭНа
по 2 адресам:**

- ул. Б. Дмитровка, д.15, тел.8-495-694-50-07;
- ул. Дмитрия Ульянова, д.19, тел. 8-499-126-94-18

ISSN 0869–8503

Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.

© «Россия XXI», 2019.

Цена свободная.

Адрес редакции:

123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

Телефон (495) 691-74-79, факс (495) 694-17-54

E-mail: russia21@ecc.ru

<http://www.russia-21.ru>

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.

Подписано в печать 22.04.2019. Формат 60x88 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 11 печ. л.
Тираж 1500 экз. (1 завод 150 экз.) Заказ №

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,
428019, г.Чебоксары, пр. И.Яковлева, 13.

2.2019 march-april

Theory and Practice of the Political Games

Leonty Byzov

The Dynamics of Ideological and Political Preferences
for 25 Years. Three Stages of Transformation
of Social Consciousness (a continuation) _____ **6**

Pages of History

Natal'a Chernikova

Paradoxes of modernization. The Idea of Legality
in the Political Culture of Post-Reform Russia _____ **24**

Igor' Tatarinov

Features of the Formation of the Ukrainian-Russian Border
in 1917–1919 _____ **42**

Roman Gil'mintinov

Radical Inductivism of Istprofs in the Context
of the Early Soviet Historiography _____ **64**

Labels and Myths

Valerii Soldatenko

Christians Rakovsky in the Revolutionary Events in Ukraine
(1918–1923):
the Search for Modern Scientific Accents _____ **86**

Mentality. Strivings for Cultural Wealth

Andrey Ranchin

Characters of Igor and Konchak
in “The Lay of Igor’s Campaign”. The Text
Structure and Facts of History_____110

Topical Archive

Salavat Iskhakov

“... Illusory independent Azerbaijan...”:
Information M.-E.Rasulzade for
the Central Committee of the RCP(b)_130

Readers' Letters

Ksenia Barabanova

Petersburg Doctors Through the Eyes
of Patients During a Cholera Epidemic
in 1831_____154

РОССИЯ XXI